

Правительство Омской области
Институт истории Сибирского отделения РАН
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН
Сибирский филиал Российского института культурологии

СИБИРЬ: ВКЛАД В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Сборник материалов V Всероссийской научной конференции
(Омск, 5–6 мая 2011 г.)*

Омск
2011

УДК 947.085(57)
ББК 63.3(253)62
С341

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н. А. Томилов (гл. ред.),
д-р ист. наук Д. А. Алисов (отв. ред.),
канд. ист. наук М. Л. Бережнова (отв. ред.),
канд. ист. наук В. Л. Кожевин,
д-р ист. наук, чл.-кор. РАН В. А. Ламин,
д-р физ.-мат. наук В. И. Струнин,
К. Ю. Гизиева (секретарь)

С341 **Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне :**
сб. материалов V Всерос. науч. конф. (Омск, 5–6 мая 2011 г.) /
гл. ред. Н. А. Томилов ; отв. ред. Д. А. Алисов, М. Л. Бережнова. –
Омск : Издат. дом «Наука», 2011. – 266 с.

ISBN 978-5-98806-120-5

В сборнике представлены материалы, посвященные вкладу сибиряков и сибирских воинских формирований в победу в Великой Отечественной войне, социокультурному и экономическому потенциалу Сибири, образам войны в литературе, науке и искусстве и военно-патриотическому воспитанию.

Книга рассчитана на историков, работников музеев, учреждений культуры и образования.

УДК 947.085(57)
ББК 63.3(253)62

ISBN 978-5-98806-120-5

© Правительство Омской области, 2011
© Сибирский филиал Российского
института культурологии, 2011

Уважаемые участники конференции!

22 июня 2011 г. исполнится 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Эта трагическая дата, несомненно, окажется в центре внимания миллионов наших соотечественников в России и за рубежом, вызовет значительный резонанс в общественной и научной среде.

Все дальше уходит в историю Великая Отечественная война 1941–1945 гг., все меньше остается живых участников событий, сопряженных со временем бед и испытаний, немислимых трудностей и героических преодолений. Тем драгоценнее для нас и последующих поколений свидетельства людей, для которых та война стала частью жизни, долгом, исполненным честно и достойно. Наряду с этим, важно изучение и научное осмысление событий тех лет, ведь они оказали огромное влияние на политическое и общественное устройство мира в XX в.

В Омском регионе регулярно проводятся научно-практические конференции общероссийского масштаба, посвященные юбилейным датам жизни крупных военачальников – Георгия Жукова, Дмитрия Карбышева, истории Омского кадетского корпуса, Сибирского казачьего войска, публикуются сборники статей и монографии, отражающие результаты интенсивных военно-исторических изысканий. Это позволяет позиционировать Омск как крупный российский центр по изучению военной истории нашего Отечества.

Начиная с 1995 г. при поддержке Правительства Омской области было проведено четыре всероссийских научно-практических конференции «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне». Этот форум традиционно собирает ученых не только Омского Прииртышья, но и других регионов страны, что способствует выстраиванию и укреплению контактов историков-омичей, росту их профессионализма.

В судьбах людей военного поколения события тех лет оставили неизгладимый след. И преломление воспоминаний о суровой работе Родину защищать через призму исследований ученых придает этой теме особенное нравственное звучание. Это память о победителях –

представителях того доблестного поколения, которые самоотверженно и беззаветно служили своему Отечеству и на поле брани, и на необъятных просторах трудового фронта. Это должна быть память, помноженная на любовь и знание. Люди военного и послевоенного времени были и остаются носителями той народной морали, тех духовно-нравственных ценностей, которые составляют основу истинного патриотизма, гражданственности и ответственности.

Проведение конференции и издание ее материалов будут способствовать патриотическому воспитанию молодежи, активному использованию научной трибуны для противостояния фальсификаторам славной истории нашей Родины, а также развитию потенциала Омска как нового центра военно-исторических исследований, укреплению связей с научной общественностью стран СНГ и ближнего зарубежья.

Пусть память и новые знания о тех трагических событиях дают нынешнему и всем будущим поколениям омичей силы и желание жить достойно!

Губернатор Омской области
Л. К. Полежаев

Н. А. Томилов, М. А. Жигунова, В. С. Томилова

*Омск, государственный университет,
филиал Института археологии и этнографии,
Сибирский филиал Российского института культурологии*

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СИБИРЬ: ВКЛАД В ПОБЕДУ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»**

Первая Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» была проведена 4–5 мая 1995 г. и посвящена 50-летию Победы советского народа над фашизмом.

Мнение о необходимости проведения такой конференции именно в Омске формировалось в 1994 г. с учетом следующих факторов. Во-первых, в Омске складывалась небольшая группа ученых, которая занималась историей военного дела, различных слоев военнослужащих разных периодов истории Российской империи и СССР, историей культуры и быта военных, их вклада в развитие культуры страны и т. д. Во-вторых, оказалось, что такая тематика не была востребована тогда на уровне всероссийских научных мероприятий, а ведь роль сибиряков была очень даже существенной в деле обеспечения победы СССР над фашистской Германией. В своем вступительном слове на первой конференции глава Администрации Омской области, в те годы председатель Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» Леонид Константинович Полежаев совершенно верно отметил: «Большой вклад в дело разгрома фашизма внесли трудящиеся Сибири, в том числе рабочие, колхозники, интеллигенция... Они сражались на фронтах, самоотверженно трудились на заводах и фабриках, на предприятиях железнодорожного и водного транспорта, на стройках, в леспромхозах, в полеводстве и животноводстве»¹.

Наконец, организаторы конференции понимали, что такое мероприятие не только может способствовать развитию военно-исторических исследований в России, но и будет играть немалую роль в воспитании патриотизма в российском обществе, особенно в среде молодежи.

С инициативой о проведении этой научной конференции в Омске выступил ОФ ОИИФФ СО РАН. Он получил поддержку со сторо-

ны генерального директора ОИИФФ СО РАН академика А. П. Деревянко, а после этого и со стороны председателя Президиума СО РАН академика В. А. Коптюга. Администрация Омской области приняла постановление о проведении такой всероссийской научной конференции в Омске и полностью обеспечила финансирование ее организации, став таким образом главным организатором этого крупного форума. Кроме того, основными организаторами выступили: Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» и ОмГУ, а соорганизаторами стали: Законодательное собрание Омской области, Институт истории СО РАН, Омское высшее общевоинское командное дважды Краснознаменное училище им. М. В. Фрунзе, Российский фонд культуры, Совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Омской области, ОмГТУ, Омская областная организация общества «Знание», Омский областной общественно-политический центр.

Возглавил оргкомитет конференции председатель Совета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», глава Администрации Омской области, член-корреспондент Инженерной академии РФ, почетный профессор ОмГУ Л. К. Полежаев. Заместителями председателя оргкомитета стали: председатель Совета ректоров Омска, ректор Сибирского автодорожного института профессор Л. Г. Горынин, заместитель главы Администрации Омской области М. А. Руденок, директор ОФ ОИИФФ СО РАН профессор Н. А. Томилов, учеными секретарями – доцент ОмГУ В. Л. Кожевин и профессор ОмГТУ Э. Ш. Хазиахметов. В состав оргкомитета вошли видные ученые: заместитель директора СФ РИК доцент Д. А. Алисов, профессора ОмГПУ М. Е. Бударин, В. М. Самосудов, В. Н. Худяков, директор Института истории СО РАН член-корреспондент РАН Л. М. Горюшкин, ректор ОмГТУ академик Международной академии наук высшей школы Н. С. Жилин, профессор Сибирского автодорожного института А. Д. Колесников, ректор ОмГУ профессор В. В. Тихомиров, краевед Ф. К. Надь, начальник Омского высшего общевоинского командного училища генерал-майор Н. Т. Фатеев, руководители омских областных государственных и общественных организаций: Н. М. Генова, И. П. Обметкин, А. М. Пахолак, А. Е. Плетнев, В. В. Пономарев, В. В. Радул, Н. П. Салохин, Л. М. Шугурова.

Участников конференции приветствовали: заместитель главы Администрации Омской области М. А. Руденок, председатель Совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Омской области полковник А. Е. Плетнев, архиепископ Омский и Тарский Феодосий, оркестр и ансамбль певцов Омского высшего общевоинского командного училища им. М. В. Фрунзе.

Всего было заслушано 44 доклада. На пленарном заседании выступили профессора, доктора исторических наук: А. Д. Колесников (Омск) на тему «Боевые и трудовые подвиги сибиряков в Великой Отечественной войне», М. Е. Бударин (Омск) – «Сибирский тыл 1941–1945 гг.», М. М. Ефимкин (Новосибирск) – «Социально-демографическое эхо Великой Победы», доцент, полковник А. М. Жигун и генерал-майор Н. Т. Фатеев (Омск) – «Сибирский характер и воинский долг», академик Академии истории и политологии России, профессор, доктор исторических наук Н. П. Шуранов (Кемерово) – «Фронт и тыл были едины», профессор, кандидат исторических наук В. Ш. Назимова и доцент, кандидат исторических наук В. Г. Рыженко (Омск) – «Художественные музеи в годы Великой Отечественной войны».

Далее работа конференции проходила по трем секциям: «Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне», «Наука и культура в период Великой Отечественной войны» и «Великая Отечественная война в научной и учебной литературе, документах, музейных экспозициях».

К началу работы конференции был опубликован сборник научных докладов объемом 18 печатных листов², который был разослан по библиотекам Сибири, а также специальный выпуск областной газеты «Вестник культуры»³. В докладах и 28 выступлениях в прениях были рассмотрены научные стороны проблемы «Сибирь накануне, в период и после Великой Отечественной войны», выявлены белые пятна в ее изучении и намечены пути дальнейших исследований, в том числе силами омских ученых.

По итогам конференции было принято развернутое решение, в которое, помимо данных о самой конференции, были включены предложения по проведению дальнейших комплексных научных исследований роли Сибири и сибиряков в Великой Отечественной войне и конкретные предложения по изданию научной, научно-популярной и краеведческой литературы, по проведению в Омске второй такой конференции, по спасению музеев, посвященных Великой Отечественной войне. В решение вошло также и обращение участников конференции к Институту истории СО РАН и его директору члену-корреспонденту РАН Л. М. Горюшкину о необходимости создания в СО РАН общесибирского Научно-координационного совета по изучению периода Великой Отечественной войны в Сибири.

Участники конференции побывали на экскурсии по г. Омску, возложили цветы героям войны в памятном мемориале парка Победы Омска, посетили выставку «Этот день мы приближали как могли» в Омском государственном историко-краеведческом музее, побывали на спектакле гастролеровавшего в эти дни в Омске Государственного

академического театра им. Евг. Вахтангова, который в годы войны находился в эвакуации и работал в Омске. Часть участников конференции присутствовали на открытии в Омске первого в Сибири памятника маршалу Г. К. Жукову. На торжественном митинге выступили: Л. К. Полежаев, народный артист СССР М. А. Ульянов (Москва), руководители работ по созданию памятника и его авторы (Н. Захаров, А. Цимбал и др.).

В целом участники конференции 1995 г. отметили ее высокий организационный уровень, большую научную и политико-воспитательную значимость и большой успех. Это нашло отражение и в материалах прессы⁴.

Вторая Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне», посвященная 55-летию Победы в Великой Отечественной войне, была проведена во исполнение решения первой конференции в Омске в конце апреля – начале мая 2000 г. С инициативой о проведении второй научной конференции снова выступил ОФ ОИИФФ СО РАН. Он получил поддержку со стороны губернатора Омской области Л. К. Полежаева и заместителя главы Администрации Омской области профессора А. И. Казанника. Благодаря этому Администрация Омской области стала главным организатором данного научного мероприятия. Основными организаторами конференции стали также: ОмГУ, ОмГТУ, Российский фонд культуры и СФ РИК, а соорганизаторами выступили: Институт истории СО РАН, Омская областная организация общества «Знание», Омский научный центр Академии наук высшей школы РФ, Совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Омской области, Омский танковый инженерный институт, Омский филиал Российского фонда культуры, Омское отделение Академии гуманитарных наук, Управление молодежной политики Администрации г. Омска.

Возглавил оргкомитет конференции заместитель главы Администрации Омской области профессор А. И. Казанник, заместителем председателя оргкомитета стал директор ОФ ОИИФФ СО РАН и СФ РИК, заведующий кафедрой ОмГУ профессор Н. А. Томилов, ученым секретарем – заведующая сектором ОФ ОИИФФ СО РАН доцент Г. М. Патрушева, ответственным секретарем – консультант Комитета по делам науки и высшей школы Администрации Омской области С. В. Кононов и секретарем – научный сотрудник ОФ ОИИФФ СО РАН М. А. Жигунова. В состав оргкомитета вошли известные ученые: профессора ОмГПУ М. Е. Бударин и В. Н. Худяков, профессора ОмГТУ В. Д. Полканов и Э. Ш. Хазиахметов, ректор ОмГУ профессор Г. И. Геринг, председатель Совета ректоров вузов Омской области, ректор ОмГТУ

профессор Н. С. Жилин, директор Института истории СО РАН член-корреспондент РАН, профессор В. А. Ламин, начальник Омского танкового инженерного института А. Н. Леонтьев, проректор по научной работе ОмГУ профессор А. В. Ремнев, руководители омских областных и городских государственных и общественных организаций: Г. В. Брицко, С. С. Гиль, Р. И. Зыкова, В. Н. Мурзаков, А. Е. Плетнев, А. А. Телевной, В. В. Шалак.

Всего в конференции приняли участие более 250 чел., в том числе ученые из 23 городов России и казахстанского города Кокшетау. Были заслушаны и обсуждены 62 (в 1995 г. их было 44) доклада, в прениях состоялось 52 выступления.

Были проведены 2 пленарных заседания, затем работали 4 секции – «Вклад сибиряков и сибирских воинских образований в победу», «Военная история России. Армия и общество», «Экономический и социокультурный потенциал Сибири в довоенный, военный и послевоенный периоды» и «Великий подвиг. К 55-летию Победы». Последняя секция работала 26–27 апреля в форме молодежной научно-практической конференции. На пленарном заседании ее участников приветствовал проректор ОмГТУ профессор В. И. Трушляков, состоялись секционные заседания и круглый стол «Современное понимание понятия “патриотизм”» с участием представителя президента РФ по Омской области доцента А. В. Минжуренко.

4–5 мая проходила работа основной части конференции. С приветственными речами к ее участникам обратились председатель Комитета по делам науки и высшей школы Администрации Омской области доцент А. А. Телевной и представитель Омского областного совета ветеранов, участник Великой Отечественной войны полковник А. В. Романенко. Затем председательствующий профессор Н. А. Томилов передал приветствия и пожелания успешной работы конференции от генерального директора ОИИФФ СО РАН академика А. П. Деревянко, директора Института истории СО РАН профессора В. А. Ламина и президента Российского фонда культуры народного артиста СССР Н. С. Михалкова. Собравшиеся почтили вставанием память ушедших из жизни со времени первой конференции членов ее оргкомитета: члена-корреспондента РАН Л. М. Горюшкина, краеведа Ф. К. Нады, заместителя главы Администрации Омской области М. А. Руденка, профессора В. М. Самосудова.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады Л. М. Марцевой (Омск) «Идеологический и исторический подходы в осмыслении Великой Отечественной войны», Н. К. Форсовой (Челябинск) «Духов-

ный поворот в советской ментальности в условиях войны», В. Д. Полканова (Омск) «Роль СССР в разгроме фашистской Германии», Г. М. Патрушевой, Н. А. Томилова и Н. А. Хвостова (Омск) «Народы Сибири и изучение их вклада в победу в Великой Отечественной войне», Ю. П. Прибыльского (Тобольск) «Война и экономика Севера», Т. Г. Леоновой (Омск) «Фольклор в годы войны», Ю. М. Трибицова (Кемерово) «Гермин “Великая Отечественная война”: сибирский взгляд», М. Е. Бударина (Омск) «Неизвестные страницы об омичах военных лет», Г. А. Порхунова (Омск) «Писатели-сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны», В. Г. Рыженко и В. Ш. Назимовой (Омск) «Человек в условиях Великой Отечественной войны (по мемуарам и дневникам деятелей культуры)» и др.

На заключительном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций, принято решение конференции, в котором содержались предложения и рекомендации по научной и научно-организационной работе и по патриотическому воспитанию россиян. Было высказано, в частности, предложение изучить вопрос о возможности создания коллектива ученых для подготовки фундаментальной научной работы «Сибирь и Великая Отечественная война». Рекомендовано следующую третью конференцию «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» провести в Омске в 2005 г. и посвятить ее 60-летию Победы.

Участники конференции отметили высокий уровень организации и проведения данного научного мероприятия, его значительную научную и патриотически-воспитательную важность, что нашло отражение и в публикациях в средствах массовой информации⁵.

В работе конференции приняли участие историки, культурологи, библиотековеды, филологи, философы, этнографы, юристы, педагоги, военнослужащие, работники архивов, музеев и административных учреждений, аспиранты, студенты и школьники. В культурную программу вошло посещение экспозиции и выставок одного из лучших художественных музеев Сибири – Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Позднее был выпущен сборник с материалами конференций⁶.

5–6 мая 2005 г. в Омске состоялась *Третья Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»*, посвященная 60-летию Победы. Она проводилась согласно распоряжению губернатора Омской области Л. К. Полежаева (№ 148-р от 27 мая 2004 г.).

Основными организаторами конференции стали: Правительство Омской области, Институт истории СО РАН, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

евского, ОФ ОИИФФ СО РАН, СФ РИК. Соорганизаторами юбилейной конференции выступили: Городской музей «Искусство Омска», Общественная коалиция Омской области, Общественное межрегиональное объединение «Сибирский Народный Собор», Омская областная общественная организация ветеранов войны и военной службы, Омская областная общественная организация «Центр славянских традиций», Омская областная организация общества «Знание», Омский кадетский корпус, Омский танковый инженерный институт, Омский филиал Российского фонда культуры, Омское отделение «Сибирского Народного Собора», Омское региональное отделение Русского географического общества, Российский фонд культуры.

Председателями оргкомитета этой конференции стали: губернатор и председатель Правительства Омской области Л. К. Полежаев, директор Института истории СО РАН член-корреспондент РАН В. А. Ламин, директор ОФ ОИИФФ СО РАН и СФ РИК, заведующий кафедрой этнографии и музееведения ОмГУ профессор Н. А. Томилов; заместителями председателей оргкомитета – старший научный сотрудник ОФ ОИИФФ СО РАН М. А. Жигунова и доцент ОмГУ В. Л. Кожевин. Рабочую группу по подготовке и проведению конференции возглавил министр образования Омской области В. Я. Никитин. Значительный вклад в проведение конференции внесли члены ее оргкомитета: ректор ОмГУ профессор Г. И. Геринг, председатель Президиума Омского научного центра СО РАН член-корреспондент РАН В. А. Лихолобов, начальник Омского кадетского корпуса профессор В. Р. Басаев, заместитель директора ОФ ОИИФФ СО РАН Е. Ю. Смирнова, а также ученый секретарь ОФ ОИИФФ СО РАН доцент С. Н. Корушенко, доцент ОмГУ Т. Б. Смирнова, аспирант ОФ ОИИФФ СО РАН Е. В. Титов.

На участие в третьей конференции было подано 124 заявки ученых из 19 городов России, были представлены регионы России от Махачкалы и Санкт-Петербурга на западе и до Иркутска на востоке. Две заявки поступили из Республики Казахстан – из Астаны и Павлодара. Во всей Сибири (включая отечественный Дальний Восток) это была единственная конференция, посвященная 60-летию Победы, со статусом всероссийской.

К началу работы конференции были опубликованы ее программа, сборник научных трудов с материалами конференции и газета – совместный номер двух изданий – газеты «Омский университет» и пресс-бюллетеня «Вестник культуры» (издается Омским филиалом Российского фонда культуры)⁷.

В президиуме I Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) А. Д. Колесников, А. Е. Плетнев, Э. Ш. Хазиахметов, В. Л. Кожевин, М. А. Руденок, Н. А. Томилов, Л. Г. Горынин, Н. П. Солохин, Н. С. Жилин, В. В. Тихомиров, Н. Т. Фатеев. 4 мая 1995 г.

На заседании секции I Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»
Н. А. Томилов
и Г. М. Патрушева.
5 мая 1995 г.

Члены бюро оргкомитета III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) Н. А. Томилов, Д. А. Алисов, М. А. Жигунова, В. Л. Кожевин.
14 апреля 2005 г.

И газета, и сборник научных трудов открылись «Обращением губернатора Омской области Л. К. Полежаева к участникам III Всероссийской научной конференции “Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне”», в котором дана и оценка конференции: «Конференция важна не просто как трибуна для обобщения новейших научных изысканий, нацеленных на важнейший период истории нашей страны, а своим особым гражданским звучанием. Для всех ее участников, и главным образом молодежи, это еще одна возможность почувствовать, пропустить через душу и сердце судьбу своего народа, осмыслить уроки самого кровопролитного и трагического события XX в.»⁸.

Пленарное заседание, которым открылась конференция, проходило в актовом зале 6-го корпуса ОмГУ, украшенном по этому случаю флагами Российской Федерации и Омской области, плакатами в честь 60-летия Победы. В фойе играл духовой оркестр Омского танкового института. А в зале собрались учащиеся этого института, кадеты Омского кадетского корпуса, ветераны-участники Великой Отечественной войны, преподаватели, ученые, студенты ОмГУ.

Открылась конференция исполнением гимна Российской Федерации. Затем председательствующий Н. А. Томилов кратко рассказал об истории этой конференции и составе участников третьей конференции. От имени Правительства Омской области с приветственной речью выступил министр образования В. Я. Никитин. Он, в частности, сказал: «Война окончилась, но эхо ее звучит в наших сердцах. “Это нужно не мертвым, это нужно живым”, – будет повторено еще не раз. Всем грядущим поколениям, на плечи которых ложится бремя ответственности за будущее Отчизны, ветераны передают самое драгоценное достояние – науку любить Родину. И как хочется, чтобы освоили мы все эту науку всерьез и надолго... Я думаю, именно для этого мы сегодня собрались в этом зале. Нынешняя научно-практическая конференция не только попытка пополнить копилку каких-то историографических данных, не какое-то формальное предпраздничное мероприятие, это не дань традиции – это зов и наш ответ вызовам времени, которые требуют мужества, чести и достоинства, завещанного нам поколением победителей. Желаю вам успешной работы и всего самого доброго!»

С приветственной речью выступил и главный федеральный инспектор аппарата полномочного представителя президента РФ по Сибирскому федеральному округу по Омской области В. Г. Миронов. Он огласил правительственную телеграмму от полномочного представителя президента РФ в Сибирском федеральном округе А. В. Квашнина в адрес участников конференции, в которой содержалась оценка праздника 60-летия Победы и пожелание ученым успешной и плодотворной работы в военно-исторических исследованиях и в пропаганде патриотизма.

С приветствиями на конференции выступили также: митрополит Омский и Тарский Феодосий, председатель Омской областной общественной организации ветеранов войны и военной службы полковник В. И. Дедов, председатель президиума Омского научного центра СО РАН член-корреспондент РАН В. А. Лихолобов.

На пленарном заседании были заслушаны доклады М. И. Машкарина (Омск) «Вклад сибиряков в победу над немецко-фашистской Германией», А. В. Голубева (Москва) «Образ союзника в массовом сознании советского общества в годы Великой Отечественной войны», Г. А. Порхунова (Омск) «Русская патриотическая традиция защиты Отечества», В. Р. Басаева (Омск) «Омское пехотное училище в годы Великой Отечественной войны», В. П. Корзун (Омск) «Научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны», А. А. Долголюка (Новосибирск) «Капитальное строительство в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны», В. Г. Рыженко (Омск) «Образы-символы Победы и героизма победителей в пространстве советского западносибирского города (конец 1940-х – начало 1950-х гг.)», М. А. Жигуновой (Омск) «Великая Отечественная война в представлениях современных студентов», Н. А. Томилова и В. С. Томиловой (Омск) «Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях середины 1990 – середины 2000-х гг.».

Всего на конференции было заслушано 63 доклада. Работа конференции проходила по четырем направлениям. Первая секция «Социокультурный, экономический и военный потенциал Сибири» работала под председательством старшего научного сотрудника Института истории СО РАН доцента А. А. Долголюка и главного специалиста Омского регионального центра по связям с общественностью Администрации Омской области М. И. Машкарина. На этой секции с докладами выступили: В. О. Дубинин (Омск) «Социальный состав частей и подразделений Сибирского военного округа в период 1865–1905 гг.», Н. М. Щербин (Новосибирск) «Повышение образовательного уровня красноармейцев СибВО (1920–1925 гг.)», Ю. П. Прибыльский и О. Ю. Ширшов (Тобольск) «Вклад речников Сибири в развитие Севера», О. А. Гайлит (Омск) «Предчувствие войны в деревенских слухах 1930-х гг.», Т. В. Мармонтова (Астана, Казахстан) «Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана и ее деятельность в годы войны», Л. И. Огородникова (Омск) «Особенности и эффективность работы омских эвакогоспиталей в 1942 г.», Е. Н. Гусева (Омск) «Деятельность омских спортивных организаций в период Великой Отечественной войны», Ш. К. Ахметова (Омск) «Свадебная обрядность казахов в годы Великой Отечественной войны», И. Н. Чернова (Омск) «К характеристике семейного быта немцев Западной Сибири

Перед началом работы III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) Н. А. Томилов, В. А. Лихолобов, Г. И. Геринг, митрополит Омский и Тарский Феодосий, В. Я. Никитин, священник, А. В. Ремизов. 14 апреля 2005 г.

В президиуме III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) В. Г. Миронов, митрополит Омский и Тарский Феодосий, В. Я. Никитин, Н. А. Томилов, Г. И. Геринг, А. Д. Колесников. 5 мая 2005 г.

На пленарном заседании III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» с приветствием выступает полковник В. И. Дедов. 5 мая 2005 г.

в годы Великой Отечественной войны», Е. В. Мельникова (Омск) «Образ жизни омичей в период Великой Отечественной войны» и «Омский ТЮЗ и Театр кукол в годы Великой Отечественной войны», Р. Л. Надеждин (Омск) «О славной 308-й стрелковой дивизии», М. А. Орлов (Кемерово) «Смертность немецких военнопленных и интернированных в Кузбассе в 1946–1949 гг. (по спискам захороненных)», А. Е. Тарасова (Кемерово) «Советская власть и интеллигенция Западной Сибири в первые послевоенные годы».

Самой малочисленной оказалась вторая секция «Армия и войны России в панораме столетий». Ее работой руководили профессор ОмГПУ Г. А. Порхунув и доцент ОмГУ В. Л. Кожевин. Здесь были заслушаны следующие доклады: О. В. Гефнер (Омск) «Социальный облик и материальное благосостояние нижних чинов русской армии конца XIX – начала XX вв. (на материалах Западной Сибири)», А. С. Афанасьев (Омск) «Георгиевские награды Сибирского казачьего войска (XIX – начало XX вв.)», С. М. Толмачев (Омск) «Казачи России в годы Великой Отечественной войны», В. П. Квашнин (Омск) «Основные черты идеального офицера в публицистических работах М. О. Меньшикова 1905–1914 гг.», Т. В. Кребс (Омск) «К истории информационных войн Сибири (1918–1919 гг.)», В. Ю. Волошина (Омск) «К вопросу о патриотизме русских эмигрантов накануне Великой Отечественной войны», И. И. Баке (Уфа) «Военные училища республики Башкортостан в годы Великой Отечественной войны», В. Л. Кожевин (Омск) «О возрождении традиций русского офицерства в годы Великой Отечественной войны», И. Н. Суслов и Г. М. Тимоеева (Омск, Тара) «От борьбы немецких интернационалистов в Советской России до движения Сопrotивления фашизму в Европе: научные материалы в студенческой аудитории», К. В. Фадеев (Томск) «Обеспечение национальной безопасности России».

Самой многочисленной оказалась третья секция, на которой обсуждались вопросы военно-патриотического воспитания и воспоминания о войне. Работой этой секции руководили старший научный сотрудник ОФ ОИИФФ СО РАН М. А. Жигунова и доцент Новосибирского государственного аграрного университета Г. В. Шойдина. За два дня работы здесь были заслушаны следующие доклады: Т. Н. Золотова (Омск) «Военно-патриотическое воспитание в школе и семье», Н. Н. Шелегин и О. Н. Шелегина (Новосибирск) «Использование экспозиции Музея СО РАН в военно-патриотическом воспитании учащихся», Г. А. Туленцев (Омск) «Военно-патриотическое воспитание казачьей молодежи», Г. В. Шойдина (Новосибирск) «Молодежь о патриотизме (глазами студентов)», Е. А. Тирская (Омск) «Великая Отечественная война и проблемы патриотического воспитания студентов», Л. В. Секретова (Омск) «Патриотическое воспитание и клуб

в социально-культурном пространстве омского региона», К. Н. Сулов и Г. М. Тимомеева (Омск, Тара) «Нравственность народа в военное лихолетье», Н. А. Томилов (Омск) «Штрихи моих детских воспоминаний о первых послевоенных годах. Несколько документов из архива фронтовика Аркадия Васильевича Томилова», Ш. К. Ахметова (Омск) «Из истории аула Кыржас», Т. М. Никитина (Омск) «Воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне», М. А. Замахина, Т. В. Чарикова, А. А. Бухтина, Л. Г. Багринцева и И. А. Захаренко (Омск) «Оборона Кавказа в биографии девушки-санинструктора» (с демонстрацией видеофильма), И. П. Шихатов (Омск) «Фронтная разведка», И. Б. Гладкова (Омск) «Записная книжка и дневники омского писателя П. Н. Ребринна (из семейного архива)», Е. М. Белецкая (Тверь) «Традиции военной песенной лирики в фольклоре казаков», А. Д. Цветкова (Павлодар, Казахстан) «Частушки о Великой Отечественной войне в современных записях».

Четвертая секция «Образы войны в науке и художественной культуре» работала 6 мая 2005 г. в Городском музее «Искусство Омска». Ее возглавляли руководитель центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН А. В. Голубев и профессор ОмГУ В. Г. Рыженко. На заседаниях были заслушаны и обсуждены следующие доклады: А. В. Голубев (Москва) «Союзники в советской политической карикатуре в годы Отечественной войны», В. И. Балашенко и В. А. Каменев (Омск) «Роль географии и географов в Великой Отечественной войне», А. У. Трофимова (Омск) «Образы Великой Отечественной войны в работах омских художников (из коллекции Городского музея «Искусство Омска)», Г. Ю. Мысливцева (Омск) «Детские рисунки на военную тему в коллекциях Городского музея “Искусство Омска” (1960–1990-е гг.)», Е. В. Груздов (Омск) «Война как культурный код в работах Д. Муратова», Е. А. Акелькина (Омск) «Омский альманах 1945 г.», С. П. Бычков (Омск) «Личности полководцев в художественном историческом кинематографе конца 1930–1940-х гг.», В. Ш. Назимова (Омск) «Эвакуированные архитекторы в Омске: неизвестные судьбы в культуре Сибири военных лет», В. П. Касьянов (Омск) «Страницы военной истории в произведениях скульптуры из собрания Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля», Е. М. Каткова (Омск) «Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина в годы Великой Отечественной войны», О. Н. Шелегина и Г. М. Запорожченко (Новосибирск) «Военные биографии сибирских ученых в рамках реализации проекта “Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации”», О. В. Петренко (Гурова) (Омск) «Омский областной драматический театр в годы Великой Отечественной войны: проблемы

изучения», Н. Г. Царапкин (Омск) «Тема Великой Отечественной войны в творчестве омских композиторов», В. Н. Киселев (Омск) «По следам окопных песен».

В культурную программу конференции вошли следующие мероприятия. После пленарного заседания 5 мая 2005 г. участников и гостей конференции приветствовали творческие коллективы Дома культуры им. А. М. Малунцева: народный фольклорный ансамбль «Омские девчата» (руководитель – А. П. Попова) и детский образцовый фольклорный ансамбль «Жемчужинка» (руководитель – Н. М. Зерембюк). В этот же день для участников конференции была проведена экскурсия в Омский государственный историко-краеведческий музей, где специально к 60-летию Великой Победы были организованы две выставки. На первой из них – «Родина-мать зовет» – были представлены плакаты времен Великой Отечественной войны, а на второй – «Запомните нас молодыми» – были показаны интерьер и различные предметы военного времени, фотографии, письма с фронта и т. п. На следующий день участников конференции пригласили на экскурсию в Музей археологии и этнографии ОмГУ, которую провел директор этого музея В. В. Михалев. После этого была организована автобусная экскурсия по городу. Директор Омского филиала Российского фонда культуры, научный сотрудник СФ РИК А. П. Сорокин познакомил иногородних гостей как с историческими и памятными местами Омска, так и с его современными достопримечательностями и новостройками.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций, приняты решения и рекомендации, подведены основные итоги двухдневной работы конференции. Было решено четвертую конференцию по этой тематике провести в 2010 г. и посвятить ее 65-летию Победы. Все выступавшие благодарили оргкомитет за работу по организации и проведению конференции, отмечали особую актуальность конференции, посвященной Победе в Великой Отечественной войне в связи с необходимостью усиления военно-патриотического воспитания.

Четвертая Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» прошла в Омске 6–7 мая 2010 г. и была посвящена 65-летию Победы.

Главный инициатор и организатор этой конференции – Правительство Омской области. Из учебных заведений в организации участвовали: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского и Омский кадетский корпус. Из научных учреждений – Институт истории СО РАН, Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина, ОФ ИА-ЭТ СО РАН и СФ РИК. Из общественных организаций – Общественное

межрегиональное движение «Сибирский Народный Собор» и его Омское отделение, Омская областная общественная организация ветеранов войны и военной службы, Омское региональное отделение Русского географического общества, Российский фонд культуры и его Омский филиал.

Оргкомитет возглавили: губернатор Омской области Л. К. Полежаев, директор Института истории СО РАН В. А. Ламин и директор ОФ ИАЭТ СО РАН Н. А. Томилов.

Заместителями председателей оргкомитета стали: заместитель председателя Правительства Омской области А. В. Артемьев, заместитель директора СФ РИК Д. А. Алисов и доцент ОмГУ В. Л. Кожевин, а ученым секретарем – доцент ОмГАУ О. В. Гефнер. В состав оргкомитета вошли также: В. С. Баженов (от Географического общества), В. Р. Басаев (от кадетского корпуса), В. И. Дедов (от организации ветеранов войны), А. М. Жигун (от Комитета по безопасности Омской области), В. А. Лихолобов (от Омского научного центра СО РАН), Н. С. Михалков (от Российского фонда культуры), Е. Ю. Смирнова (от ОФ ИАЭТ СО РАН), В. Н. Соколова (от Омского отделения «Сибирского Народного Собора»), А. П. Сорокин (от Омского филиала Российского фонда культуры), В. И. Струнин (от ОмГУ), Р. Н. Царева (от областной научной библиотеки), В. Ф. Шрейдер (от мэрии Омска).

Работа конференции проходила в Омской государственной областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина. Началась она с посещения созданной в этой библиотеке выставки «И выстояли, и победили: 65-летию Победы посвящается». Перед началом пленарного заседания перед его участниками выступил ансамбль факультета культуры и искусств госуниверситета с композицией, посвященной 65-летию Победы.

Выступивший заместитель председателя Правительства Омской области А. В. Артемов приветствовал собравшихся и зачитал обращение губернатора Л. К. Полежаева к участникам конференции. В этом обращении звучала и оценка роли ученых: «...исследовательский поиск, творческий труд ученых приобретают особое звучание в контексте решения ответственных задач патриотического воспитания, сбережения исторической памяти народа»⁹.

В зачитанном затем приветствии председателя Президиума СО РАН академика А. Л. Асеева также было уделено внимание научным исследованиям историков: «Уверен, что и сегодня, как это было в предшествующие годы, участники конференции представят аудитории оригинальные исследовательские достижения, определят перспективные направления дальнейшего изучения роли Сибирского региона в борьбе за Великую Победу, внесут свой вклад в развенчание псевдонаучных идей и попыток фальсификации истории Великой Отечественной войны».

На трибуне III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» полковник В. Р. Басаев.
5 мая 2005 г.

На трибуне III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» профессор В. П. Корзун.
5 мая 2005 г.

Участники III конференции во время пленарного заседания в VI корпусе ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. 5 мая 2005 г.

Участники III конференции во время пленарного заседания в VI корпусе ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. 5 мая 2005 г.

В зале заседания IV Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне». 6 мая 2010 г.

Группа участников IV Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) С. Н. Корусенко, И. Ш. Ростомян, Н. А. Томилов, М. А. Жигунова. 6 мая 2010 г.

Председательствующие на пленарном заседании IV Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) А. В. Артемов, Н. А. Томилов. 6 мая 2010 г.

В президиуме заседания IV Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»: (слева направо) В. И. Струнин, А. В. Артемов, Н. А. Томилов, Г. И. Геринг. 6 мая 2010 г.

Затем были заслушаны доклады новосибирских и омских историков. В них освещались проблемы истории Великой Отечественной войны, вопросы развенчания псевдонаучных идей и попыток фальсификации истории этой войны – это доклады профессоров Д. А. Алисова «Великая Отечественная война и историческая память народа», М. В. Шиловского «Великая Отечественная война глазами историка», В. П. Корзун «Историческая наука и война».

Другой круг докладов был посвящен вкладу сибиряков в обеспечение победы Советского Союза – это выступление курсанта Омского кадетского корпуса А. А. Зайцева «Вклад Омского пехотного училища в Великую Победу», доклады доцента А. В. Рычкова «Ученые-аграрники Сибири – фронту и тылу», профессора Н. А. Томилова «Музей Сибири в годы Великой Отечественной войны» и др.

Доклад доцента М. А. Жигуновой «Великая Отечественная война: современные стереотипы, герои, события» активно обсуждался, наибольший интерес вызвала проблема представлений современной молодежи о войне, были отмечены большие провалы в историческом образовании школьников и студентов.

О современном восприятии Великой Отечественной войны и ее участников речь шла в докладах профессора Е. А. Акелькиной «Портрет отца и воспоминания о Сталинградской битве» и А. П. Сорокина «О новом прочтении темы Великой Отечественной войны средствами музейной экспозиции». У слушателей вызвал интерес и доклад мировоззренческой направленности доцента О. В. Гэфнер «Человек и война в осмыслении русских религиозных философов». Были заслушаны также доклады А. С. Афанасьева «Полководческие ордена Советского Союза в современной России» и Н. Ф. Хилько «Советское кино на экранах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны».

Состоялась презентация нового номера издающегося в Омске журнала «Культурологические исследования в Сибири», посвященного 65-летию Победы. В него вошли и тексты докладов участников конференции¹⁰. А 7 мая состоялся круглый стол «Актуальные проблемы изучения и преподавания истории Великой Отечественной войны».

Участники конференции предложили подобные научные форумы проводить в Омске чаще и следующую конференцию «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» посвятить 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны. С целью повышения статуса конференции до международного уровня было предложено приглашать на нее не только российских ученых, но и историков из стран ближнего и дальнего зарубежья¹¹.

¹ *Полежаев Л. К.* Подвиги омичей в годы Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. – Омск, 1995. – С. 3.

² Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне / отв. ред. В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов, Э. Ш. Хазиахметов. – Омск, 1995.

³ Вестник культуры. Пресс-бюллетень. – 1995. – № 2 (15).

⁴ *Бородин В.* Конференция к нам – всероссийская! // Омский вестник. – 1995. – 25 апр.; За вашу и нашу Победу // Омский университет. – 1995. – 17 февр.; К 50-летию Победы // Наука в Сибири. – 1995. – № 8; *Наш. кор.* Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Наука в Сибири. – 1995. – № 21–22; Сибирь: вклад в Победу // Омский вестник. – 1995. – 2 марта; *Томилов Н.* Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Омский университет. – 1995. – 18 мая.

⁵ За Победу! // Поиск. – 2000. – 19 мая; К 55-летию Победы // Наука в Сибири. – 2000. – № 6; К 55-летию Победы в Великой Отечественной войне // Омский университет. – 2000. – 4 февр.; Конференции – 2000 // Омский вестник. – 2000. – 3 февр.; *Наш. кор.* Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне // Наука в Сибири – 2000. – № 23; *Томилов Н., Томилова В.* Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Омский университет. – 2000. – 26 мая.

⁶ Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. М. А. Жигунова, Э. Ш. Хазиахметов. – Омск, 2001.

⁷ Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: программа III Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (Омск, 5–6 мая 2005 г.) / отв. за выпуск М. А. Жигунова, В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов. – Омск, 2005; Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: сб. тезисов и докладов III Всерос. науч. конф. (Омск, 5–6 мая 2005 г.) / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. М. А. Жигунова, В. Л. Кожевин. – Омск, 2005; Омский университет – Вестник культуры: орган ученого совета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского и Омского филиала Российского фонда культуры. – 2005. – № 1.

⁸ Обращение губернатора Омской области Л. К. Полежаева к участникам III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. – Омск, 2005. – С. 3.

⁹ Обращение губернатора Омской области Л. К. Полежаева к участникам IV Всероссийской конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» и к читателям журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Культурологические исследования в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 6–7.

¹⁰ Культурологические исследования в Сибири / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. Д. А. Алисов, М. Л. Бережнова, Т. Н. Золотова. – 2010. – № 1.

¹¹ Работа конференции и ее результаты освещались в прессе: *Ахунова Э., Сорокин А.* Омские конференции гуманитарного профиля в 2010 году // Вестник культуры: орган Омского филиала Российского фонда культуры. – 2010. – № 1. – С. 7; *Вестников Н.* Вклад ученых // Омский университет. – 2010. – 21 мая. – С. 4; *Он же.* Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне // Наука в Сибири. – 2010. – 13 мая. – С. 2; и др.

ЛИТЕРАТУРА
О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СИБИРЬ: ВКЛАД В ПОБЕДУ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»

Материалы конференции

Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне / отв. ред. В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов, Э. Ш. Хазиахметов. – Омск: Омск. филиал Объедин. ин-та истории, филологии и философии СО РАН, 1995. – 281 с.

Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. М. А. Жигунова, Э. Ш. Хазиахметов. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 266 с.

Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. М. А. Жигунова, В. Л. Кожевин. – Омск: Издат. дом «Наука», 2005. – 197 с.

Культурологические исследования в Сибири / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред. Д. А. Алисов, М. Л. Бережнова, Т. Н. Золотова. – Омск: Издат. дом «Наука», 2010. – № 1. – 168 с.

Примечание. В этот номер журнала «Культурологические исследования в Сибири» включены материалы (статьи) IV Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне».

Научные статьи

Ахунова Э. Р., Томилов Н. А. Научные конгрессы, конференции и семинары, проведенные омскими учеными по этнографической, этноархеологической и культурологической тематике в 2000–2005 годах // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. – Омск, 2005. – С. 474–490.

Жигунова М. А., Томилов Н. А. Всероссийская конференция к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне // Исторический ежегодник. 2005. – Омск, 2006. – С. 114–117.

Жигунова М. А., Томилов Н. А. Всероссийская научная конференция к 60-летию Победы // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 2. – С. 164–170.

Жигунова М. А., Томилов Н. А. Третья всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» // Катанаевские чтения. – Омск, 2006. – С. 180–185.

Корусенко С. Н., Томилов Н. А., Ахунова Э. Р. Научные форумы Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук 2001–2005 годов // История и культура Сибири. – Омск, 2007. – С. 318–327.

Томилов Н. А., Родионова С. С. Научные конференции и семинары Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН 1991–2000 годов // История и культура Сибири. – Омск, 2001. – С. 50–67.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посв. 190-летию Омского кадетского корпуса. – Омск, 2003. – С. 68–79.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. – Омск, 2003. – С. 180–185.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях середины 1990 – середины 2000-х годов // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. – Омск, 2005. – С. 177–182.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. – Омск, 2001. – С. 19–27.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Вторая всероссийская конференция о Великой Отечественной войне // Исторический ежегодник. – Омск, 2000. – С. 129–130.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Культура и война (по материалам сборника научных трудов «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» // Культурологические исследования в Сибири. – 2001. – № 2. – С. 145–148.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне // Культурологические исследования в Сибири. – 2000. – № 2. – С. 167–168.

Томилова В. С. Конференции Сибирского филиала Российского института культурологии и их научно-координирующая роль // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2002. – Ч. II. – С. 86–88.

Томилова В. С. Научные форумы и их освещение на страницах журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Катанаевские чтения. – Омск, 2003. – С. 170–172.

Томилова В. С., Томилов Н. А. Научные форумы Сибирского филиала Российского института культурологии и их координирующая роль // Культура. Социум. Творчество. – Омск, 2002. – С. 305–309.

Статьи и сообщения в средствах массовой информации

Ахунова Э. Омские конференции гуманитарного профиля в 2010 году // Омский университет. – 2010. – 6 мая. – С. 9.

Ахунова Э., Томилов Н. Научные конференции гуманитарного профиля в 2005 году // Кировец [Омск]. – 2005. – 28 марта.

Ахунова Э., Томилов Н. Научные конференции гуманитарного профиля в 2005 году // Омский университет. – 2005. – 18 марта.

Вестников Н. Вклад ученых // Омский университет. – 2010. – 21 мая. – С. 4.

Вестников Н. Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне // Наука в Сибири. – 2010. – 13 мая. – С. 2.

Жигунова М. К юбилею Победы // Омский университет. – 2005. – 6 янв.

[Жигунова М., Томилов Н.] «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» // Кировец [Омск]. – 2005. – 18 янв.

Надеждин Р. Самый важный юбилей 2005 года // Омский университет. – 2005. – 27 мая.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. – 2000. – № 1. – С. 40.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. – 2000. – № 2. – С. 16.

Научные мероприятия в мае // Наука в Сибири. – 2005. – № 16.

Обращение губернатора Омской области Л. К. Полежаева к участникам IV Всероссийской конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» и к читателям журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Культурологические исследования в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 6–7.

Пригласительный билет // Поиск. – 2000. – № 14.

Томилов Н. А. За Вашу и нашу Победу // Омский университет. – 1995. – 17 февр.

[Томилов Н. А.] К 50-летию Победы // Наука в Сибири. – 1995. – № 8.

[Томилов Н. А.] К 55-летию Победы в Великой Отечественной войне // Омский университет. – 2000. – 4 февр.

[Томилов Н. А.] Конференции – 2000 // Омский университет. – 2000. – 3 февр.

Томилов Н. Конференции к 60-летию Победы // Омский университет. – 2005. – 6 янв.

Томилов Н. А. Посвящается Великой Победе // Наука в Сибири. – 2004. – № 46.

[Томилов Н. А.] Сибирь: вклад в победу // Наука в Сибири. – 2005. – № 19.

[Томилов Н. А.] Сибирь: вклад в Победу // Омский вестник. – 1995. – 2 марта.

[Томилов Н. А.] Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Наука в Сибири. – 1995. – № 21–22.

[Томилов Н. А.] Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Наука в Сибири. – 2000. – № 23.

Томилов Н. Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Омский университет. – 1995. – 18 мая.

Томилов Н. А., Терехина О. И. Что? Где? Когда? // Ялик. – 2005. – № 63. – С. 8–9.

Томилов Н., Томилова В. Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне // Омский университет. – 2000. – 26 мая.

Яруллин В. За Победу // Поиск. – 2000. – 19 мая.

Э. Р. Ахунова, Н. А. Томилов

ФРОНТ: сибиряки и сибирские воинские формирования в боях за Родину

М. В. Шиловский

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

СИБИРСКИЕ ГВАРДЕЙСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В БОЯХ ОТ ЕЛЬНИ ДО ПРАГИ (1941–1945 годы)

Приказом наркома обороны СССР И. В. Сталина от 18 сентября 1941 г. 4 стрелковые дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии, отличившиеся в боях под Ельней, были переименованы в гвардейские. Таким образом в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стали поощряться части, корабли, соединения и объединения за массовый героизм, мужество и воинское мастерство, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков. Такого же статуса удостоивались с момента формирования дивизии реактивных минометов и воздушно-десантные дивизии, преобразованные из воздушно-десантных корпусов. Всего за время войны (на 9 мая 1945 г.) звания гвардейских удостоилось 40 стрелковых корпусов и 118 стрелковых дивизий.

На территории Сибирского военного округа (Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская обл., Алтайский и Красноярский края) в 1939–1942 гг. были сформированы дивизии и бригады, преобразованные во время войны (в основном в конце 1941-го – 1943 г.) в 15 гвардейских дивизий: 5, 15, 17, 18, 19, 22, 25, 56, 65, 67, 79, 80, 96, 102, 120-я. Ратные подвиги воинов этих соединений увековечены в городах, где они появились, в названиях улиц, мемориальных досках, музеях боевой славы, а также активно используются в военно-патриотическом воспитании: 5-я гвардейская стрелковая дивизия – Барнаул, 15-я гвардейская кавалерийская дивизия – Бийск, 17-я гвардейская стрелковая дивизия – Красноярск, 18-я – Новосибирск, 79-я –

Томск, 102-я – Тюмень, 120-я – Омск, 22-я – Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк.

О коллективном мужестве и героизме сибирских гвардейских формирований можно судить не только по преобразованию в гвардейские. В совокупности они получили 18 почетных наименований (Рижская, Инстербургская, Будапештская, Иловайская и др.), причем 4 дивизии – дважды. 4 соединения были награждены орденами Ленина, 12 – орденами Боевого Красного Знамени (Краснознаменные), 11 – орденами Суворова II степени, 1 – Кутузова II степени, 2 – Богдана Хмельницкого II степени, 1 – Красной Звезды, т. е. 31 высшими орденами Советского Союза.

Доля сибирских гвардейских формирований в их общей совокупности (15 из 117, или 12,8 %) соответствует доле соединений СибВО, сформированных и отправленных на фронт, – 12 %. Всего же за время войны здесь образовали 61 стрелковую, кавалерийскую дивизию и бригаду. Но вот само понятие «сибирское соединение» требует существенной корректировки в плане установления доли сибиряков (уроженцев региона или призванных из него). Как установил И. Л. Аравин, фактическое состояние сибирских соединений в условиях боевых действий уже через полгода вело к радикальному обновлению личного состава, и восстанавливался он не только сибиряками. В военно-исторической литературе, особенно региональной, происходит произвольная подмена понятия «переформирование» и его процесса, «подразумевая под этим добавление к старому, обстрелянному, опытному личному составу, в сравнительно небольшом объеме, личного состава маршевых подразделений, который принимает и продолжает сложившиеся традиции (что справедливо для мирного времени)».

В условиях интенсивных боевых действий остатки личного состава передавались на пополнение находящихся на передовой подразделений. На переформирование отправлялись штабы и тыловые подразделения или их управления. «Поэтому переформирование в первую очередь означает использование (передачу) имеющихся материальных средств для укомплектования создаваемых заново воинских формирований, а штабов – для принятия нового личного состава, его обучения и слаживания. Кроме того, частью структуры любого коллектива являются обычаи и традиции, вырабатываемые составляющими его людьми с неизменным условием соответствующего руководства. Учитывая, что и командование менялось не один раз, называть “сибирскими” дивизии корректно только единожды, изначально по месту их образования»¹.

Проиллюстрирую это положение на примере 96-й гвардейской Иловайской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, которую новосибирцы считают «своей», поскольку осе-

нию 1941 г. на базе местного пехотного училища была сформирована 43-я отдельная курсантская бригада, на основе которой и возникло соединение. Уже тогда, учитывая состав контингента военнослужащих (курсанты), среди них было много несибиряков. В апреле 1942 г. бригаду вывели на переформирование в Верейский район Московской области, где она была развернута в 258-ю стрелковую дивизию, укомплектованную за счет маршевых рот и местных призывников. В конце марта 1944 г. соединение, уже преобразованное в 96-ю гвардейскую стрелковую дивизию, после освобождения Николаева вновь вывели на переформирование и сколачивание, что заняло 2,5 месяца. Наконец, последний раз, после окончания Белорусской наступательной операции, 5 сентября 1944 г. дивизию вновь вывели в резерв Ставки и на переформирование, после чего она воевала в составе 28-й армии до конца войны. Конечно, в таких условиях к маю 1945 г. от первоначального состава в ней практически никого не осталось, да и потом сибиряки попадали в нее в составе маршевых рот в незначительном количестве. Косвенно мое предположение подтверждают данные о присвоении звания Героя Советского Союза. В 25-й гвардейской стрелковой дивизии из 77 таких сибиряков оказалось 6, в 79-й гвардейской стрелковой дивизии из 19 – 4. Другое дело, что уже после войны в Новосибирске оказалось большое количество демобилизованных воинов 96-й гвардейской стрелковой дивизии, которые создали свой Совет ветеранов, активно занимавшийся военно-патриотическим воспитанием.

По всей видимости, само словосочетание «сибирские дивизии» во время войны носило определенное психологическое и пропагандистское звучание с точки зрения воздействия на противника как элемент морально-психологического обеспечения боевых действий. Одним словом, «в Сибири не было войны, но славилась Сибирь полками».

Но из правил есть исключение. Таковым стал 6-й Сталинский Сибирский добровольческий корпус (19-й гвардейский с апреля 1943 г.), сформированный летом 1942 г. в СибВО из добровольцев в составе 150-й стрелковой дивизии и четырех стрелковых бригад общей численностью 37,5 тыс. чел. По количеству военнослужащих он не уступал многим советским армиям того времени при качественном превосходстве в вооружении. Как отметил И. Л. Аравин, «это был, пожалуй, единственный корпус в Красной Армии в плане постоянства входивших в него соединений – “чужих” дивизий в его составе за всю войну не было. Кроме того, по решению И. В. Сталина, солдаты и офицеры корпуса после выздоровления направлялись не в маршевую роту, а в свою часть»². Коммунисты и комсомольцы составляли 38,6 % личного состава. Примерно половина его бойцов находилась в возрасте до 30 лет³.

И впоследствии соединения корпуса пополнялись за счет сибиряков. Так, в январе 1943 г. командование объединения обратилось

к сибирским областным и краевым комитетам ВКП(б) с просьбой дать пополнение. Из Хакасии отправили 90 добровольцев, Омской области – 740 чел., Красноярского края – 700. В июле того же года в состав 22-й гвардейской стрелковой дивизии вошла танковая рота, укомплектованная сибиряками-добровольцами. В октябре 1943 г. пленум Новосибирского областного комитета ВКП(б) принял решение о подготовке нового пополнения для дивизии – коммунистического отряда в тысячу бойцов и отдельного минометного батальона.

Однако действительно элитная (с точки зрения мужества и героизма) часть ее воинов смотрелась «бледно» на фоне других сибирских гвардейских объединений. Так, в 5-й гвардейской стрелковой дивизии звание Героя Советского Союза было присвоено 30 военнослужащим, в 18-й гвардейской стрелковой дивизии – 6, в 19-й – 6, в 25-й – 77 (в том числе за форсирование Днепра – 48), 79-й – 19, 96-й – 5, 120-й гвардейской стрелковой дивизии – 8. А в трех гвардейских дивизиях 19-го гвардейского стрелкового корпуса только двое посмертно удостоились этой высокой награды – рядовой А. М. Матросов и лейтенант красноярец А. В. Сосновский. Достаточно скупо получали воины ордена и медали. За все время боевых действий в 22-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии орденами Ленина наградили двоих, Красного Знамени – 70 чел., Александра Невского – 12, Отечественной войны I степени – 64, II степени – 246, Красной Звезды – 1 800, Славы III степени – 407, медалями («За отвагу», «За боевые заслуги») – 6 271 чел., всего – 8 875 чел.⁴ при первоначальной численности соединения 13 754 военнослужащих. Таким образом, боевых наград удостоилась примерно половина от первоначального числа личного состава дивизии.

Быть может, сибиряки воевали на второстепенных направлениях, вели позиционную войну, не форсировали реки и вообще сражались ни шатко ни валко? Солдат не выбирает, где ему придется воевать и умирать. Но боевой путь 19-го гвардейского Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса – это непрерывная череда тяжелейших боев в болотах и лесах Калининской, Смоленской, Псковской областей и Латвии. Потери объединения в первой его наступательной операции на Ржевско-Вяземском направлении с 25 ноября по 16 декабря 1942 г. составили: убитыми – 5,4 тыс. чел., ранеными – 16 тыс. чел., пропавшими без вести – 4 тыс. чел. Всего – 25,4 тыс. чел. при первоначальной численности корпуса 37,5 тыс. чел.⁵ За 22 дня интенсивных боев объединение потеряло 66,6 % личного состава и перестало существовать как боевая единица. Не лучше было и в последующем. «По имеющимся неполным данным, только с момента реформирования корпуса в гвардейский командирами стрелковых полков

в его соединениях побывало 74 чел. – в среднем в месяц менялось по три командира полка. Из них: погибло 9 чел., выбыло из строя по ранению и болезни 12 чел., т. е. потери составили 30 %. Все это без учета девяти командиров стрелковых бригад и трех командиров стрелковых полков 150-й стрелковой дивизии. Складывается впечатление, что объединение стало своего рода “штрафным корпусом”⁶. За ошибки в стратегическом планировании, некомпетентность и низкий уровень подготовки высшего командного состава, спешку, наплевательское отношение к личному составу и желание выслужиться любой ценой пришлось расплачиваться ничем не оправданной гибелью тысяч молодых жизней.

Близкая к действительности история Великой Отечественной войны еще не написана. И не потому, что в исторической науке четко определен дрейф к постмодернизму, отрицающему, как известно, возможность полной реконструкции исторического события. Применительно к изучаемой войне необходимо начинать с разработки на качественно новом уровне истории «кирпичиков» военных действий – соединений и объединений, опираясь на полностью открытые военные архивы, в том числе сибирских гвардейских формирований, прежде всего 19-го гвардейского Сталинского Сибирского стрелкового корпуса.

¹ *Аравин И. Л.* Мобилизационные людские ресурсы Новосибирской области и их использование в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (по материалам областной Книги памяти): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008. – С. 21.

² *Аравин И. Л.* Сибирский добровольческий стрелковый корпус // Вопросы истории Сибири XX века. – Новосибирск, 2005. – С. 93.

³ *Верховцева З. П.* Солдаты Сибири. 1941–1945. – Кемерово, 1978. – С. 5.

⁴ Там же. – С. 302.

⁵ *Якиманский Н. А.* Роль и место сибирских соединений в стратегической операции «Марс» на Ржевско-Вяземском плацдарме // Роль сибирских соединений в защите Москвы и освобождении Тверской земли. – Новосибирск, 1999. – С. 37.

⁶ *Аравин И. Л.* Сибирский добровольческий стрелковый корпус. С. 110.

Д. А. Алисов

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

ОМИЧИ И ОМСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прошло 70 лет с тех пор, как началась Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, их союзников и их прислужников. В тяжелой, а порой и неравной борьбе наш народ не только отстоял свою свободу и независимость, но и помог обрести ее большинству стран Европы. Следует напомнить, что в этой титанической борьбе в 1941 г. Советскому Союзу с численностью населения почти 190 млн чел. пришлось воевать не только с 80 млн немцев, а почти со всей Европой (за исключением союзной нам Великобритании и не сдающейся немцам партизанской Сербии), население которой достигало почти 400 млн чел.

На стороне немцев против нас открыто воевали Италия, Румыния, Венгрия, Словакия, Хорватия, Финляндия, «Голубая дивизия» франкистской Испании, воинские подразделения, сформированные из народов, населяющих Европу. Самые элитные воинские части имели не номера, а собственные имена, указывающие на национальное и географическое происхождение: «Валлония», «Галичина», «Богемия и Моравия», «Викинг», «Денмарк», «Лангемарк», «Нордланд», «Нидерланды», «Шарлемань» и др. В списках военнопленных, взятых Красной армией, числятся более 25 европейских национальностей. Трудно сейчас представить, но численность военнопленных чехословаков (почти 70 тыс.) и поляков (60,3 тыс. чел.) намного превышала численность ближайших союзников немцев – итальянцев, которых насчитывалось всего около 49 тыс. чел.¹ На нас напала самая сильная на тот момент времени армия в мире, которая завоевала Европейский континент и претендовала на завоевание мира.

И несмотря на это, мы победили. Большую роль в этой Победе сыграла Сибирь, в том числе и Омская область. В г. Омске и Омской области в первые и последующие дни войны были сформированы многие соединения и части, в том числе 178, 282, 308, 362, 364-я стрелковые дивизии, 49-я и 77-я кавалерийские дивизии, 70-я отдельная морская бригада, 75-я отдельная стрелковая, 146-я и 30-я отдельные лыжные бригады, 712-й отдельный батальон связи и др.² Всего в Омске было сформировано 6 стрелковых, 2 кавалерийские дивизии, несколько бригад и других частей и соединений. В армию за военные годы было призвано 286 тыс. омичей. Кроме того, более 50 тыс. к июню 1941 г. проходили действительную военную службу в рядах вооруженных сил.³

Омичи в рядах этих и других воинских частей прошли боевой путь от Москвы и Волги до Восточной Пруссии и Берлина. Они защищали Москву, Сталинград и Ленинград, сражались на Курской дуге, форсировали Днепр, приняли участие в крупнейших наступательных операциях Великой Отечественной – Белорусской, Восточно-Прусской, Висло-Одерской и Берлинской.

Отличившись во многих боях, они получили почетные наименования: 308-я стрелковая дивизия стала называться Рогачевской, 178-я – Кулагинской, 362-я – Верхнеднепровской, 364-я – Тосненской, 282-я – Тартусской. Почетное гвардейское звание было присвоено 308-й стрелковой дивизии и 75-й добровольческой стрелковой бригаде (с мая 1943-го – 65-я стрелковая дивизия). Многие из омских формирований были награждены орденами. 178, 308, 362 и 364-я стрелковые дивизии, 70-я отдельная морская стрелковая бригада, 146-я отдельная лыжная стрелковая бригада, 288-я и 293-я отдельные минометные полки были награждены орденами Красного Знамени. Орденом Суворова различных степеней были награждены 229, 308 и 362-я стрелковые дивизии и 146-я лыжная бригада. Орденом Кутузова награждены 308-я и 362-я стрелковые дивизии, 146-я лыжная стрелковая бригада, 293-й отдельные минометные полк. Орденом Александра Невского – 461-й армейский зенитно-артиллерийский полк⁴. Хотелось бы надеяться, что никогда не сотрутся из исторической памяти народа ратные подвиги наших земляков – Героев Советского Союза: генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева, генерал-майора Л. Н. Гуртьева, подполковника Николая Бударина, артиллеристов Сергея Ермолаева и Петра Панова, моряка Петра Ильичева, санинструктора Марии Цукановой и многих других.

В военные годы Омск и область стали кузницей военных кадров. Число военных училищ в Омской области в границах тех лет выросло до 12. Из 15 военно-пехотных и пулеметных училищ СибВО 5 находились в Омской области, из них 2 – в Омске и 3 – в Тюмени, которая тогда входила в состав Омской области и вышла из нее только в 1944 г. В Омске размещался военный факультет Второго Московского медицинского института, окружные интендантские курсы, курсы по подготовке артиллерийских и оружейных техников. В Таре – Вторая Ленинградская военно-морская школа⁵.

Победа досталась ценой больших потерь. Всего в годы войны, по официальным данным, погибло и бесследно пропало 26,6 млн чел. В том числе 1,3 млн детей из числа родившихся в годы войны умерло по причине повышенной смертности⁶. Кроме того, в число потерь включены людские потери и других возрастных групп по причинам повышенной смертности от голода и болезней. Хотелось бы отметить, что в других странах – участницах Второй мировой войны, как правило,

указываются только прямые военные потери (без учета косвенных). По этой причине прямое сравнение потерь СССР с ними не корректно. Только Россия включает в число потерь косвенные потери.

Общие демографические потери вооруженных сил СССР (включая войну с Японией) за годы Великой Отечественной войны составили 8 668 400 военнослужащих списочного состава. В это число вошли убитые на полях сражений, умершие от ран и болезней в госпиталях, погибшие в результате несчастного случая, не вернувшиеся из плена и расстрелянные по приговорам военных трибуналов за преступления. Следует отметить, что в это число вошло 0,5 млн чел. пропавших без вести по пути в части военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в списки войск⁷. Таких потерь не зафиксировала в своей статистике, пожалуй, ни одна страна мира. Из 8,7 млн чел. погибших на фронтах Великой Отечественной 144 тыс. – это омичи, не вернувшиеся с войны⁸. Победа досталась дорогой ценой. Но мир был спасен от фашистского геноцида.

¹ *Мухин Ю.* «Кадры решают все!» // Великая Отечественная катастрофа / сост. А. Кошелев. – М., 2007. – С. 8–9.

² От Эльбы до Иртыша: Боевой путь омских формирований в годы Великой Отечественной войны. – Омск, 1984. – С. 3.

³ *Третьяков В. А.* Набат памяти // Книга памяти. – Омск, 1997. – Т. 11. – С. 15.

⁴ Там же.

⁵ *Бударин М.* Сибирь стояла за Москвой // Книга памяти. – Омск, 1997. – Т. 11. – С. 25.

⁶ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 229.

⁷ Там же. С. 237.

⁸ *Бударин М.* Указ. соч. – С. 24.

Ю. Н. Ширококов, И. А. Попов

Омск, технический университет, филиал Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации»

ОМСКИЕ СОЕДИНЕНИЯ И ЧАСТИ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД

Героическая оборона Ленинграда, продолжавшаяся более трех лет – с 10 июля 1941 г. по 9 августа 1944 г., вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из ярких страниц беспредельного мужества и стойкости советского народа.

С захватом Ленинграда фашисты связывали осуществление важных стратегических и политических целей. Они намеревались стереть этот город с лица земли и уничтожить население. Выполнение этой задачи гитлеровское командование возложило на группу армий «Север», развернутую накануне войны в Восточной Пруссии, которая должна была нанести главный удар в направлении Ленинграда.

Значительный вклад в защиту Ленинграда внесли воины-сибиряки, в том числе и омичи, воевавшие во многих соединениях и частях Красной армии, защищавших город. Омск оказывал конкретную помощь воинскими формированиями. Из множества сформированных в Омске соединений часть была направлена непосредственно под Ленинград.

На основании Директивы НКО № 0/12/2/539010 от 19 августа 1941 г. и приказа командующего войсками Сибирского военного округа на базе Омского пехотного училища в период с 20 августа по 15 октября 1941 г. была сформирована 364-я стрелковая дивизия в таком составе: 1212, 1214, 1216-й стрелковые полки, 937-й артиллерийский полк, 398-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 766-й минометный дивизион, 654-й саперный батальон, 223-я зенитная батарея, 825-й отдельный батальон связи, 459-й медико-санитарный батальон, 436-я отдельная разведывательная рота, 452-я отдельная рота химзащиты, 157-я автотранспортная рота, 797-й дивизионный ветеринарный лазарет, 228-я полевая хлебопекарня, 709-я полевая касса госбанка¹. Первый командир дивизии – генерал-майор Филипп Яковлевич Соловьев.

Разгрузившись на станции Вожега и Нядома 13 ноября 1941 г., личный состав дивизии в течение двух месяцев занимался боевой подготовкой, готовясь к боям с сильным, хорошо обученным противником. 14 марта 1942 г. дивизия в составе 1-й Ударной армии Северо-Западного фронта заняла оборону под Старой Руссой. Через неделю дивизия была срочно переброшена в Ленинградскую область с задачей остановить противника, идущего на помощь своим дивизиям под Демянском. В упорных боях с 22 марта по 10 апреля 1942 г. 364-я стрелковая дивизия, несмотря на численное превосходство врага в живой силе и технике, разгромила основные силы 8-й пехотной дивизии противника, нанесла значительный урон 329-й пехотной дивизии, уничтожила роту офицерской школы СС². С апреля по июнь 1942 г. дивизия держала оборону в Старо-Русском районе, затем получила приказ занять оборону на восточном берегу р. Ловати, где она удерживала натиск немецко-фашистских войск до декабря 1942 г.

10 декабря дивизия получила приказ убыть на Волховский фронт, сибиряки спешили на помощь ленинградцам. 14 января 1943 г. началось наступление с целью прорыва кольца блокады. За мужество и героизм, проявленные в боях на синявинском направлении, 3 тыс. солдат и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями³. С марта

по август 1943 г. дивизия вела бои в районе деревень Карбусель, Ворново, оз. Гладкого.

14 января 1944 г. началось сражение за полную ликвидацию блокады Ленинграда. 364-я дивизия перешла в наступление на Волховском фронте и 26 января штурмом освободила г. Тосно, за что ей приказом Верховного главнокомандующего было присвоено почетное наименование Тосненской⁴. Впоследствии за доблесть и мужество она была награждена орденом Красного Знамени. Всего за годы войны орденами и медалями было награждено более 13 000 воинов 364-й стрелковой Тосненской Краснознаменной дивизии. Непосредственное участие в боевых действиях дивизия принимала с 1 марта по 23 сентября 1942 г., с 14 декабря 1942 г. по 14 декабря 1944 г. и с 31 декабря 1944 г. по 9 мая 1945 г.⁵ Дивизия закончила войну в Берлине штурмом Рейхстага⁶.

Поддержали боевую славу сибирских соединений и воины 282-й стрелковой дивизии, созданной в Омске по приказу командующего войсками Сибирского военного округа № 0093 от 12 декабря 1941 г. в период с 12 декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. Дивизия была сформирована под руководством ее первого командира полковника (с 16.10.1943 г. – генерал-майора) Панкратия Викуловича Белобородова, который командовал ею до 10 июня 1944 г., до своего назначения на должность командира 23-го гвардейского стрелкового корпуса. В состав дивизии вошли: 872, 874 и 877-й стрелковые полки, 826-й артиллерийский полк, 354-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 111-й минометный дивизион, 569-й саперный батальон, 722-й отдельный батальон связи, 289-й медико-санитарный батальон, 373-я отдельная разведывательная рота, 355-я отдельная рота химзащиты, 444-я автотранспортная рота, 894-й дивизионный ветеринарный лазарет, 429-я полевая хлебопекарня, 1118-я полевая касса госбанка. В части этой дивизии пришло много омичей-добровольцев. Более ста командных должностей заняли офицеры и выпускники Омского пехотного училища.

В феврале 1942 г. дивизия отправилась на фронт в Новгородскую область. В мае 1942 г. соединение вступило в первые бои с фашистами в районе деревень Сомшино, Никольское, Новая деревня. В боях местного значения до февраля 1943 г. воины дивизии сражались стойко и отважно. Так, например, в конце ноября внезапную ночную атаку предпринял батальон капитана А. Еркина на опорный пункт противника в д. Налючи. Фашисты были уничтожены, 28 солдат было взято в плен. Налючи были окончательно освобождены. В марте 1943 г. омичи громили противника в Псковской области, затем дивизия была переброшена в район Великих Лук. С начала 1944 г. по апрель в ходе наступательных боев дивизия вышла к р. Великой в районе Пушкинских гор. В летних боях дивизия в составе войск 3-го Прибалтийско-

го фронта принимала активное участие в освобождении г. Тарту, за что ей приказом Верховного главнокомандующего № 0321 от 17 сентября 1944 г. было присвоено почетное наименование Тартусской. Непосредственное участие в боевых действиях дивизия принимала с 24 апреля 1942 г. по 19 ноября 1943 г., с 27 ноября 1943 г. по 18 сентября 1944 г., с 5 января по 11 мая 1945 г., завершив свой боевой путь в Чехословакии⁷.

Свой вклад в защиту Ленинграда внесла и 70-я отдельная морская стрелковая бригада, сформированная в Омской области в ноябре-декабре 1941 г. в составе трех отдельных стрелковых батальонов, артиллерийского дивизиона 76-мм пушек, противотанкового и минометного дивизионов, роты автоматчиков, роты противотанковых ружей, саперной, санитарной и автомобильной рот. Костяком бригады стал сводный отряд моряков, прибывших из Владивостока вместе с командиром подполковником Петром Дмитриевичем Анфимовым. 12 декабря бригада была отправлена в состав 7-й армии Карельского фронта и заняла боевые позиции на правом берегу Свири, близ ее впадения в Ладожское озеро. За первые 100 дней ведения боевых действий бригадой было убито свыше 1 000 солдат и офицеров противника, уничтожено 2 наблюдательных пункта, 6 блиндажей и 6 автомашин. За образцовое выполнение боевых задач в бригаде награждено орденами и медалями 56 чел.⁸ В 1942–1943 гг. бригада вела упорные бои с противником, не допустив прорыва обороны на своем участке. Одной из ярких страниц боевой истории бригады является участие в Тулоксинской десантной операции, проведенной с 23 по 26 июня 1944 г. Бригада выполняла основную задачу, которая во многом способствовала успеху наступательной операции 7-й армии. Около 6 часов утра передовой отряд десанта под командованием майора Ф. М. Кондрашова (1-й отдельный стрелковый батальон) начал высадку. Противник дважды переходил в контратаки и оба раза откатывался⁹. Затем каждый день приходилось отбивать по несколько атак противника, 24 июня их было 18.

Наши десантники дрались геройски. Старший матрос Александр Мошкин, окруженный вражескими солдатами, отстреливался до последнего патрона. Когда диск автомата опустел, прогремел взрыв последней гранаты, которую Александр оставил на крайний случай. За этот подвиг Александру Ивановичу Мошкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

За успешное проведение десантной операции бригада Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1944 г. была награждена орденом Красного Знамени. В последующих боях по освобождению советского Заполярья личный состав бригады продолжал гро-

мить захватчиков, отличившись при освобождении Печенги. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1944 г. 70-я морская стрелковая бригада была награждена орденом Красной Звезды, ей было присвоено почетное наименование «Печенгская». Войну бригада закончила в Чехословакии, освобождая Прагу. Непосредственное участие в боевых действиях бригада принимала с 30 декабря 1941 г. по 15 ноября 1944 г. и с 16 февраля по 11 мая 1945 г.

¹ ЦАМО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–4.

² От Иртыша до Эльбы. – Омск, 1984. – С. 106.

³ Там же. – С. 110.

⁴ В пламени и славе. Очерки истории Сибирского военного округа. – Новосибирск, 1988. – С. 166.

⁵ Директива Генерального штаба Д-043 от 18 июля 1970 года. Перечень № 5.

⁶ Очерки истории Омской областной организации КПСС. – Омск, 1987. – С. 246.

⁷ Директива Генерального штаба Д-043 от 18 июля 1970 года. Перечень № 5.

⁸ ЦАМО. Ф. 70 Мсбр. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

⁹ Дважды Краснознаменный Балтийский флот. – М., 1978. – С. 260.

А. П. Ярков, Г. С. Зайцев, К. И. Зубков

*Тюмень, государственный университет,
Екатеринбург, гуманитарный университет*

О ПЕРВЫХ СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ МАЛОИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ

История с «Адмиралом Шеером», «Сибиряковым» и защитой Диксона отражена в исследованиях и мемориалах, но ей предшествовали события, еще не проанализированные. И тому есть причина: в годы Великой Отечественной войны Карское море так и не было объявлено районом боевых действий¹, хотя они там шли, а бойцами правого фланга Арктического фронта, не делясь по рангу в патриотизме и героизме, стали руководители приполярных районов, команды судов и береговых батарей, летчики, работники метео- и радиостанций, оленеводы и рыбаки. Это подлинно трагическая и одновременно героическая история, о которой могут поведать не только архивные документы и обелиски: в нескольких музеях Ямало-Ненецкого автономного округа хранятся пуговицы (одна из них украшает ненецкую куклу) с вполне мирным

якорем, но пугающей надписью на обороте: «Kriegsmarine. 19 JFS 42»²; в районе р. Ер Хасуй Яха Ямальского района нашел в 2000 г. В. Вануйто почти развалившийся оцинкованный ящик с надписью «Nürnberg», в котором лежали боевые патроны. О том, как попали германские пуговицы и патроны на Ямал, остается только догадываться. Любопытны и легенды, бытующие среди кочующих вдоль побережья оленеводов (слышанные одним из авторов в детстве), хотя не всем из них стоит доверять: история о том, что гитлеровский самолет разбился на оз. Яра-то – ложь, так же как информация о найденных бойцами НКВД немецких автоматах³. Вместе с тем имеются еще живые свидетели о заходах немецких подводных лодок в акватории Обской губы и контактах немецких моряков с коренными жителями полуострова Ямал – ненцами⁴.

Советская Арктика была знакома морякам и летчикам Германии с того времени, когда, убаюканные разговорами о мирном характере исследований, власти СССР разрешили им проходить или пролетать, как дирижаблю LZ-127 «Граф Цеппелин» в 1931 г.⁵

Последующие события позволяют утверждать, что театр боевых действий Второй мировой войны уже за год до 22 июня 1941 г. расширился до вод Советской Арктики: в 1940 г. по секретному соглашению с СССР этой трассой прошел в сопровождении советских ледоколов германский вспомогательный крейсер «Comet», замаскированный под торговое судно «Donau». В мемуарах контр-адмирал Р. Эйссен подытожил впечатления от Севморпути: «Один поход вполне удовлетворил меня, и добровольно я не хотел бы следовать этим путем вторично». Тем не менее, 26 августа, следуя за ледоколом «Ленин», крейсер прошел пролив Вилькицкого и был передан для дальнейшей проводки под опеку ледокола «Сталин». Телеграмма начальника Главсевморпути, предписывавшая крейсеру вернуться в западный сектор Арктики прежним путем, была проигнорирована Эйсенном. Разведав ледовую обстановку, крейсер прошел Берингов пролив и самовольно вышел на просторы Тихого океана, где и потопил 6 английских судов общим водоизмещением около 43 тыс. т!⁶ Однако главным приобретением гитлеровцев от данного прохода стала информация о Северном морском пути. СССР в полной мере осознал всю опасность ситуации (для себя и для союзников) лишь год спустя, когда Севморпуть стал для воюющей страны стратегически важной артерией. Севморпуть стал единственной «дорогой жизни», связывавшей районы Северной Сибири. Для ее защиты 2 августа 1941 г. была создана БВФ с главной базой в Архангельске и базами в Югорском Шаре и Амдерме, а ее операционная зона на востоке достигала Карского моря.

К концу сентября 1941 г. в состав БВФ входили 2 эсминца, 1 сторожевой и 3 минных заградителя, 4 сторожевых корабля типа БТЩ, 13 сторожевых кораблей и 20 тральщиков (в основном переоборудованные

рыболовецкие траулеры), 35 сторожевых катеров, 15 катеров-тральщиков, 5 речных тральщиков. Это были основные эскортные силы⁷. Авиация флота насчитывала 116 самолетов, преимущественно устаревших типов, а аэродромная сеть была чрезвычайно редкой⁸.

В состав конвоев пришлось включить военные корабли и гражданские суда с различным водоизмещением, скоростью, маневренными качествами, что осложняло охранение. Большинство из них были слабо вооруженными, тихоходными, с истощенным моторесурсом, что снижало оборачиваемость транспортов и боевых кораблей⁹. Как показали дальнейшие события, сил было явно недостаточно для полноценной обороны Арктики. Отрицательно на эффективности конвойных операций сказывалось отсутствие должного взаимодействия между командованием Северного флота и начальником Главного управления Севморпути при СНК СССР, уполномоченным ГКО по перевозкам на Севере И. Папаниным, который настаивал на оперативном подчинении всех кораблей и гражданских судов в Карском море. Между тем ситуация была сложной: база на Диксоне располагала лишь несколькими переоборудованными ледоколами, транспортами и устаревшими тральщиками. Порты и полярные станции почти не имели вооружения.

Напротив, у противника уже были определены стратегические цели. Еще в сентябре 1941 г. нацисты спланировали операции по блокированию путей сообщения СССР с Англией и Америкой захватом Мурманска, а импорт из США через Владивосток – путем давления на Японию¹⁰. В январе 1942 г., подписав соглашение, Германия, Италия и Япония уже поспешили разделить сферы своих интересов – ни много ни мало по меридиану Омска. Группа военно-экономического планирования (WRA) перед подписанием соглашения настаивала на другой демаркации: для «сохранения органической целостности» экономических единиц и обеспечения в будущем «лучших восточных границ» для рейха предлагалось провести линию разграничения немецких и японских интересов по течению Енисея¹¹. Так что пренебрегать опасностью с северного фланга никто из советского военного руководства не стал. Другой вопрос, что ресурсов было недостаточно, а коммуникации Арктического фронта – растянутыми. Тем не менее, были извещены о потенциальной опасности и руководители прибрежных районов, работали и органы НКВД.

Важным условием быстрого сокрушения СССР нацистское командование считало установление плотной транспортно-экономической блокады по всему периметру его границ, включая районы Крайнего Севера¹². И если в навигацию 1941 г. конвои не понесли больших потерь (тогда из Белого моря в Арктику проследовало 43 конвоя со 113 транспортами), то в разгар боев под Сталинградом гитлеровское руководство как составную часть кампании 1942 г. рассматривало выведение

из строя Севморпути. Но, по признанию И. Папанина, многие сотрудники Главного управления Севморпути не верили, что враг сможет действовать на арктических коммуникациях столь активно и дерзко¹³.

Задача облегчалась для гитлеровцев тем, что снабжение и вывоз продукции из портов Арктики проходили в сжатые сроки навигации, а объемы перевозок по трассе Севморпути были значительными. Поэтому срыв навигации атаками на транспорты и полярные станции, а в случае необходимости – высадкой десантов в стратегических точках побережья (порты, базы, стоянки судов) считался достаточным для блокирования полярной трассы. Выполняя эту «сверхзадачу», с лета 1942 г. Kriegsmarine стала рассматривать акваторию Карского моря в качестве операционной зоны. По свидетельству Дёница, на Северном театре в 1942–1945 гг. действовало в разное время от 9 до 30 подводных лодок¹⁴. Печально известна судьба конвоя PQ-17, из состава которого (37 судов) спаслись лишь 14¹⁵.

Германские крейсеры и субмарины представляли опасность не только для гражданских судов, но и для кораблей Тихоокеанского флота, перебазировавшихся в Баренцево море по трассе, проложенной ледокольным пароходом арктического типа «Александр Сибиряков».

Предвестьем сражений в Карском море стало нападение 26 июля 1942 г. подводной лодки U-601 на полярную станцию Малые Кармакулы на Новой Земле. Субмарина, встретив отпор шхуны «Муромец», ушла в море. 1 августа она же потопила у о-ва Междушарский транспорт «Крестьянин», шедший в Нарьян-Мар без боевого охранения и даже без разрешения штаба БВФ. Следующей жертвой стал принадлежащий НКВД караван, состоявший из буксиров «Комсомолец», «Норд», «Комилес», лихтера и баржи П-4, где находилось около 300 чел., в основном заключенных из лагерей «Норильскстроя». Выйдя из пос. Хабарово в Нарьян-Мар (и вновь без согласования с командованием БВФ), караван утром 17 августа был атакован к северу от о-ва Матвеева U-209. Торпедами и огнем пушек она в течение нескольких часов потопила все суда каравана, кроме буксира «Норд». Из 328 чел. погибли 305¹⁶.

Еще в начале августа U-435 высадила на Шпицбергене партию метеорологов, а в середине месяца командование Kriegsmarine уже направило в Карское море «карманный» линкор «Адмирал Шеер»¹⁷ и крейсер «Адмирал Лютцов», которые под прикрытием «волчьей стаи» – субмарин (U-251, U-255, U-456 и уже действовавшие к тому времени в советских водах U-209 и U-601) должны были стать главной ударной силой. Разработанная в штабе группы морского командования «Nord» операция получила кодовое наименование «Wunderland» («Страна чудес»)¹⁸.

Новые факты позволяют утверждать, что не с похода «Адмирала Шеера» следует начать отсчет малоизвестной войны в Арктической зоне Сибири, помимо желания СССР включенной в театр боевых действий Второй мировой войны уже за год до 22 июня 1941 г.

Кажется, уже знаем о войне все, а память о ней священна и запечатлена, но вот печальные итоги опроса, проведенного в феврале 2010 г. в рамках агитпробега по югу Тюменской области (Бердюжскому, Казанскому, Сладковскому, Аббатскому, Викуловскому районам и Ишиму) шокировали: из 724 опрошенных 25 % не знают дату начала Великой Отечественной войны, 9 % затруднились назвать День Победы. И действительно обидно выжившим ветеранам, что в числе освобожденных ими от фашизма стран прозвучали: Англия, Франция, Италия, Израиль, Кавказ, Грузия, Япония, Австралия, Америка¹...

Надо ли объяснять, что, вооруженные знаниями о войне из рассказов предков, фильмов, книг, молодые соотечественники должны бы помнить, какой ценой досталась Победа нашему народу. Но события трехлетней давности в Ишиме показали: мало некоторые знают, а иные из молодых неофашистов (а может, просто неразумных «экстремалов») браврируют купленными у местного предпринимателя копиями нагрудных знаков (в ФРГ, заметим, демонстрация жетона с незаклеенной фашистской свастики карается штрафом). О бизнесмене, который поставлял «нуждающимся» копии почетных знаков за потопленные советские суда, отдельный разговор (его и вели органы правопорядка), но важнее понять, что о подвиге нашего народа важно и нужно вспоминать и говорить постоянно! И тогда никакому семинаристу Галькевичу уже не придет в голову (как 3 года назад в Тюмени) петь «вечную память» казненному в 1946 г. по приговору Военного трибунала атаману Краснову, обучавшему фашистов тактике борьбы с советскими патриотами.

Война, как «пепел Клааса», должна стучать в наших сердцах!

¹ *Широкорад А. Б.* Битва за Русскую Арктику. – М., 2008. – С. 160.

² Изготовитель пуговицы образца 1942 г. – JFS (фабрика «Йозеф Файкс и сыновья»).

³ *Дымов В.* Как немецкие пуговицы появились в ямальской тундре // Тюменские ведомости. – 2010. – 27 февр.

⁴ *Зайцев Г.* Северная эпопея Василия Белоусова // Время Ямала. – 2004. – 10 авг.

⁵ См.: *Широкорад А. Б.* Указ. соч. – С. 209–211.

⁶ Atlas of the Second World War. – N. Y., 1974. – P. 256.

⁷ *Широкорад А. Б.* Указ. соч. – С. 158–160.

⁸ *Ачкасов В. И., Павлович Н. Б.* Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. – М., 1973. – С. 22–23; *Басов А. В.* Флот в Вели-

кой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Опыт оперативно-стратегического применения). – М., 1980. – С. 35–36.

⁹ *Вайнер Б. А.* Северный флот в Великой Отечественной войне. – М., 1964. – С. 179.

¹⁰ *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». Воспоминания советского разведчика. – М., 1978. – С. 100.

¹¹ *Rich Norman.* Hitler's War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion. – N. Y.; L., 1973. – P. 235.

¹² *Радо Ш.* Указ. соч. – С. 100.

¹³ *Папанин И. Д.* Лед и пламень. – М., 1988. – С. 295.

¹⁴ *Дёниц К.* Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне. – М., 1964. – С. 173.

¹⁵ *Ирвинг Д.* Гибель конвоя PQ-17. Величайшая военно-морская катастрофа Второй мировой войны. 1941–1942 гг. – М., 2006.

¹⁶ *Сергеев А. А.* Германские подводные лодки в Арктике. 1941–1942. – М., 2003. – С. 189–190, 196, 201–204.

¹⁷ Фактически, по боевым и ходовым характеристикам – тяжелый крейсер водоизмещением 14 000 т и мощностью силовой установки 54 000 л. с. при 28 пушках (в том числе калибра 280 мм).

¹⁸ На самом деле в состав каравана, носившего название «ЭОН-18» (Экспедиция особого назначения), кроме 2 ледоколов и 6 транспортов входили переводившиеся на Север из состава Тихоокеанского флота лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный».

¹⁹ *Тереб Н.* Как Берлин городом-героем стал... // Тюменские известия. – 2010. – 10 марта.

Л. М. Терещенко

Омская область, г. Калачинск, Межпоселенческий историко-краеведческий музей

ПАМЯТИ СЛАВНЫХ ВОИНОВ 30-й ОТДЕЛЬНОЙ СТРЕЛКОВОЙ ЛЫЖНОЙ БРИГАДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Помните! Через века, через года, – помните!
О тех, кто уже не придет никогда, – помните!

Р. Рождественский

В июне 2002 г. в адрес администраций г. Калачинска и Калачинского района, в Совет ветеранов, а также в комитеты по образованию и по культуре и искусству пришло письмо, в котором руководитель музея школы-интерната № 14 Омска Валентина Алексеевна Сизинцева по поручению ветеранов 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады излагала просьбу о проведении на нашей Калачинской земле встречи ветеранов 30-й бригады по случаю 60-летнего юбилея со дня

ее формирования. Был отправлен запрос в историко-краеведческий музей г. Калачинска по поводу имеющихся документов о 30-й отдельной стрелковой лыжной бригаде. Сотрудники музея подняли документы из фондов и выяснили, что на тот момент в музее хранилась только справка, рассказывающая о боевом пути бригады, из книги «От Иртыша до Эльбы»¹. Было решено, что этого материала недостаточно, чтобы достойно почтить память наших земляков. И постепенно в течение всех этих лет стали собирать материал о славных сибиряках – воинах 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады².

Оказывается, у воинских формирований, как и у людей, есть судьбы счастливые и несчастливые. Те, кому выпадает военная удача, гордо и торжественно идут дорогами победы, и после войны победные фанфары в честь этих формирований не затихают десятилетиями. Но кому-то выпадает и другая судьба: появиться, выполнить свой долг и исчезнуть – из жизни, из фронтовых сводок, из памяти. Именно такая судьба припала на долю 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады, сформированной в 1942 г. в с. Калачинск Омской области. Возглавили бригаду кадровый военный полковник П. М. Акимочкин, начальник штаба капитан С. С. Концедаило, комиссар Н. А. Мотинов. Бригада была многонациональной. В нее отбиралась самые крепкие и выносливые: спортсмены, лыжники, стрелки, таежные охотники. Это была самая молодая бригада на Центральном фронте: ротами и батальонами командовали младшие лейтенанты и лейтенанты. Состояла бригада в основном из 18–19-летних парней, призванных на войну в конце 1942 г. в основном из городов и районов Омской области. Для временного проживания бойцов в Калачинске были приспособлены складские помещения элеватора, железнодорожный клуб и другие учреждения.

Вот что вспоминают о днях, проведенных на Калачинской земле, оставшиеся в живых ветераны: «Мы проходили военную подготовку по ускоренной программе. При отсутствии снега учились ходить на лыжах по траншеям, выложенным соломой и камышом, учились владеть оружием, а когда выпал снег, походы на весь день в декабрьские морозы были для нас привычным явлением. С утра без запасов провизии уходили в сторону деревни Осокино, а к вечеру возвращались со стороны деревни Лагушино. Делали вылазки с ночевкой у костра». Николай Игнатьевич Шак вспоминает: «Не все получалось сразу, бывали и курьезные случаи. Как-то во время учебной стрельбы из миномета мина упала не за три километра от нас, а совсем рядом от дороги, где в это время проезжал крестьянин на телеге. Хорошо, что обошлось без жертв, а то бы опозорились. Потом мы шутили “Прицел пять, по своим опять”».

13 января 1943 г. бойцов 30-й бригады посадили в вагоны-теплушки и отправили на запад, на фронт. Через 30 дней юные парнишки

уже шли по разрушенным городам и сожженным селам Тульской, Орловской, Курской и Брянской областей. В февральские морозы, пургу и метели по дорогам, пробитым танками, в двухметровых сугробах или вовсе без дорог бригада прошла около 500 км. Колесный транспорт застрял в снегах, поэтому приходилось все нести на себе: патроны и снаряды, пушки и продовольствие.

После взятия 1 марта 1943 г. г. Севска Брянской области наши войска разделились на две части. Танкисты повернули на север, а лыжники пошли на запад. И начался героический, трагический рейд без флангов и тыла, без боеприпасов и фуража. Оставшиеся в живых впоследствии назовут его Севским рейдом. В марте 1943 г. воевали в основном трофейным оружием. За 10 дней рейда кавалеристы и лыжники разрушили все немецкие коммуникации, склады, мосты на протяжении более 100 км на запад от Севска. Была выведена из строя железная дорога Москва – Киев. Были уничтожены немецкие гарнизоны и базы. Немецкое командование, понимая нависшую угрозу, в спешном порядке бросило на помощь своим частям 4-ю танковую дивизию, а также другие воинские подразделения. Начались тяжелейшие оборонительные бои. 2-й гвардейский корпус и 28-я и 30-я лыжные бригады оказались в глубоком окружении, и командующий фронтом генерал Рокоссовский дал приказ на отход группы назад к Севску. Но было уже поздно.

Немецкая авиация целыми днями висела над головами. Днем кавалеристы и лыжники, как могли, держали оборону, а ночами устремлялись на немецкие танки, вырываясь из окружения. 17 марта началась оборона Севска. Многие наши мальчишки-земляки навеки остались лежать на улицах Севска, которые по несколько раз за день переходили из рук фашистов в наши. Бойцы не жалели себя, бросались с гранатами под танки, в прямом смысле слова, дрались до последней капли крови. Таяли ряды защитников города. Кого удавалось хоронили в братских могилах у Собора в центре, у ветряной мельницы, у спиртзавода. В ночь на 26 марта на город устремились десятки немецких огнемётных танков, выжигая все вокруг. Город горел, снег растаял полностью. Сплошной линии фронта уже не было, оборона распалась на отдельные очаги в развалинах и подвалах разрушенных каменных купеческих домов. Из артиллерии осталась одна искореженная пушка, бившая по немецким танкам прямой наводкой. Замолкли несколько подбитых танков, превращенных в огневые точки. Еще сутки в городе шли бои, но к утру 27 марта город защищать стало некому. 80 % личного состава 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады погибло. Лишь небольшая часть воинов смогла вырваться и занять оборону по берегу р. Сев. Вокруг Севска бои продолжались

до середины апреля. Немцы понесли огромные потери. Противник выдохся, оборона стабилизировалась. В конце месяца бои закончились на всем Центральном фронте, и образовалась знаменитая Курская дуга, своим выступом и границей прошедшая рядом со старинным, полностью сожженным и разрушенным Севском. Образовалась очень дорогой ценой, только в боях в «Севском рейде» и обороне города погибли более 15 тыс. кавалеристов и лыжников. Каждый метр улиц Севска обильно полит их кровью.

Алексей Захарович Васильев – один из многих славных воинов 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады, чудом оставшийся жить после кровопролитных боев за оборону Севска. Алексей Захарович считает, что выдающегося военного подвига не совершал, просто выполнял приказы командира. Алексей Захарович рассказывает: «Сначала я воевал в боях под Сталинградом, там меня первый раз ранило. А после я оказался в Калачинске, где формировалась 30-я лыжная бригада, тогда я был уже опытным и подготовленным воином. У меня ведь и Финская за плечами. Задачи перед нами ставились серьезные: разгромить большие вражеские силы, и только потом, спустя многие годы, я понял, что я и мои друзья под Севском были всего лишь пушечным мясом. Горько думать об этом, но ведь сделали же все возможное и невозможное: закрыли собой брешь на линии Центрального фронта. А как горько думать о том, что после войны имена погибших так и не увековечили, предали забвению».

Генерал В. В. Крюков, командовавший группой лыжников и кавалеристов, после войны был репрессирован и провел много лет в тюрьме. В 1950–1980-е гг. в нашем государстве было не принято говорить о потерях, говорили только о победах, поэтому о заслугах генерала, о трагическом пути его корпуса под Севском было приказано не вспоминать, а со временем и совсем забыть. Но мы, потомки тех, кто сражался за независимость нашей Родины, не можем и не имеем права забывать такое. Два документа свидетельствуют о потерях 30-й лыжной бригады: «Укомплектование бригады на день выбытия на фронт» от 13 января 1943 г. и «О расформировании 30-й отдельной лыжной бригады» от 6 апреля 1943 г. В первом документе числится 2 946 воинов, а во втором – 690.

Несмотря на все запреты, след этого воинского формирования все же не потерялся. Короткий боевой путь 30-й бригады потряс учителя истории из Павлоградского района Игоря Анатольевича Карпуся и воспитателя школы-интерната № 14 Валентину Алексеевну Сизинцеву. В результате поисковой работы появилась рукописная книга «Огненная лыжня», в которой описан славный путь этой бригады. Автор книги – Игорь Анатольевич Карпусь. В книге записаны воспоминания 23 ветеранов Великой Отечественной войны о пережитых ими боях за Севск.

Не забывают о подвигах сибиряков и в Севске. В пос. Рождественском установлены памятники погибшим в марте 1943 г. бойцам. В год 60-летия было принято решение о строительстве на трассе Москва – Киев у г. Севска памятника павшим кавалеристам и лыжникам из конно-лыжной группы генерала В. В. Крюкова, проходят встречи ветеранов, участвовавших в боях за Севск.

В 2010 г. память о наших земляках вернулась и на Калачинскую землю. От мемориала памяти стартовала эстафета, посвященная 65-й годовщине Победы и подвигу 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады. От вечного огня был зажжен факел и передан мастеру спорта международного класса Валерию Викторовичу Захарову. Факельная группа проследовала на трассу Калачинск – Кормиловка, завершилась эстафета в Саргатском районе.

Было принято решение, что одна из улиц г. Калачинска будет носить имя 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады.

26 и 27 августа 2010 г. в г. Севске Брянской области состоялось торжественное открытие мемориальной доски лыжникам-сибирякам 30-й лыжной бригады. На открытии мемориальной доски присутствовали глава Калачинского муниципального района В. И. Цыганков и сын ветерана 30-й лыжной бригады Алексея Захаровича Васильева Геннадий Алексеевич Васильев. Благодаря этой поездке фонды нашего музея пополнились бесценным материалом: земля из города Севска, пропитанная кровью наших земляков, гильзы снарядов с полей сражений, справка центрального архива, фотографии с открытия мемориальной доски, книги о Севске и, конечно, впечатления, которыми поделились после поездки В. И. Цыганков и Г. А. Васильев.

В ноябре 2010 г. ушел из жизни Алексей Захарович Васильев. Дети, внуки и правнуки чтут и помнят своего деда и прадеда.

Мы, сотрудники историко-краеведческого музея Калачинского района, считаем своим святым долгом проводить поисковую работу и рассказывать калачинцам о наших земляках, кровью отстоявших независимость нашей Родины. Каждый рожденный на Калачинской земле должен знать и помнить!

¹ От Иртыша до Эльбы. – Омск, 1984. – С. 207–217.

² Мотовилов В. Сформированы в Калачинске // Сибиряк. – Калачинск, 2000. – С. 2; Терехина Т. От Иртыша до Сева // Там же. – 2005. – С. 3–4; Плужникова М. Награда нашла героя // Там же. – С. 2; Юрова Л. Лыжная стрелковая бригада // Там же, 2010. – С. 3; Администрация Севского района Брянской области. – Севск, 2008; ЦАМО. Ф. 2102. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–7; Ф. 3467. Оп. 1. Д. 31. Л. 14–21, 71–122; Д. 46. Л. 54–91; Д. 123. Л. 4–37 об.

К. В. Ярославцев

Бийск, краеведческий музей

СЛАВА И ТРАГЕДИЯ 586-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА. 1941 ГОД

В апреле-сентябре 1939 г. в Бийске был сформирован 586-й стрелковый полк, вошедший в состав 107-й стрелковой дивизии, развернутой на территории Алтайского края. На должность командира полка прибыл полковник И. М. Некрасов. Комплектование полка осуществлялось как за счет жителей города и прилегающих районов, так и за счет людских ресурсов других регионов СССР. Регулярно проводились полковые учения в окрестностях Бийска и близ Барнаула. В зимнее время в полку отрабатывались оперативно-тактические задачи и действия.

1 июня 1941 г. полк прибыл на дивизионные учения в летние лагерь, располагавшиеся под Барнаулом, 23 июня вернулся к месту постоянной дислокации – в Бийск. Здесь численность полка была доведена до штата военного времени за счет приписного состава из города и прилегающих районов, а также из Горного Алтая и других субъектов страны. 26–27 июня полк убыл из города по железной дороге на фронт. Уже 6 июля он прибыл на ст. Вязьма Смоленской области, где попал под удар немецкой авиации. Огонь полковых счетверенных пулеметных зенитных установок не позволил самолетам противника произвести прицельное бомбометание, и потери оказались минимальными. После разгрузки полк в походной колонне выдвинулся через Вязьму в район сосредоточения и занял оборонительный участок на левом фланге 107-й стрелковой дивизии в 30–40 км юго-западнее г. Дорогобужа Смоленской области. Соседом слева была 103-я мотострелковая дивизия. 107-я стрелковая дивизия вошла в состав 24-й армии Резервного фронта.

15 июля перед полком была поставлена задача по проведению разведки в направлении г. Дорогобужа и д. Городок, вступлению в боевое соприкосновение с противником и захвату контрольных пленных. С этой целью был выделен 3-й стрелковый батальон капитана Н. Д. Козина, усиленный 1-м дивизионом 347-го артиллерийского полка 107-й стрелковой дивизии. В 8–10 км от расположения позиций полка батальон столкнулся с передовым батальоном немецкой пехотной дивизии СС «Рейх». В результате боя было уничтожено 3 роты противника, бронемашина, 2 орудия и 2 пулемета.

Во второй половине июля батальон, прикрывая стык с наступавшей соседней 103-й мотострелковой дивизией, принял участие в захвате д. Ушаково, до этого неоднократно переходившей из рук в руки. При поддержке пулеметного, минометного и артиллерийского огня дейст-

вовавшего по соседству 355-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии батальон перешел в наступление и после рукопашного боя занял деревню. Утром следующего дня противник силами подразделений дивизии СС «Рейх» нанес удар по 3-му стрелковому батальону. В ходе боя, неоднократно переходившего в рукопашную схватку, противник потерял более 500 чел. убитыми и ранеными, 5 танков и 4 бронемашин, но успеха не добился.

20 июля дивизионная разведка обнаружила у с. Каськово батальон немцев. Для его уничтожения 22 июля был выдвинут 1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта Э. Х. Люманова при поддержке 1-го и 2-го дивизионов 573-го пушечного артиллерийского полка 107-й стрелковой дивизии. Во второй половине дня в район боя выдвинулся и 3-й стрелковый батальон при поддержке 1-го дивизиона 347-го артиллерийского полка, который между с. Каськово и д. Городок столкнулся с батальоном полка СС «Великая Германия» пехотной дивизии СС «Рейх» и охватом с трех сторон уничтожил его.

В ночь на 23 июля батальон выдвинулся к д. Басманово, занятой передовым батальоном (750 чел.) 15-й пехотной дивизии немцев. В ходе боя деревня была отбита. Враг потерял более 200 чел. убитыми и ранеными, было уничтожено 3 орудия, 2 бронетранспортера, 2 мотоцикла, 15 автомашин, 10 пулеметов, захвачены минометная батарея, 9 пулеметов, 40 автоматов и др. Со стороны г. Ельни к деревне подошла колонна мотоциклистов противника. Подразделения батальона уничтожили 10 мотоциклов вместе с мотоциклистами.

Через несколько дней батальон совершил марш-бросок в сторону ст. Глинка, где остановил продвижение передового батальона 17-й моторизованной дивизии немцев и захватил 2 бронемашин и 4 мотоцикла. В районе с. Казанка батальон столкнулся с двумя батальонами полка СС «Великая Германия», усиленными тяжелой артиллерией, минометами и несколькими танками. 27 июля при поддержке 1-го дивизиона 347-го артиллерийского полка 3-й стрелковый батальон разгромил один из этих батальонов в с. Казанка (только на северной окраине села было уничтожено 50 солдат и офицеров противника, захвачено 3 орудия, минометная батарея и 2 пулемета), после чего закрепился у р. Ужа, где его пулеметной ротой был сбит самолет противника. Части 1-й пехотной дивизии немцев попытались сбить батальон с позиций, но контратакой были отброшены, потеряв до двух рот, 3 танка и 4 бронемашин. После этого в полосе 107-й стрелковой дивизии бои приняли позиционный характер.

8 августа войска 24-й армии начали Ельнинскую наступательную операцию. После 2-часовой артиллерийской подготовки 586-й стрелковый полк перешел в наступление от с. Новое Рождество совместно с другими частями 107-й стрелковой дивизии, атаковал позиции немец-

кой пехотной дивизии СС «Рейх» у с. Старое Рождество и захватил первую траншею, но дальше продвинуться не смог. По позициям противника был нанесен артиллерийский удар. 1-й и 3-й стрелковые батальоны заняли с. Старое Рождество и остановились из-за контратак немцев. В полосу 586-го и соседнего 765-го стрелковых полков была переброшена батарея установок реактивных снарядов БМ-13 (катюш), после трех залпов которой враг начал отход на линию д. Никифорово – д. Пушкино. 1-й и 3-й стрелковые батальоны овладели д. Кусаловка. 9 августа 1-й стрелковый батальон окружил и захватил высоту 251,1 (Ушаковская гора), а другие подразделения полка заняли д. Дубовежье. 10 августа полк продолжил наступление в юго-западном направлении.

В течение 8–10 августа 107-я стрелковая дивизия нанесла поражение немецкой пехотной дивизии СС «Рейх»: было убито и ранено около 4 500 солдат и офицеров, уничтожено 17 танков, 21 орудие, 28 минометов, 36 пулеметов, 4 склада, 80 автомашин. В ночь на 11 августа пехотная дивизия «Рейх» была сменена 15-й пехотной дивизией.

Во второй половине августа 107-я стрелковая дивизия продолжила продвижение вперед. 1-й и 3-й стрелковые батальоны 586-го стрелкового полка при поддержке роты минометного батальона полка и двух батарей 347-го артиллерийского полка прорвали оборону немцев, вышли к д. Гурьево и после боя, переходившего в рукопашные схватки, заняли ее. Противник потерял около 300 чел. В это время к деревне подошло 15–20 автомашин немцев, но артиллерийско-минометным огнем они почти все были уничтожены. Противник постоянно контратаковал, д. Гурьево несколько раз переходила из рук в руки. 21 августа немцы вклинились на левом фланге полка, 3-й стрелковый батальон попал в полуокружение в районе хут. Волосково. Сюда были направлены подразделения саперов и разведчиков, которые прикрыли батальон с тыла. Сам батальон перешел в контратаку, уничтожил более 200 солдат и офицеров противника и восстановил положение. Противник прорвался к командному пункту полка. Из писарей, поваров, телефонистов, саперов и разведчиков был сформирован отряд в 50 чел., который ликвидировал угрозу.

Бои за д. Гурьево шли три дня, в течение которых 15-я пехотная дивизия немцев понесла большие потери, ввиду чего противник ввел в бой полки СС «Великая Германия» и «Фюрер» пехотной дивизии СС «Рейх». Однако артиллерийским огнем их наступление было сорвано. 26 августа 586-й стрелковый полк закрепился на достигнутом рубеже и в течение недели отбивал контратаки немцев, а затем вновь перешел в наступление. 8 сентября ввиду возросшего сопротивления противника полк остановился. Неоднократные попытки возобновить продвижение успеха не имели и только приводили к большим потерям. 11 сен-

тября полк прорвал оборону немцев и вышел в район д. Тишево, где окончательно был остановлен сильным артиллерийско-минометным огнем противника.

15 сентября Ельнинская группировка немцев была ликвидирована. За разгром пехотной дивизии СС «Рейх», 15-й и 137-й пехотных дивизий 107-я стрелковая дивизия приказом НКО была преобразована в 5-ю гвардейскую, а 586-й стрелковый полк – в 12-й гвардейский (гвардейские знамена частям дивизии были вручены 21 ноября 1941 г.). 17 сентября дивизия вышла из боя и сосредоточилась в районе г. Спас-Деменска Калужской области, откуда по железной дороге была переброшена в район Вышнего Волочка Тверской области. Здесь до 2 октября 12-й гвардейский стрелковый полк приводил себя в порядок. На его доукомплектование прибыло пополнение из Смоленской, Курской, Нижегородской, Кировской, Ярославской и Московской областей, Донецкой и Луганской областей Украины, Татарстана, Чувашии, Хабаровского края и др. 2 октября 5-я гвардейская стрелковая дивизия была направлена по железной дороге в Орел.

В начале октября 1941 г. тяжелая обстановка сложилась на дальних юго-западных подступах к Москве: между Резервным и Брянским фронтами образовался разрыв, в который устремились моторизованные и танковые части и соединения противника. Ликвидировать угрозу было нечем. В спешном порядке сюда стали стягивать все имеющиеся в наличии силы. 4 октября первые эшелоны 5-й гвардейской стрелковой дивизии, подъезжавшие к Мценску Орловской области, были возвращены в Тулу и направлены в сторону г. Сухиничи Калужской области, а затем возвращены и направлены в район Калуги. Из-за этого последовательность сосредоточения частей дивизии была нарушена, эшелоны с личным составом и техникой растянулись на десятки километров. В бой дивизия была введена не целиком, а по частям, что позволило немцам «перемолоть» ее.

7–9 октября на ст. Калуга прибыли передовые подразделения и части 5-й гвардейской стрелковой дивизии, вошедшей в состав 49-й армии. 9 октября 12-й гвардейский стрелковый полк разгружался на ст. Желябужская и на ст. Ферзиково и частично был в пути к Калуге. Утром 10 октября один батальон полка сосредоточился в районе д. Анненки, остальные подразделения находились на подходе в 35–40 км восточнее Калуги. Из района д. Анненки батальон 12-го гвардейского стрелкового полка, усиленный дивизионом 508-го гаубичного артиллерийского полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии, был направлен в район с. Полотняный Завод для ликвидации образовавшегося прорыва в обороне 616-го стрелкового полка 194-й стрелковой дивизии. Выйдя к высоте 170,4 в 2 км юго-восточнее д. Лев Толстой, батальон и дивизион со-

вместно с батальоном 17-го гвардейского стрелкового полка втянулись в бой с частями 37-й пехотной дивизии немцев и остановили их у дороги Лев Толстой – Красный Поселок.

Подошедшие остальные два батальона 12-го гвардейского стрелкового полка были введены в бой и в ночь на 11 октября перешли в наступление. Один батальон продвигался вдоль дороги, ведущей к д. Мстихино, другой – вдоль дороги Анненки – Плетеневка (ныне территория деревни находится в черте Ленинского района Калуги). Ввиду подхода новых сил противника батальоны остановились и перешли к обороне. В течение 11 октября 12-й гвардейский стрелковый полк отбивал атаки немцев (потери в личном составе достигли 35 %), а в ночь на 12 октября отошел на рубеж д. Новоселки – д. Тимашево – д. Конищево – д. Петрово, заняв оборону на правом фланге дивизии.

В течение 12 октября потери полка достигли 45 %. В ночь на 13 октября он закрепился по восточному берегу ручья, на рубеже д. Новоселки – д. Ермолово. 13 октября немцы прорвались в Калугу в полосе соседнего слева 21-го гвардейского стрелкового полка, а также силами двух пехотных полков 17-й пехотной дивизии, двух танковых рот и двух кавалерийских эскадронов нанесли удар в стык между полками. Одновременно противник силами полутора полков 34-й пехотной дивизии атаковал правый фланг и тыл 12-го гвардейского стрелкового полка. Немцы рассекли 5-ю гвардейскую стрелковую дивизию на две части и окружили их. Подразделения 12-го гвардейского стрелкового пока общей численностью около 500 чел. сосредоточились в районе с. Песочня, а затем прорвались из кольца и отошли к г. Алексину Тульской области, сохранив полковое знамя. До 23 октября одиночные военнослужащие и небольшие группы бойцов продолжали выходить из окружения. В полосе 5-й гвардейской стрелковой дивизии немцы потеряли более 10 батальонов, 23 минометные батареи, 17 пулеметов, 20 орудий, 15 мотоциклов, 17 автомашин, 19 танков, 25 велосипедов, около 50 лошадей и др.

В течение 10–13 октября 12-й гвардейский стрелковый полк потерял почти весь кадровый состав. Было убито, ранено, пропало без вести и попало в плен около 2 тыс. бойцов и командиров. Характер боев не позволил произвести в должном порядке идентификацию и захоронение павших воинов, останки большинства которых и по сей день остаются лежать на калужской земле.

РОЛЬ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД В ФОРМИРОВАНИИ ОМСКИХ ДИВИЗИЙ

В начале войны в городах Сибири, в том числе и в Омске, начали формироваться новые соединения. Исходя из возможностей СибВО и потребностей фронта, в Омске было сформировано 8 дивизий, 4 бригады, 3 отдельных полка, 2 отдельных батальона, 2 партизанских отряда¹. О героизме отдельных бойцов и командиров этих соединений можно писать целые книги. Много сказано о боевом пути отдельных дивизий, одержанных ими победах и славе. Тем не менее, о роли и значении тех мер, которые предпринимались как в период формирования, так и в боевой обстановке особыми отделами этих частей для поддержания их боеспособности, известно немного.

В настоящей статье на основе рассекреченных материалов Управления НКВД по Омской области предпринята попытка осветить информационную деятельность особых отделов 178, 308, 362, 364-й стрелковых дивизий. Работа особых отделов НКВД началась еще на стадии формирования омских дивизий. Как известно, основной задачей органов военной контрразведки была охрана армейского тыла от проникновения вражеской агентуры. Но в годы войны органы военной контрразведки вынуждены были вести работу по оказанию помощи командованию в комплектовании, подготовке и воспитании личного состава.

Важную роль в обеспечении боеспособности дивизий на этапе их комплектования сыграла грамотная постановка деятельности органов военной контрразведки.

В основном личный состав формируемых дивизий был укомплектован русскими, украинцами, белорусами, казаками, узбеками, призываемыми с территории Омской, Новосибирской областей, Алтайского края. По социальному положению рядовой и младший начсостав – рабочие, служащие, колхозники и др. На основе проанализированных архивных документов, касающихся размещения и обустройства личного состава частей дивизий в Омске, можно сделать вывод о сложившемся исключительно тяжелом положении военнослужащих. Так, например, прибывающие в Омск военнослужащие 308-й стрелковой дивизии размещались в непригодных для жизни зданиях: «...овощехранилищах, гаражах, не имеющих дневного, а также электрического света, к тому же здания очень сырые, что, безусловно, не гарантирует от фактов заболеваний отдельных бойцов... В большинстве подразделений отсутствуют столовые, и бойцы пищу принимают на нарах, где и спят»².

Боевая и политическая подготовка в частях находилась на низком уровне вследствие отсутствия материальной части, достаточного количества учебников, отсутствия помещений, создающих хотя бы минимальные условия для занятий, неподготовленности части командного состава к проведению занятий. Так, в докладе особого отдела НКВД 308-й стрелковой дивизии за 5 марта 1942 г. отмечалось: «Причиной необеспеченности материальной частью являлось то, что таковой на складах г. Омска, куда даны наряды из СибВО, не имеется»³.

Тем не менее, несмотря на существовавшие в процессе формирования частей недочеты (скученность, отсутствие постельных принадлежностей, недостаточное питание, наличие вследствие этого заболеваемости), благодаря своевременному информированию особыми отделами и предпринятым ими решительным мерам, комплектование дивизий в Омске завершилось в срок и согласно штатному расписанию военного времени. Исключение составила 362-я стрелковая дивизия: сроки комплектования ее были определены на 23 сентября 1941 г., но на 1 ноября 1941 г. формирование все еще не было завершено, поэтому на фронт она выбыла не в полном штатном составе (некомплект составил 1 713 чел.) и уже доукомплектовывалась в 58-й резервной армии⁴.

С началом боев омские дивизии, прибывшие на новые места дислокации в основном полностью укомплектованными, несли тяжелые потери. Например, 178-я стрелковая дивизия на фронт прибыла одной из первых (12 июля 1941 г.) и включала 12 000 чел., но в период первых кровопролитных боев на 30 октября 1941 г. (под г. Ярцево на р. Вопи) имела уже менее 50 % личного состава, положенного по штату⁵.

Доукомплектование дивизий происходило за счет подразделений тыла. Части и соединения дивизий пополнялись из следующего контингента: призывников 1923–1926 гг., из запаса кадрового комсостава, выздоравливающих после ранения участников Отечественной войны, отставших от других частей, досрочно освобожденных из лагерей (осужденных по всем статьям, кроме 58 ст. УК), рабочих команд, хозяйственных подразделений и строительных батальонов разного призывного возраста.

В информационных сообщениях, которые особые отделы подавали Военному Совету фронта, давалась качественная характеристика вновь прибывшему пополнению, содержались сведения о нехватке бойцов. К примеру, прибывшая 20 января 1943 г. на доукомплектование в район ст. Романовки Саратовской области 308-я стрелковая дивизия имела в составе 1 294 бойца, приняв пополнение 8 164 чел., не дотягивала до штатной численности (12 433) – 2 975 чел.⁶

Пополнение не могло восполнить потери и вернуть необходимую мощь дивизиям, поскольку значительная часть бойцов имели слабую военную подготовку и нуждались в серьезном обучении. Напри-

мер, в 308-й стрелковой дивизии на 26 мая 1943 г. участвующих в боях было 2 409 чел., из них необученных – 1 116 чел.⁷ О фактах использования в боях ранее не служивших и не обученных военному делу лиц органы военной контрразведки не единожды докладывали командованию.

Немаловажное значение в оценке боеспособности соединений имел учет личного состава. Учет лиц из пополнения в период наступательных боев в большинстве не проводился, т. к. бойцы вступали в бой прямо с марша. Поэтому штабы частей не имели никаких данных о полученном ими пополнении, кроме количества.

О запутанности учета говорят следующие факты: «Для заочного предания суду военного трибунала командование 386-го стрелкового полка 178-й стрелковой дивизии выдало справку, что красноармеец этого полка Иванов (фамилия изменена. – *А. Е.*) является изменником Родины, т. к. дезертировал на сторону противника»⁸. В процессе расследования этого факта, проводившегося особым отделом, было установлено, что Сердюков в бою ранен и находится на излечении в медсанбате. Из-за преступно поставленного в 386-м стрелковом полку учета его командование иногда невольно могло «запятнать» часть своих бойцов и подвергнуть репрессиям их семьи, тогда как последние мужественно боролись и многие из них отдали жизнь за Родину.

Выявленные грубейшие нарушения в учете личного состава, характерные для всех дивизий, были устранены благодаря вмешательству армейских чекистов. В информационных сообщениях особого отдела НКВД давалась реальная оценка ведения боя и рекомендации по устранению потерь личного состава, подчеркивалась напряженная обстановка с питанием, обмундированием бойцов и обеспечением боеприпасами.

При передислоцировании дивизий возникали массовые случаи отставания и дезертирства. Голодные и уставшие бойцы теряли свои части, производили членовредительство, многие намеренно уходили из районов боевых действий. «Поспешность переброски 364-й дивизии привела к тому, что дивизия формировалась, по существу, на ходу в разных местах, что явилось результатом большого количества отстающих»⁹.

Одной из приоритетных задач особых отделов являлась борьба с дезертирством, для предотвращения которого принимались меры по задержанию бойцов, покидавших поле боя. За период существования заградотрядов на различных направлениях задержаны лица, подозреваемые в переходе на сторону противника, в шпионаже, дезертирстве, самовольно отлучившихся. Например, с 15 ноября по 15 декабря 1941 г. в 178-й стрелковой дивизии выявлен 21 случай измены Родине и 9 случаев дезертирства (все из запасного 114-го стрелкового полка)¹⁰.

Информация о причинах дезертирства, как и предлагаемые меры по противодействию этому, сообщалась командованию дивизий.

Так, проверка причин дезертирства в 308-й дивизии показала, что в большинстве случаев оно объясняется невыполнением основных положений уставов, подменной воспитательной работы репрессиями¹¹.

О слабой массово-политической работе с прибывающим пополнением и нездоровых политических настроениях в частях и соединениях дивизий информировался Военный совет армии.

Устранение допускаемых нарушений было приоритетной задачей в целях обеспечения защиты Родины. И свою значимую роль в этом сыграли органы военной контрразведки. Особыми отделами НКВД омских дивизий была проведена огромная работа по сохранению личного состава. Благодаря своевременному информированию о ходе войны, недочетах в организации комплектования и боеспособности дивизий командование соединений знало реальную картину состояния частей, могло четко реагировать на подаваемые сигналы и координировать боевые операции, а в конечном итоге все это помогло Советской армии одержать победу в Великой Отечественной войне.

¹ Солдаты победы. – Омск, 2003. – Т. 8. – С. 10.

² АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 55.

⁵ Там же. Л. 53.

⁶ Там же. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 49.

¹⁰ Там же. Л. 70.

¹¹ Там же. Л. 31.

А. А. Павлов

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

ВОИНЫ-УЧЕНЫЕ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Об участии ученых Якутии на полях сражений писали историки Д. Д. Петров, Д. Д. Избеков (ветеран войны), И. Ф. Иванов и др. Вышли в последние годы биографии отдельных ученых – участников войны. В год 65-летия Великой Победы Е. П. Антонов и М. Э. Грязнухина

выпустили брошюру «Наука Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): научная деятельность и ратный подвиг».

23 июня 1941 г. состоялся митинг коллектива Якутского педагогического института. В принятой резолюции отметили: «Мы молоды и сильны. Мы нанесем сокрушительный удар любому врагу, откуда бы он ни появился»¹. Многие преподаватели и студенты педагогического института изъявили желание стать добровольцами. Среди них был заместитель директора по учебной и научной работе И. А. Мельников. Надо отметить, что он по духу, по подготовке был военным. Еще в 1925 г. он экстерном сдал экзамен на должность командира взвода артиллерии при 2-й Ленинградской школе младших офицеров. Как подготовленного командира младшего звена, его призвали на действительную службу 4 сентября 1941 г.

В первые дни войны в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии были призваны из научно-исследовательских учреждений Якутии 35 чел., в том числе 9 преподавателей Якутского педагогического института.

Сотрудники музея истории науки Института гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера СО РАН составили поименный список работников института, защищавших страну от фашистских извергов: Н. К. Антонов, И. А. Аргунов, П. П. Барашков, З. В. Гоголев, Н. П. Канаев, З. В. Копырин, С. Р. Кулачиков, Р. И. Местников, А. И. Новгородов, И. П. Пухов, П. С. Софронеев, Г. С. Сысолятин².

В крупнейшем учебном заведении – Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова – в разное время работало более 80 защитников Отечества. Среди них можно выделить ректоров А. И. Кузьмина, И. Г. Попова, преподавателей В. В. Пинигина, П. Н. Токарева, Ю. Г. Шафера и др., которые за боевые заслуги были отмечены орденами и медалями. Известны имена 109 участников войны из научных организаций.

В разных отраслях народного хозяйства и научно исследовательских институтах работали десятки бывших воинов великой войны, ставшие учеными, чьи имена прославились за пределами республики: С. И. Исаков, Д. П. Корнилов, Д. Д. Красильников, А. А. Самарский, М. Г. Сафронов, В. В. Тарасов, М. М. Федоров, Н. В. Черский, Г. И. Чиряев и др. Призванные в армию люди с высшим образованием, зачастую имевшие ученую степень, назначались часто политработниками: З. В. Гоголев, Д. Д. Избеков, Д. П. Корнилов, Д. С. Макаров, В. В. Тарасов, Г. И. Чиряев и др.

Дмитрий Данилович Красильников – крупный ученый-космофизик, лауреат государственной премии, был призван в армию в 1943 г.

Он принял участие в боях на территории Белоруссии в составе 17-й Духовницкой краснознаменной дивизии 1-го Прибалтийского фронта. Красильников всегда говорил: «Война есть величайшее испытание всех сил, возможностей народов и отдельных людей»³.

Под Москвой сражались И. В. Пухов, З. В. Гоголев, будущий ректор университета И. Г. Попов. Пали смертью храбрых кандидаты наук П. Е. Торговкин, М. Е. Федоров. Н. С. Романов 21 июня 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию и ушел на фронт, где погиб 9 сентября 1941 г. под Ленинградом. Погиб аспирант Павел Алексеев.

Участником Сталинградской битвы был преподаватель Якутского пединститута гвардии майор Юрий Георгиевич Шафер, призванный в начале 1942 г. Он участвовал в кровопролитных боях против немецко-фашистских захватчиков на Брянском, Юго-Западном фронтах, а потом в боях за Сталинград. С ноября 1942 г. воевал на Донском, а потом на Центральном и 1-м Белорусском фронтах.

Кавалер ордена Отечественной войны I степени, ордена Красной Звезды В. В. Алексеев был призван в 1942 г. В сентябре 1943 г. был направлен на фронт, где был назначен командиром минометного взвода 449-го стрелкового полка 144-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях под Витебском, где был серьезно ранен, а позже демобилизован⁴.

Боевой путь гвардии полковника Гурия Васильевича Наумова начался со стен Москвы, а закончился штурмом Берлина. В годы Гражданской войны он участвовал в обороне Нюрбы. Успешно закончив пехотное училище в Нижнем Новгороде, некоторое время работал преподавателем в Якутской военной национальной школе. После закрытия школы он продолжил учебу в Военно-политической академии им. Ленина⁵. Когда началась война, его направили на запад. В июле 1941 г. Наумов командовал 836-м стрелковым полком 237-й стрелковой дивизии. Познал горечь поражения, отступления. Сражался в составе войск Воронежского и 1-го Украинского фронтов. Заместитель командира 211-й стрелковой дивизии гвардии полковник Наумов с группой солдат захватил в плен 650 вражеских солдат и офицеров из Львовской группировки противника. В наградном листе указывается, что «при прорыве глубоко эшелонированной обороны противника Наумов непосредственно находился в боевой позиции полка и руководил боем, тем самым способствовал успеху частей дивизии в наступлении». Награжден двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»⁶. В послевоенное время доктор технических наук Г. В. Наумов работал в Якутском филиале Академии наук СССР.

Будущий ректор Якутского государственного университета Ариан Ильич Кузьмин был призван в конце 1941 г.⁷ Его, как подготовленного бойца, назначили заместителем роты по политической части отдельного учебного батальона Забайкальского военного округа. В феврале 1943 г. он стал курсантом военно-политического училища. С апреля 1944 г. был назначен командиром взвода 43-го отдельного зенитного артиллерийского полка Краснознаменной бригады Ленинградского фронта. Кузьмин награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красного Знамени и медалями.

Крупный ученый-агроном Д. П. Корнилов в 1942 г. участвовал в составе 116-й танковой бригады в освобождении Воронежа. В июле 1942 г. в боях за д. Михайловку получил ранения (височная часть головы и ноги). Награжден орденом Отечественной войны II степени и боевыми медалями⁸.

При форсировании Днепра и в боях за освобождение Прибрежной Украины сражались будущие ученые Д. С. Макаров, Г. В. Наумов, М. М. Федоров и др. Среди штурмовавших последнее логово фашизма были У. М. Асекритов, Ф. С. Донской, Н. З. Копырин, А. П. Мороз, Н. В. Черский, Ю. Г. Шафер и др.

Начавший войну со стен древнего Смоленска, будущий академик Николай Васильевич Черский с боями дошел до Эльбы⁹. Служил начальником разведки 3-й штурмовой бригады Западного и 3-го Белорусского фронтов. Получил ранение в голову. Демобилизовался в 1947 г.

Крупный организатор сельскохозяйственной науки профессор М. Г. Сафронов служил на Дальневосточном фронте¹⁰. После окончания рабфака в Якутске он поступил в Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева, на зоотехнический факультет. Учеба прервалась войной. В сентябре 1941 г. Сафронов был призван в армию и направлен на Дальневосточный фронт. Михаил Григорьевич прослужил с 1942 по 1946 г. начальником ветслужбы в составе стрелкового полка.

Доктор ветеринарных наук, профессор С. И. Исаков пошел на фронт добровольцем в 1943 г.¹¹ Тогда ему исполнилось всего 17 лет. По воспоминаниям Исакова, в годы войны в Буягунском наслеге Алданского района начался массовый голод. Родители умерли, и председатель Томмотского райисполкома С. Г. Иванов, чтобы спасти мальчика от смерти, посоветовал идти в армию добровольцем. Во время штурма Хайлара был тяжело ранен.

Об участии якутян – медицинских работников в Великой Отечественной войне написано мало, хотя они своим героическим трудом спасали жизнь и возвращали в строй тысячи людей. Удивительная судьба у врача-организатора П. П. Габышева. Павел Петрович в 1937 г.

окончил аспирантуру Иркутского государственного медицинского института и начал трудовую деятельность с ассистента госпитальной хирургии 54-го медсанбата. В июле 1941 г. был назначен ведущим хирургом медсанбата. На этой должности прослужил до 1945 г. Принимал активное участие в освобождении Ленинградской области, Норвегии, Польши, Германии. Рассказывал, что нередко приходилось менять хирургический скальпель на автомат и защищать госпиталь от наседавших врагов. Награжден двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, многими медалями¹².

Военная карьера хирурга высшей квалификации Тимофея Егоровича Сосина началась с 1941 г. Он, как врач, был мобилизован в ряды Красной армии и направлен в отдел спецзаданий Главного разведуправления Генштаба Рабоче-крестьянской Красной армии в Китай. С сентября 1942-го по июль 1945 г. Т. Е. Сосин служил врачом-ординатором, начальником 176-го эвакопункта Донского, 1-го и 3-го Украинских фронтов. Боевой путь офицера Сосина прошел через такие города: Запорожье, Никополь, Николаев, Одесса. Тимофей Егорович оказывал помощь тысячам раненых в Польше, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Германии¹³.

Крупнейший ученый, физик с мировым именем Александр Андреевич Самарский после окончания физического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова ушел добровольцем на фронт¹⁴.

Воины-ученые в годы войны показали себя верными защитниками Отечества. Вернувшись с Победой, они участвовали в мирном созидательном труде.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф 828. Оп. 2. Д. 267. Л. 17.

² *Петров П. П.* Ученые института – ветераны Великой Отечественной // Якутский архив. – 2005. – № 1. – С. 68–73.

³ Дмитрий Данилович Красильников. К 80-летию со дня рождения. – Якутск, 2002. – С. 34.

⁴ *Избеков Д. Д.* Якутяне в боях за Родину. – Якутск, 1966. – С. 22–23.

⁵ *Петров Д. Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. – Якутск, 1979. – Ч. I. – С. 167.

⁶ Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.). – Якутск, 1965. – С. 202.

⁷ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 882. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 303. Л. 10–10 об.; Якутский университет. – 2010. – 18 янв.

⁹ *Черский Н. В.* Сборник статей. – Якутск, 2005. – С. 52–57.

¹⁰ Михаил Григорьевич Сафронов: воспоминания о нем: сб. ст. – Новосибирск, 1996.

¹¹ Ученые – исследователи сельского хозяйства: справочник. – Якутск, 2009.

¹² *Иванов И. Ф.* Офицеры-якутяне – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: биографические справки. – Якутск, 1995.

¹³ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 19. Л. 61.

¹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 18. Д. 171. Л. 9; *Скрябина Т. Г.* Профессора Якутского университета. – Якутск, 2001. – С. 379–381.

А. Э. Федоров

*Омск, филиал Военного учебно-научного центра Сухопутных войск
«Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации»*

ПОДГОТОВКА В ОМСКЕ ПОПОЛНЕНИЯ ДЛЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Важнейшим слагаемым победы в войне является уровень подготовки, обученности личного состава армии и наличие боевого опыта. Одна из причин поражения Красной армии в начальном периоде войны заключалась в том, что подготовка командного состава уступала подготовке офицеров вермахта.

В результате внезапного нападения Германии на СССР соединения и части Красной армии понесли тяжелые потери. За III квартал 1941 г. безвозвратные потери составили 2 129 677 чел., в том числе офицеров – 142 043¹. Для восполнения потерь командного состава было принято решение о сокращении сроков обучения в военных училищах с одновременным увеличением их сети и емкости. К лету 1941 г. офицерские кадры готовились в 19 военных академиях, 203 военных училищах, 10 военных факультетах при гражданских вузах и 7 высших военно-морских училищах². С началом войны число военных училищ увеличилось на 20 %.

Многие военно-учебные заведения во время немецкой агрессии были передислоцированы из опасных районов вглубь страны. К концу 1941 г. в тыловые районы было переведено более трети всех военных училищ Красной армии.

В 1941–1945 гг. непосредственно в Омске, в разное время, дислоцировалось от 7 до 10 военных училищ: 2 омских военно-пехотных, зенитно-прожекторное, военно-медицинское, интендантское, летное, минометное артиллерийское, танковое; различные курсы – по подготовке летчиков-инструкторов, интендантские, воентехников и учебные части: 39-я запасная стрелковая бригада, 4-й учебный танковый полк, 30-й от-

дельный танковый батальон. Омск стал настоящей кузницей командных и военных кадров.

Кроме подготовки офицеров, военные училища занимались также формированием соединений и частей, которые убывали на фронт в полном составе. Например, на базе Омского пехотного училища были сформированы 282, 308 и 364-я стрелковые дивизии, которые с честью прошли трудные дороги войны, завершив свой боевой путь: 282-я – в Чехословакии при освобождении Праги, 308-я – на Эльбе, 364-я – в Берлине.

Большая часть соединений и частей были награждены орденами, получили почетные наименования, стали гвардейскими. 308-я стрелковая дивизия, сформированная в феврале-мае 1942 г., отличилась при обороне Сталинграда и 19 июня 1943 г. стала Краснознаменной, а с 29 сентября этого же года – 120-й гвардейской³. За освобождение г. Рогачева с 26 февраля 1944 г. стала носить почетное наименование Рогачевской, в феврале 1945 г. была награждена орденом Кутузова II степени, а в марте – орденом Суворова II степени. Много труда в своих подчиненных перед отправкой на фронт вложил возглавивший это соединение полковник Л. Н. Гуртвев, который первым в этой дивизии стал Героем Советского Союза.

Не менее прославлена и 364-я стрелковая дивизия, которая была сформирована на базе Омского пехотного училища в период с 19 августа по 15 октября 1941 г. В годы войны это соединение сражалось под Вологдой, Ленинградом, Тосно, Новгородом, Псковом, в Латвии, Эстонии, Польше, Германии⁴. Заняв оборону под Старой Руссой в составе 1-й Ударной армии Северо-Западного фронта, в упорных боях с 22 марта по 10 апреля 1942 г. 364-я стрелковая дивизия, несмотря на численное превосходство врага в живой силе и технике, разгромила основные силы 8-й пехотной дивизии противника, нанесла значительный урон 329-й пехотной дивизии, уничтожила роту офицерской школы СС⁵.

14 января 1944 г. началось сражение за полную ликвидацию блокады Ленинграда. 364-я дивизия перешла в наступление в составе 54-й армии. 26 января личный состав соединения штурмом овладел г. Тосно. За этот подвиг приказом Верховного главнокомандующего дивизии было присвоено почетное наименование Тосненской⁶. В последующем за доблесть и мужество она была награждена орденом Красного Знамени. Всего за годы войны орденами и медалями было награждено более 13 000 воинов 364-й стрелковой Тосненской Краснознаменной дивизии.

Поддержали боевую славу сибирских формирований и воины 282-й стрелковой дивизии, созданной в Омске на базе Омского пехотного училища в период с 12 декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. Дивизия

была сформирована под руководством ее первого командира полковника (с 16.10.1943 г. – генерал-майора) Панкратия Викуловича Белобородова, который командовал ею до 10 июня 1944 г., до своего назначения на должность командира 23-го гвардейского стрелкового корпуса. В части этой дивизии пришло много омичей-добровольцев. Более ста командных должностей заняли офицеры и выпускники Омского пехотного училища.

В феврале 1942 г. дивизия отправилась на фронт в Новгородскую область. В мае 1942 г. вступила в первые бои с фашистами в районе деревень Сомшино, Никольское, Новая деревня. С начала 1944 г. по апрель в ходе наступательных боев вышла к р. Великой в районе Пушкинских гор. В летних боях дивизия в составе войск 3-го Прибалтийского фронта принимала активное участие в освобождении г. Тарту, за что ей приказом Верховного главнокомандующего № 0321 от 17 сентября 1944 г. было присвоено почетное наименование Тартуской. Участие в боевых действиях дивизия принимала с 24 апреля 1942 г. по 19 ноября 1943 г., с 27 ноября 1943 г. по 18 сентября 1944 г., с 5 января по 11 мая 1945 г., завершив свой боевой путь в Чехословакии при освобождении Праги⁷.

Непосредственную подготовку боевых резервов для действующей армии осуществляли запасные, учебные и резервные части и соединения в тылу и на фронте. Сроки программы и методика, организация обучения личного состава запасных и учебных частей обуславливались потребностями действующей армии и обстановкой на фронте. Так, например, подготовка в этих частях в 1941-м – начале 1942 г. производилась от 3 недель до 2 месяцев. Часто обстановка на фронте вынуждала сокращать и без того короткие сроки обучения воинов.

В обучении личного состава запасных и резервных частей использовались, как правило, методы краткого рассказа, личного показа, упражнения и практических работ. Продолжительность занятий составляла по 10–12 часов в сутки.

Подготовка воинов не ограничивалась временем их пребывания в запасных и учебных частях. Она продолжалась и по дороге на фронт. Так, в период подготовки к отправке командир маршевой роты представлял командованию запасного полка расписание занятий по боевой и политической подготовке в пути следования эшелона. Расписание составлялось на 10–15 дней и предусматривало минимум 6 часов групповых и индивидуальных занятий в день. Обучение в пути следования на фронт проводилось главным образом для закрепления знаний бойцов и младших командиров по отдельным, слабо усвоенным вопросам.

Более подробно вспомним о 39-й запасной стрелковой бригаде, управление которой, части бригадного подчинения, а также 104-й запасный

стрелковый полк дислоцировались на южной окраине Омска, в районе Черемушек, где сейчас располагается филиал Военного учебно-научного центра Сухопутных войск.

Организационно бригада состояла из управления (72 чел.), четырех запасных стрелковых полков по 5 000 чел., отдельных подразделений – 29-й роты связи, отдельной 33-й саперной роты – по 250 чел. в каждой и батальона выздоравливающих – 1 500 чел. Всего по штату в бригаде было 22 072 чел. За годы войны части бригады подготовили для действующей армии большое количество личного состава.

Например, с 15 сентября 1941 г. по 15 марта 1942 г., т. е. за 6 месяцев, бригадой было подготовлено и отправлено на фронт 233 маршевых роты в количестве 51 366 чел. Кроме этого, бригада отправила лыжными ротами и на пополнение других воинских частей 7 859 чел., т. е. всего 59 225 чел.⁸ Из них на 104-й запасный стрелковый полк, который дислоцировался в Омске, приходилось 86 маршевых рот с общей численностью 18 662 чел. В среднем полк отправлял каждый месяц на фронт примерно 14 маршевых рот с общей численностью свыше 3 000 чел.

Таким образом, за годы войны около 100 тыс. омичей прошли через учебные поля, расположенные южнее Омска, в районе Черемушек, 14-го военного городка, Карьера, т. е. там, где сегодня овладевают наукой побеждать выпускники филиала Военного учебно-научного центра Сухопутных войск. Напряженная боевая учеба на полях, политых потом дедов и прадедов, не затихает. Лучшие традиции перенимаются молодым поколением, которое будет костяком нашей армии двадцать первого века. Будущим офицерам есть чем гордиться и к чему стремиться.

¹ Кривошеев Г. Ф. Гриф секретности снят. – М., 1993. – С. 146.

² Советская военная энциклопедия. – М., 1976. – Т. 2. – С. 255.

³ Приказ НКО СССР № 285 от 23.09.1943 г.

⁴ ЦАМО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 4, 40, 81, 82.

⁵ От Иртыша до Эльбы. – Омск, 1984. – С. 106.

⁶ В пламени и славе. Очерки истории Сибирского военного округа. – Новосибирск, 1988. – С. 166.

⁷ Директива Генерального штаба Д-043 от 18 июля 1970 г. Перечень № 5.

⁸ ЦДНИ Омской обл. Ф. 17. Оп. 75а. Д. 5. Л. 247.

С. А. Федяева

Омск, кадетский корпус

ВКЛАД ОМСКОГО ПЕХОТНОГО УЧИЛИЩА В ПОДГОТОВКУ КОМАНДНОГО СОСТАВА И ФОРМИРОВАНИЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

23 июня 1941 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, началась мобилизация военнообязанных. На следующий день в райвоенкоматы Омска поступило около 2 250 заявлений. Были сформированы воинские соединения и части: 178, 282, 308, 362, 364-я стрелковые, 49-я и 77-я кавалерийские дивизии, 70-я отдельная морская, 146-я и 30-я лыжные и др. Они прошли боевой путь от Москвы до Берлина. Для укомплектования Советских вооруженных сил срочно требовалось большое количество командного состава. Эта важнейшая задача легла на плечи в том числе и Омского пехотного училища им. М. В. Фрунзе.

23 июня начальником училища был объявлен приказ наркома обороны о переходе на сокращенную шестимесячную программу обучения курсантов. Для курсантов был установлен 12-часовой рабочий день. Основное внимание в обучении уделялось привитию курсантам навыков по управлению взводом и ротой в боевой обстановке. Главным содержанием учебного процесса стали занятия в поле, на стрельбище. Командование, работники учебного отдела, преподаватели тщательно изучали и обобщали первые крупницы опыта войны. Начальник училища полковник Л. Н. Гуртьев лично посещал госпитали Омска, беседовал с ранеными, добивался назначения некоторых из них командирами взводов, рот, преподавателями с тем, чтобы курсанты непосредственно от участников первых боев получали представление о своих обязанностях на фронте. Значительное внимание на занятиях уделялось организации противотанковой обороны, борьбе с танками.

Приказом народного комиссара обороны от 7 июля 1941 г. на базе училища было создано 2-е Омское военно-пехотное училище, в которое перешла большая часть командиров, политработников, преподавателей. Новому училищу была передана половина казарменного фонда и учебно-материальной базы. К 15 июля училище было укомплектовано курсантами и приступило к занятиям.

Произошли организационные изменения и в основном училище, которое с 16 августа получило наименование 1-го Омского военно-пехотного училища им. М. В. Фрунзе. Штатная численность его возросла до 5 батальонов с подготовкой по ускоренной программе военного времени. В августе 1941 г. училище провело первый военный выпуск. В октябре-ноябре 1941 г. было произведено еще 3 досрочных

выпуска. Командирами стрелковых взводов уехали на фронт еще 797 чел. В январе 1942 г. завершили шестимесячный курс обучения курсанты июньского набора 1941 г. – 344 чел. В тот же период произвело свой первый выпуск и 2-е Омское военно-пехотное училище. Около полутора тысяч младших лейтенантов и лейтенантов направились в действующую армию на должности командиров стрелковых, пулеметных и минометных взводов.

В это же время училище сформировало несколько соединений. В течение августа и первой половины сентября на базе училища была сформирована 362-я стрелковая дивизия. Личный состав части дивизии получали с заводов, фабрик, колхозов. В дивизию была направлена часть командиров, политработников и преподавателей училища. Командирами взводов были назначены многие курсанты-выпускники. За счет училища дивизия была укомплектована боевой техникой, оружием и транспортными средствами. Дивизия отличилась в боях за Москву, в Орловско-Курской операции, Белоруссии, Польше и завершила свой путь на берегах Эльбы. За особые отличия в крупных сражениях дивизия была удостоена почетного наименования Верхнеднепровской и награждена орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова II степени.

В 1942 г. на базе училища была сформирована 308-я стрелковая дивизия под командованием начальника училища полковника Л. Н. Гуртьева, который в августе 1943 г., спасая командующего 3-й армией генерала Горбатова, героически погиб. Гуртьев посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

В феврале 1942 г. училище сформировало 282-ю стрелковую дивизию, которая также заняла достойное место среди прославленных сибирских соединений. Ее первым командиром стал заместитель начальника училища полковник П. В. Белобородов, а комиссаром – начальник политического отдела 2-го Омского пехотного училища батальонный комиссар В. А. Савченко. Вместе с ними на должности командиров и политработников направили часть командного и преподавательского состава. Командирами взводов было направлено свыше 100 чел. из январского выпуска. Училище выделило для формируемой дивизии оружие, боевую технику и транспортные средства.

Кроме того, курсанты-фрунзенцы с первых же дней войны активно помогали труженикам тыла в перестройке работы предприятий на военный лад, в переводе их на выпуск военной продукции. Периодически по 400–500 чел. работали на заводах, на очистке железнодорожных путей от снежных заносов, участвовали в строительстве железнодорожной ветки к ст. Московка. Командный состав училища принимал активное участие в военном обучении населения. В 1941–1942 гг. курсанты производили отчисления от курсантского пайка в пользу детей погибших воинов, сдавали в фонд обороны страны значительную часть своего денежного содержания. В 1943–1944 гг. было вне-

сено 60 595 руб. наличными и 353 330 руб. облигациями на строительство танковой колонны.

В марте 1942 г. 1-е Омское военно-пехотное училище произвело выпуск молодых командиров – 701 чел., при этом 357 курсантов получили на экзаменах по основным предметам отличные оценки и пошли в войска в звании лейтенантов, остальные – младших лейтенантов. Высокий процент отличников давали и последующие выпуски. В июне 1942 г. был произведен выпуск во 2-м Омском пехотном училище, давшем более полутора тысяч командиров. Только за первые полтора года войны оно вместе с 1-м Омским военно-пехотным училищем дало фронту около 7 тыс. подготовленных в военном отношении офицеров. К осени 1942 г. проблема подготовки командных кадров для непрерывно растущей Красной армии была в основном решена. В 1943 г. 1-е и 2-е Омские училища перешли на годичную программу обучения. При 1-м Омском военно-пехотном училище в августе 1943 г. был создан батальон резерва офицерского состава СибВО на 300 офицеров. 2-е Омское военно-пехотное училище передислоцировалось в Канск Красноярского края. В 1944 г. училище произвело 4 выпуска – 1 248 молодых офицеров. Все они отправились на фронт и приняли активное участие в боях на завершающем этапе войны.

Всего за годы войны в Омском пехотном училище было проведено 23 выпуска, давших фронту 4 493 командира стрелковых, пулеметных и минометных взводов. Более 6 тыс. выпускников были направлены на фронт младшими командирами и рядовыми. 28 декабря 1944 г. Омское военно-пехотное училище отмечало 25-ю годовщину со дня своего основания. Указом Президиума Верховного Совета СССР училище награждено орденом Красного Знамени. В этой награде – оценка самоотверженного труда по укреплению Красной армии и обороноспособности страны более чем пятидесятилетней армией воспитанников училища и их подвигов в годы войны. Из них 66 воспитанников училища удостоены звания Героя Советского Союза и трое стали полными кавалерами ордена Славы.

М. И. Саврушева

Омск, аграрный университет

ГЕРОИЧЕСКИЙ АРХЕТИП В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Феномен архетипов является атрибутом любой культуры, которая возникает, растет и выстраивается в ходе коллективного освоения материального мира. Одним из архетипов, которые оказали влияние на развитие многих национальных культур, является образ героя, воина,

стойка, который призван защитить сообщество от угрожающих ему изменений. Герой – это человек (или группа людей), выполняющий свои обязанности ради своей страны, организации, сообщества или семьи, причем при выполнении этих обязанностей он ищет нестандартные пути и готов при этом рисковать своей жизнью. Выполняя свою функцию посредством мужественных и сложных действий, герой использует свою силу и опыт, храбрость и мужество для того, чтобы противостоять негативному внешнему воздействию или что-то изменить.

Этот архетип широко распространен и в русской культурной традиции. Особенно много образцов героического архетипа в истории Великой Отечественной войны. Тема защитника Отечества всегда была одной из основных в русской культуре, потому что помогала понять суть человека, оказавшегося в экстремальных обстоятельствах, выявить содержащийся в нем баланс сил добра и зла, степень патриотизма. Особое место среди героев войны занимают такие реальные личности, как генерал Д. М. Карбышев, рядовой А. Матросов, летчик Н. Гастелло, много героинь – партизанок, подпольщиц, летчиц, которые во время (и после) войны были удостоены звания Героя Советского Союза, причем в основном посмертно: из 27 партизанок и подпольщиц 22 награждены посмертно, из 16 представительниц сухопутных войск – 13 посмертно. По словам А. С. Панарина, Великая Отечественная война стабилизировала новый, советский, строй как строй патриотического большинства, мыслящего категориями реального, жизненного мира¹.

Реальные личности приобрели обобщенные черты архетипического героя. О них складываются легенды, песни, которые становятся народными. Вот один из примеров:

*Летел на битву капитан Гастелло,
Как гордый сокол, выше облаков.
На крыльях сокола гроза летела,
Чтоб град стальной обрушить на врагов.*
(«Баллада о капитане Гастелло»,
музыка В. Белого, слова В. Винникова)

Или, например, подвиг пяти черноморцев – защитников Севастополя (1942 г.), который был отражен в «Песне о пяти героях» (1943 г.), музыка В. Белого, слова И. Френкеля:

*Пять отважных сыновей,
Дети русских матерей,
Как братья родные,
Друзья фронтовые,
Сражались за счастье Отчизны своей.*

Героический архетип ассоциировался с беззаветной храбростью и волей к победе. С этим архетипом в мифологическом сознании было

связано понятие **нравственности**, неразрывно связанное с понятием **правды**. «Всегда побеждает правда» – лозунг этого архетипа (вспомните: «Наше дело правое, враг будет побежден»).

Глубинный архетип воина побуждает ставить личность превыше общества. Мифологема идеального воителя, архетипически соотносимая со стихией огня, вырабатывала идею самораскрытия личности: воли Я, связанной с внутренней активностью души, которую в свое время уловил Ф. М. Достоевский: «Высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я, – это как бы уничтожить это Я, отдать его всем и каждому безраздельно и беззаветно»². Когда наступила трудная военная година, необходимость защиты Отечества стала для русского народа толчком к пробуждению национального самосознания, ибо сохранение единого Отечества означало и сохранение самого народа. Возрождался важнейший для русского сознания идеал – идеал свободной, нравственно ответственной личности. В русском понимании человек – это Божие создание, а значит, несет огромнейшую, почти Божественную ответственность за себя и за весь мир.

Яркость проявления архетипического образа героя в годы Великой Отечественной войны в национальном менталитете свидетельствовала о том, что для него данный образ являлся глубоко укорененной жизненной опорой и таким образом помогал нации выжить, сохраниться и развиваться в сложные времена. Образ Героя-победителя позволил русскому народу вести за собой другие нации. Идея выхода личности за свои пределы, ее космичность – одна из таких жизненно важных идей русского менталитета.

¹ Панарин А. С. Кем был советский человек? Или чего нет и не будет у либеральной России. – URL: <http://www.libereya.ru/public/sov.html> (дата обращения: 24.01.2011).

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1980. – Т. XX. – С. 172.

В. Б. Перхавко

Москва, Институт российской истории РАН

НАРОДНЫЕ ОПОЛЧЕНИЯ В РОССИИ X–XX ВЕКОВ

Племенные ополчения как основной род вооруженных сил возникли еще в эпоху первобытно-общинного строя, а затем трансформировались после создания у восточных славян государства. Наряду с дружинами, они использовались князьями во время походов на Византию

в X в., во время княжеских междоусобиц и борьбы с иноземными завоевателями в XII–XIII вв. И в Москве, и в Новгороде Великом ополчения из числа городских ремесленников и мелких торговцев набирались и в период ордынского ига в XIV–XV вв. Предводителем городского торгово-ремесленного ополчения в средневековой Руси являлся тысяцкий. Его назначал князь, а в Новгороде Великом избирали на вече из числа феодалов (позже только из бояр).

Учитывая, что термин «ополчение» в России закрепился за вспомогательным войском, состоявшим из непрофессиональных воинов, только в период Отечественной войны 1812 г., остановимся на исторической терминологии, использовавшейся по отношению к нему ранее: «войско», «рать», «вои», «ратные люди» (XI–XVII вв.), «милиция», «ландмилиция» (XVIII – начало XIX в.).

После создания Российского государства с конца XV в. и на протяжении двух последующих столетий ведущую роль в русском войске стала играть поместная конница, в составе которой воевали дворяне и их боевые холопы. Периодически они должны были являться на смотры «конно, людно и оружно». Набор в дворянское ополчение был упорядочен позже, при Иване Грозном, «Уложением о службе» 1556 г. Нередко в больших походах, наряду с профессиональным и полупрофессиональным воинством, использовались городские ополчения, состоявшие из торгово-ремесленного населения. Как правило, они выделялись в особые отряды со своими командирами и сражались обычно в пешем строю. Привлекалось к участию в военных действиях и крестьянство, правда, обычно в качестве вспомогательной силы: и княжеские смерды домонгольской поры, и крестьяне более позднего времени, входившие в состав «посохи» – саперного войска. Они занимались прокладкой дорог, рубкой леса, строительством мостов, перевозкой обоза и артиллерии.

Первое ополчение Смутного времени сформировалось в начале 1611 г. на Рязанщине по инициативе П. Ляпунова и включало первоначально дворянские отряды. Под Москвой они объединились с казаками и осадили польский гарнизон столицы России. Благодаря действиям ополченцев под командованием Дм. Пожарского и К. Минина, в основном состоявших из дворян и их боевых холопов, и присоединившихся к ним ратников Первого ополчения во главе с Дм. Трубецким в начале ноября 1612 г. Москва была освобождена от польско-литовских интервентов. Кое-кто из торговых людей, подобно Минину, также проявил себя в годы Смуты на военном поприще. К примеру, торговец Федор Федулов командовал псковскими ратными людьми, изгнавшими в 1614 г. шведов из Гдова. В 1608 г., совершив внезапное ночное нападение на лагерь М. В. Скопина-Шуйского на Ходынке, согласно Бельскому лето-

писцу, тушинские отряды «многих ратных и торговых людей побили». Но все это единичные случаи. Чаще всего роль купечества сводилась к выделению денежных средств на содержание ополченцев.

В XVIII в. иррегулярные вспомогательные войска в России стали именоваться «милицией» («ландмилицией»). 2 февраля 1713 г. был обнародован указ Петра I о формировании в Киевской губернии 5 ландмилицких полков для защиты южных рубежей России от угрозы со стороны Османской империи и ее вассала – Крымского ханства. Их предполагалось укомплектовать из числа бывших стрельцов, драгун, солдат-пехотинцев, казаков, пушкарей (в том числе отставных людей) в возрасте от 15 до 30 лет: по 3 500 чел. из Азовской и 3 500 чел. из Киевской губерний. После подписания Адрианопольского мира с Турцией в июне 1713 г. на время необходимость в созыве ландмилиции отпала. После Персидского похода Петр I, вспомнив об Украинской ландмилиции (такое название она стала носить с 7 декабря 1727 г.), повелел 4 апреля 1723 г. увеличить ее состав до 6 полков (двух регулярных и четырех иррегулярных). Ратников в них набирали не только на Левобережной Украине, но и в соседних уездах России. При Анне Иоанновне (1730–1740) по инициативе Б. Миниха численность Украинского ландмилицейского корпуса возросла. Позднее, в 1775 г., украинские ландмилицкие полки влились в регулярную армию.

С 1736 г. и до конца XVIII в. просуществовала пешая и конная Закамская ландмилиция (для защиты от набегов кочевников Оренбургского края), с 1761 по 1771 г. – Сибирская ландмилиция (на южной границе Западной Сибири), с 1765 по 1775 г. – полк Смоленской ландмилиции.

Милиция из 200 000 с лишним ополченцев была вновь сформирована во время войн России с наполеоновской Францией в 1806–1807 гг. Правда, власти фактически их обманули, пообещав всех распустить после окончания военных действий по домам. В действительности в 1807 г. 177 000 ратников милиции зачислили в качестве рекрутов в сухопутную армию и флот.

6 (18) июля 1812 г. вышел Манифест Александра I «О вооружении всего государства» и создании народных ополчений; согласно еще одному императорскому Манифесту от 18 (30) июля, они формировались в основном из крепостных крестьян, мещан и дворян в 16 центральных губерниях. Именно с того времени термин «народное ополчение» по отношению к вспомогательным войскам стал широко применяться в России. Причем в императорских указах подчеркивался временный характер набора в ополчения. По разным данным в ополчениях 1812 г., состоявших из полков и дружин, насчитывалось до 300 000 воинов. На 16 500 ратников Петербургского ополчения, в которое записали

также 1 200 солдат регулярной армии, было выдано свыше 13 500 ружей, Московское ополчение было вооружено похуже (в основном пиками и топорами). Парадоксальный факт: случаев уклонения от набора в ополчения гораздо больше известно среди дворян, чем среди других сословных групп русского общества (крестьян, мещан). Народные ополчения участвовали в Бородинском сражении, в боях под Вязьмой, Полоцком, в других местах, а также в Заграничном походе Русской армии 1813–1814 гг. (боев за Гданьск). Среди ополченцев бродили слухи о грядущем освобождении от крепостной неволи. В 1812 г. произошло восстание крестьян-ополченцев в г. Инсаре Пензенской губернии из-за хищений командиров.

Во время Крымской войны, в 1855–1856 гг., сотни и тысячи крепостных крестьян, среди которых в очередной раз распространились слухи об освобождении от крепостной зависимости за участие в народном ополчении, устремились в Крым. И властям пришлось выставить на их пути воинские заслоны. Иррегулярные полки создавались также в XIX в. на Кавказе.

Для народного ополчения характерны следующие признаки: 1) состав (из непривилегированных слоев населения, набравшихся властями на временную военную службу чаще всего во время войн за независимость); 2) способ формирования (снизу, а не по указанию властей). Если народное ополчение 1812 г. соответствует первому критерию, то Первое и Второе ополчения 1611–1612 гг. – второму. В предреформенный период участие крепостного крестьянства в народном ополчении порождало социальные ожидания – надежду на освобождение от крепостной зависимости. Спорным является вопрос о причислении к народному ополчению казачьего войска.

При участии ополченцев Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. формировалась в XIX в. регулярная армия в Румынии. К концу XIX в. народные ополчения в России и других странах Европы (Австро-Венгрии, Германии) превратились в резерв регулярной армии. Во время Первой мировой войны в России также приступили к формированию ополчения. В ГАРФе хранятся воспоминания Леонида Николаевича Новосильцева (1872–1934), члена кадетской партии, депутата Государственной думы I и IV созывов, командира 19-й ополченческой бригады¹.

Вновь властям пришлось обратиться к традиции созыва народных ополчений в первый, самый тяжелый период Великой Отечественной войны. В Ленинграде запись добровольцев в народное ополчение началась уже 24 июня 1941 г. А 26 июня вопрос о создании дивизий народного ополчения был поставлен на совещании в Кремле. О том, что они должны создаваться лишь там, где складывается угрожающая ситуация, говорил 3 июля Сталин. 4 июля вышло постановление ГКО № 10

«О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». Набор в ополчение в Москве прекратили уже 7 июля, когда около 140 000 добровольцев записали в 12 дивизий неполного состава. Плохо одетые, практически без оружия, они должны были грудью защищать столицу страны. В сентябре де-юре (но не де-факто) на время Московское ополчение прекратило существование: дивизии народного ополчения были реорганизованы в стрелковые дивизии неполного состава. Переименование не привело, однако, к качественному улучшению их снабжения обмундированием, оружием и боеприпасами. В таком неподготовленном к боевым действиям виде эти дивизии и бросили в бой под Вязьму и Ельню. Итог известен: большинство бывших ополченцев, ставших одним росчерком пера воинами Красной армии, погибли, скончались от ран либо попали в плен. В самые критические для обороны Москвы дни в середине октября 1941 г. в столице по призыву секретаря Московского комитета ВКП(б) А. Щербакова вновь приступили к формированию народного ополчения. Его ряды пополнили студенты, аспиранты и преподаватели, рабочие и служащие непризывных возрастов.

Работники столичных райкомов партии, парткомов предприятий и учреждений, занимавшиеся формированием дивизий народного ополчения (всего в Москве их было создано 16, а в Ленинграде – 10), порой относились к этому важному и патриотическому делу формально, как к очередной политической кампании. В результате нередко в ряды ополченцев записывали не только необстрелянную молодежь (с 17 лет), но и лиц пожилого возраста (до 55 лет), имевших высокую квалификацию: железнодорожников, инженеров, техников, преподавателей вузов, ученых из НИИ, которых можно было бы использовать с большей пользой страны на промышленных предприятиях, в конструкторских бюро, на транспорте.

В боях за Ростов-на-Дону в 1941–1942 гг. участвовал Ростовский отдельный стрелковый полк народного ополчения. Народные ополченцы и бойцы комсомольских истребительных отрядов сражались и в окопах Сталинграда.

Итак, на протяжении всего существования Российского государства власти в критические минуты использовали народные ополчения в качестве вспомогательного войска, но порой (как в годы Смуты) они играли решающую роль в борьбе за независимость страны.

¹ ГАРФ. Ф. Р-6422. Оп. 1.

ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ: социально-экономический потенциал Сибири в годы Великой Отечественной войны

Т. М. Братченко, А. С. Сенявский

Москва, Институт российской истории РАН

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОККУПАЦИИ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (1941–1945 годы)*

На протяжении почти четырех лет нашей стране удалось противостоять потенциалу почти всей Европы, подчиненной фашистской Германии, выстоять и победить в смертельной схватке. Но цена победы была крайне высока: народное хозяйство было разрушено невиданной в истории войной. Оценивая масштабы экономических потерь СССР, западные аналитики и политики считали, что на восстановление советского народного хозяйства потребуется несколько десятилетий. Однако оно осуществилось в значительно более сжатые сроки. Уже к началу 1950-х гг. в Российской Федерации восстановление экономики было в основном завершено. Эти результаты могут быть оценены как «экономическое чудо». Возникают вполне правомерные вопросы: «В чем его причины?», «Как в рамках модели, которую называют “тоталитарной” и которая клеймится как однозначно “тупиковая”, удалось осуществить почти нереальные задачи?», «Каков был механизм его “воплощения”?». Сегодня, когда безальтернативно провозглашается идеальной моделью рыночная экономика, бесполезно рассмотреть этот, иной исторический опыт.

Как и почему наша страна оказалась способной совершить это «экономическое чудо»? Значимость и острота этого – интересного самого по себе – вопроса связаны еще и с современным «переходным»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-01-00348а.

состоянием постсоветской экономики России, которая в мирных условиях была подвержена чудовищному экономическому спаду, деградации многих, и особенно наиболее передовых, отраслей и в начале XXI в. характеризуется доминированием топливно-сырьевой составляющей и зависимостью от мировой конъюнктуры. Распад СССР, смена модели общественного развития повлияли и на смену парадигм исторического познания, и на выбор тем. Во всяком случае, если в советской историографии данный вопрос изучался весьма активно, хотя, по сути, предлагалось единственное объяснение – роль «неоспоримых преимуществ социализма», то в современной российской историографии он не случайно оказался на периферии внимания.

Наиболее объективной оценкой жизнеспособности экономической модели является ее проверка в экстремальных условиях, особенно в прямом военном столкновении с примерно таким же или более сильным противником. В этой работе данная модель интересует нас лишь с одной – прагматической – стороны: как она обеспечивала выживание страны и общества в экстремальной ситуации на грани жизни и смерти (в ситуации Второй мировой войны и выхода из нее), каков был механизм мобилизации ресурсов для обеспечения фундаментальных интересов общества.

Мы проанализируем на примере РСФСР проблему восстановления экономики на ранее оккупированных территориях в ходе войны и отдельные элементы механизма социальной мобилизации, который позволил в жесточайших условиях дефицита материальных, финансовых, кадровых ресурсов осуществить почти невозможное – восстановить народное хозяйство в кратчайшие сроки.

Великая Отечественная война принесла СССР невиданные в истории людские и материальные потери. Боевые действия в 1941–1944 гг. – с отступлением и последующим освобождением – велись в европейской части СССР, преимущественно в наиболее развитых регионах страны. Ареной ожесточенных сражений на протяжении нескольких лет стала территория от западной границы до Подмосковья и Волги, от Крайнего Севера до Черноморского побережья и предгорий Кавказа. Территории Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, значительной части РСФСР подверглись фашистской оккупации, режим которой был направлен на выкачивание всех видов ресурсов для нужд III рейха. Были разрушены заводы и фабрики, электростанции, мосты, вырублены многие леса и т. д. Почти 1 700 городов и поселков, 70 000 деревень и сел лежало в руинах. Ущерб экономике составил 679 млрд руб. (в государственных ценах 1945 г.), прямые военные расходы составили 1 890 млрд руб. Страна потеряла треть своего национального богатства¹. Огромными были демографические потери, в свою очередь сказавшиеся

на развитии народного хозяйства. Только в 1955 г. численность населения страны достигла довоенной, но на территориях, подвергшихся оккупации, для этого понадобилось значительно больше времени².

Длительность оккупации была разной: в одних регионах она продолжалась от нескольких дней или месяцев, в других – 2,5–3 года. В конце июля 1944 г. было полностью завершено освобождение от гитлеровских захватчиков территории РСФСР, в которой из 73 краев, областей, автономных республик полностью или частично были оккупированы Московская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Орловская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Тульская, Калининская, Рязанская, Ростовская, Сталинградская, Белгородская, Смоленская, Мурманская и другие области, Краснодарский, Ставропольский края, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Калмыцкая АССР. До войны на этих землях проживало более 30 млн чел. Прямой ущерб, нанесенный захватчиками этим временно оккупированным территориям, составил 249 млрд руб.³ Вопрос о нанесенном врагом ущербе РСФСР неплохо разработан в советской историографии⁴.

В период войны основная часть дееспособного мужского населения находилась в рядах вооруженных сил, воевала на фронте, и главная тяжесть хозяйственных работ и в деревне, и в городе легла на плечи женщин, подростков и стариков. В 1945 г. численность рабочих и служащих в той части РСФСР, которая подверглась оккупации или находилась близко к фронту, составляла от 51 до 90 % к довоенному уровню. Особенно тяжелы были потери трудоспособного населения села: они сократились за годы войны более чем на треть. Резко уменьшилось число мужчин в возрасте от 18 до 54 лет, а их доля в сельском населении в 1945 г. составила всего лишь 8,3 %⁵.

В ходе эвакуации произошло масштабное перемещение материально-технической базы индустрии из европейской части на восток, что потребовало в дальнейшем дополнительных усилий по частичной реэвакуации. Восстановление экономики осуществлялось в крайне жестких условиях: сначала – в ходе самой войны, как только происходило освобождение ранее оккупированных земель, а затем – в условиях начавшейся холодной войны, требовавшей огромных затрат на оборонные нужды. При этом экономика оказалась переведена в военный режим (и может быть определена уже в конце 1941-го – 1945 г. как «военная экономика»), что потребовало после окончания войны перевода ее в режим мирного времени, проведения широкомасштабной конверсии с дополнительными усилиями и затратами. Таким образом, восстановительный процесс может быть хронологически разделен на две основные части: в ходе самой войны на освобожденных территориях и после ее завершения.

Восстановительный процесс начался с момента освобождения временно захваченной врагом территории. Сразу же после начала освобождения Московской, Тульской, Рязанской областей, 29 декабря 1941 г., СНК СССР принял специальное постановление о восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне. Были приняты и другие решения, направленные на мобилизацию масс на восстановление разрушенного народного хозяйства⁶. Высшее военно-политическое руководство придавало этой задаче особое значение. «В районах, где временно хозяйничали фашистские погромщики, – говорил И. В. Сталин, – нам предстоит возродить разрушенные города и села, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, культурные учреждения, создать для советских людей, избавленных от фашистского рабства, нормальные условия жизни. Уже теперь полным ходом развернулась работа по восстановлению хозяйства и культуры в освобожденных от врага районах. Но это только начало. Нам необходимо полностью ликвидировать последствия хозяйничанья немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Это большая, общенародная задача. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок»⁷. «Восстановление освобожденных районов – дело огромной государственной важности... – писала “Правда”. – Нужно восстановить сельское хозяйство и промышленность, нужно снова сделать эти районы полноценными звеньями нашей народнохозяйственной системы. Это огромная и трудная задача, требующая упорного и напряженного труда. Решение этой задачи нельзя откладывать ни на один день, ни на один час...»⁸

При СНК СССР в 1943 г. был создан Комитет по восстановлению хозяйства в освобожденных районах. Важное место заняло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению машинно-тракторных станций и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»⁹. Масштабная, развернутая программа возрождения пострадавших районов страны была намечена в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором рассматривались социально-политические, экономические, идеологические основы восстановления народного хозяйства и ликвидации последствий вражеской оккупации¹⁰.

Восстановительные работы начинались непосредственно после вступления советских войск. В первую очередь надо было восстановить предприятия тяжелой, угольной, нефтяной, металлургической промышленности, электростанции, которые являлись основой восстановления всего народного хозяйства. На это было направлено Постановление государственного комитета обороны СССР от 1 октября 1944 г.¹¹ Осуществление в годы войны восстановительных программ, невиданных

в истории по своим масштабам и сложности, само по себе стало настоящим гражданским подвигом. Восстановленные в освобожденных районах РСФСР предприятия уже в 1942 г. наладили выпуск разнообразной продукции. За 1942–1945 гг. в районах РСФСР, подвергавшихся оккупации, было восстановлено более 47 000 колхозов, 785 совхозов, свыше 1 300 МТС. Трудно было переоценить морально-политическое и экономическое значение. Для людей, переживших оккупацию, первые успехи в восстановлении освобожденных территорий были символом неизбежной победы над врагом¹².

Ряд авторов выделяют 3 этапа в ходе восстановительных процессов: с января 1942-го по август 1943 г., от Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. до конца войны, с окончания войны до конца 1940-х гг.¹³ Решение задач восстановления страны действительно можно считать всенародным подвигом. Вместе с тем власть осознавала мобилизующую роль существовавших в стране социальных институтов. «Повсюду, – говорил М. И. Калинин, – основным и главным двигателем этого восстановительного процесса являются люди, патриотизм которых делает то, что кажется невыполнимым в столь короткие сроки в обычных условиях... Народную энергию, инициативу населения, направленные к использованию всех местных возможностей, партийным и советским организациям необходимо организационно закрепить»¹⁴.

Центральным звеном общественно-политической системы СССР выступала Коммунистическая партия, вокруг которой были объединены советские, комсомольские и другие общественно-политические и общественные организации. Они являлись социальными институтами единого мобилизационного механизма, пронизывавшего все сферы жизни общества, включая экономику, и охватывавшего большинство взрослого населения страны. На первом этапе восстановление народного хозяйства шло одновременно с эвакуацией на восток и переводом экономики в военный режим функционирования.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство обратилось к населению тыловых регионов с призывом взять шефство над освобожденными от оккупации районами. Шефство явилось важной формой мобилизации ресурсов тыла для подъема разоренных оккупацией территорий. Так, Челябинская область оказывала помощь Курской, Новосибирская – Воронежской, Казахстан – Орловской, Ленинградской и Калининской областям и т. д.¹⁵ Было распространено и «отраслевое» шефство: промышленные предприятия глубокого тыла, в том числе принявшие эвакуированное оборудование и работников западных регионов, теперь в порядке шефской помощи направляли эшелоны с оборудованием на восстанавливаемые предприятия, колхозы и совхозы помогали сельхозпредприятиям, вузы и школы – учебным учреждениям освобож-

денных областей и т. п. В ситуации резкого изменения половозрастной структуры работников всех отраслей народного хозяйства особую роль играла мобилизация молодежи на решение экономических задач, поскольку именно она оказывалась основой рабочей силой, значение использования ее потенциала в восстановлении экономики трудно переоценить. Ключевым институтом социальной мобилизации молодежи выступал комсомол.

Производительность труда молодежи во фронтовых комсомольско-молодежных бригадах, ставших массовой формой молодежного соревнования, на 30–40 % превышала среднюю производительность по предприятиям¹⁶. К марту 1943 г. на предприятиях Московской области трудилось 4 358 таких бригад, охвативших 36 000 чел. Эти бригады «впитали в себя все самое лучшее, что есть в промышленности»¹⁷, они подняли социалистическое соревнование молодежи на новую ступень. О необходимости распространения ценного опыта комсомольско-молодежных бригад Москвы говорилось в Постановлении ЦК ВЛКСМ от 18 ноября 1943 г. «О работе фронтовых комсомольско-молодежных бригад по повышению производительности труда». На селе на долю молодежи выпали ответственные задачи, т. к. «сельская молодежь, наряду с женщинами, стала решающей силой в сельскохозяйственном производстве. Выросли роль и ответственность молодежи за работу колхозов, совхозов... за быстрее восстановление хозяйства, разрушенного оккупантами». Активно участвовали молодые колхозники в строительстве 120 сельских электростанций, широкое распространение в Московской области получила такая форма ударного труда молодежи, как создание комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая¹⁸. В 1943 г. на полях Московской области работало 1 800 молодежных звеньев высокого урожая, в которых было занято около 15 000 комсомольцев и молодежи¹⁹. Восстановительный процесс продолжался и в послевоенные годы, и в этот период продолжал действовать мобилизационный механизм, использовавший социальные резервы общества по форсированному возрождению разрушенной войной экономики.

Решающую роль в форсированном восстановлении разрушенной войной экономики сыграл механизм социальной мобилизации, направивший ресурсы большинства слоев населения, в том числе и молодежи, на решение задачи возрождения народного хозяйства. Изучение того, уже давнего исторического опыта выхода из тяжелейшего экономического состояния весьма актуально в современной, отнюдь не менее сложной ситуации. В России в 1990-е гг. произошли деградация и развал экономики, которая по многим параметрам до сих пор не достигла уровня 1990 г. России неизбежно придется наверстывать время – почти два десятилетия, которые большинство других стран использовало для эффективного развития.

¹ Сборник сообщений чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М., 1946. – С. 430; История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1980. – Т. IX. – С. 47.

² История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. IX. – С. 46.

³ Сборник сообщений... – С. 430.

⁴ См.: Правда. – 1945. – 18 июля; *Дегтярь Д.* Возрождение районов РСФСР, подвергавшихся немецкой оккупации. – М., 1947. – С. 9–10; *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1948. – С. 56; *Губенко М. П.* К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г. // История СССР. – 1962. – № 1. – С. 114–121; *Белов И. И.* Поднятые из руин. Исторические очерки восстановления и развития старейших городов России. 1943–1963. – М., 1966. – С. 18, 22.

⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. IX. – С. 47.

⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). – М., 1968. – Т. 3. – С. 90–531.

⁷ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1950. – С. 219. См. также: *Калинин М. И.* Статьи и речи (1941–1946). – М., 1975. – С. 328.

⁸ Правда. – 1943. – 19 февр.

⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... – Т. 3. – С. 90–95.

¹⁰ КПСС в резолюциях. – М., 1971. – Т. 6. – С. 65–104.

¹¹ История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. – Т. 5, кн. 1. – С. 470.

¹² *Приходько Ю. А.* Восстановление промышленности в освобожденных от немецко-фашистской оккупации районах СССР (1942–1945 гг.) // История СССР. – 1968. – № 6. – С. 12.

¹³ См.: *Зиновьев А. Н.* Деятельность Московской партийной организации по оказанию помощи освобожденным районам в восстановлении народного хозяйства в ходе Великой Отечественной войны (декабрь 1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1972. – С. 6; Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР: конец 1930-х – начало 1960-х гг. – М., 1984. – Т. I. – С. 140.

¹⁴ *Калинин М. И.* Указ. соч. – С. 326, 328.

¹⁵ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. IX. – С. 447–448.

¹⁶ *Перечнев Ю. Г.* Великая Отечественная война в советской историографии. – М., 1984. – С. 56.

¹⁷ Комсомольская правда. – 1943. – 11 дек.; Шагай вперед, комсомольское племя! Из истории Московской областной организации ВЛКСМ. – М., 1958. – С. 202.

¹⁸ *Еремин В. Г., Исаков П. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны – М., 1984. – С. 208.

¹⁹ Шагай вперед, комсомольское племя! – С. 209.

В. В. Запарий

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

ВКЛАД МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УРАЛА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В развитии уральской металлургии период Великой Отечественной войны занял особое место. Война потребовала быстрой и всеобщей мобилизации промышленности СССР, перестройки ее на производство продукции для фронта. Особенно большие и ответственные задачи встали перед работниками уральской металлургии. Уже в первые месяцы войны СССР потерял жизненно важные западные экономические районы.

На территории, оккупированной противником в 1941 г., находилось 40 % всего населения страны, 32 % рабочих и служащих, 33 % основных фондов промышленных предприятий. До войны здесь производилось 33 % валовой продукции промышленности страны, собиралось 38 % зерна, выращивалось 60 % поголовья свиней и 38 % КРС. Здесь находились 59 доменных, 126 мартеновских, 13 электросталеплавильных печей, 16 конверторов и 105 прокатных станов. Общие потери мощностей по чугуну составили 14 млн т, по стали – 12,5 млн т. На оккупированной врагом территории оказались и многие предприятия цветной промышленности, поставлявшие значительную часть никеля, меди, магния, цинка, 60 % алюминия. Полностью прекратилось производство кремния, силумина, необходимых при производстве танков и использовавшихся в авиации. Производство проката цветных металлов за тот же период сократилось в 430 раз¹.

В годы Великой Отечественной войны на Урале производилось 60 % черных металлов и 40 % военной продукции. Всего за годы войны на востоке при участии проектных организаций было введено 10 доменных, 32 мартеновские и 16 электросталеплавильных печей, 2 конвертора, 15 прокатных и 6 трубoproкатных станов, 16 электроферросплавных печей и 13 коксовых батарей. Однако происходило не только расширение действующих металлургических заводов, но и создание новых крупных предприятий, таких как Челябинский металлургический и трубoproкатный, Магнитогорский калибровочный, Актюбинский и Кузнецкий ферросплавные заводы и др.

В годы войны Урал стал сырьевым центром черной металлургии. В 1942–1944 гг. на его долю приходилось от 83 до 90 % всей добываемой в стране руды. Для увеличения ее добычи в регионе велись широкие работы по реконструкции и наращиванию мощностей горнорудной промышленности. В Свердловской области только в трех основных

рудоуправлениях (Высокогорском, Гороблагодатском и Богословском) были построены дробильно-сортировочная, обогатительная, агломерационная и промывочная фабрики, четыре шахты и три рудника. Резко возросло производство высококачественной руды. Если до войны агломерат выпускал только Гороблагодатский рудник, да и то в небольших объемах, то в 1942 г. у горы Высокой был поставлен комбинат, который стал вырабатывать из местной руды, исключительно богатой железом, но содержащей много серы, отличное сырье для металлургической промышленности. За время войны он дал около 1,7 млн т агломерата. Доля высокосортной руды, добываемой на руднике, увеличилась с 33,7 % в 1942 г. до 95 % в 1945 г.²

За время войны в черной металлургии края произошли такие кардинальные изменения, на которые при довоенных темпах развития ушли бы многие годы. Завершив переориентацию на выпуск продукции военного назначения, отрасль уже к середине 1942 г. превратилась в металлургию качественных сталей, став прочным фундаментом оборонной промышленности страны. Осваивая новые производства, уральские металлурги проделали большую работу по внедрению прогрессивной техники и технологии, механизации и автоматизации труда.

На заводах были созданы специальные бюро механизации или инициативные группы по рационализации и механизации. Был механизирован ряд трудоемких работ по транспортировке, разгрузке-погрузке сырья, топлива, полуфабрикатов и готовой продукции за счет установки стационарных и передвижных транспортеров, экскаваторов, кранов, перевода вагонеток с конной тяги на электрическую. Только за счет внедрения малой механизации на 22 металлургических предприятиях Урала в военное время были высвобождены 4 тыс. рабочих³.

Тяжелая индустрия, созданная в период довоенных пятилеток на востоке страны и усиленная в годы войны, приняла на себя основную нагрузку по обеспечению фронта боевой техникой, вооружением и боеприпасами. По темпам и объемам промышленного производства Урал в годы Великой Отечественной войны превратился в наиболее мощный индустриальный регион и занял первое место среди других экономических регионов страны⁴. Были существенно увеличены мощности Магнитогорского, Чусовского, Златоустовского и других металлургических предприятий. В короткий срок были построены крупные металлургические заводы – Челябинский и Чебаркульский. Черная металлургия региона за годы войны увеличила выпуск чугуна на 58 %, стали – на 56 %, проката – на 57 %, стальных труб – на 430 %. Не было таких видов военной продукции, которые бы не изготавливались на Урале.

Существенную роль в завоевании Великой Победы сыграли предприятия и труженики цветной металлургии Урала. Например, благодаря

героическому подвигу алюминщиков в суровые годы войны Уральский алюминиевый завод сумел противостоять десяткам алюминиевых предприятий Европы. Труженики алюминиевой отрасли внесли свой достойный вклад в дело разгрома фашизма. Вплоть до 1943 г., когда вступила в строй первая очередь Новокузнецкого алюминиевого завода, Уральский алюминиевый завод являлся единственным в стране производителем «крылатого» металла⁵.

Большой вклад в дело Победы над фашистской Германией внесли труженики медеплавильных заводов и рудников Урала. Около 80 % снарядных и патронных гильз производили из меди, выпущенной только одним Пышминским медеэлектролитным заводом. Наивысшей производительности в выплавке рафинированной меди завод достиг в 1941 г., в период общего подъема меднорудной и медеплавильной промышленности Урала. В этом году он выплавил 125,9 тыс. т рафинированной меди, а всего со второй половины 1941 г. по май 1945 г. – 352 314 т рафинированной меди. Если до войны завод выдавал 9 видов продукции, то в конце войны – 17. Он был крупным поставщиком серебра, селена, теллура, биметалла, медного порошка, медного купороса, сульфата никеля и др.⁶ Значительных успехов достиг Медногорский медносерный завод. За эти годы уральцы значительно увеличили добычу золота, серебра и других драгоценных металлов. Только комбинат «Березовскзолото» с 1940-го по май 1945 г. добыл 4 118 кг золота, 6 158 кг серебра, 174 кг платиноидов и других металлов⁷.

За годы войны на Урале была заново создана промышленность по обработке и прокату цветных металлов. Выпуск цветного проката здесь превзошел его довоенное производство на всей территории СССР. Только заводы № 515, 518, 519, Михайловский, Верхнесалдинский металлургические заводы Свердловской области выдали со второй половины 1941 г. по май 1945 г. 246 748 т цветного проката. Из них: завод № 515 (Каменский завод обработки цветных металлов) – 86 035 т, № 518 (Ревдинский завод обработки цветных металлов) – 18 894 т, № 519 – 69 823 т, Михайловский – 22 007 т.⁸

Рост выпуска цветных металлов за годы войны позволил заново создать на Урале металлургические и литейно-механические заводы легких сплавов, снабжающих авиационную промышленность полуфабрикатами из них. Вступивший в строй 12 марта 1942 г. единственный в стране Каменск-Уральский литейно-механический завод всю войну обеспечивал фронтovou авиацию колесными изделиями для самолетов всех типов, успешно громивших врага и приближавших День Победы⁹.

О роли Урала как главного арсенала Красной армии свидетельствуют оценки его значения и союзниками, и врагами. Так, американский генерал Г. Томас писал, что поражение Советского Союза на чисто экономических основах может стать реальностью только после захвата

или разрушения промышленных зон Урала. Рейхсминистр вооружений А. Шпеер докладывал Гитлеру в апреле 1943 г., что назрела потребность в подготовке новой операции против Урала. События и данные разведки свидетельствуют о выдвигании этой промышленной зоны на роль основной кузницы боевой мощи Красной армии, и нужны все усилия, чтобы парализовать Урал¹⁰. Но враги были бессильны изменить ситуацию.

В годы войны на Урале производилось до 90 % железной руды, около 70 % марганца. Такие металлы, как алюминий, никель, хром, платина, добывались только на Урале. В эти годы оборонное производство в крае выросло в шесть раз. На долю региона приходилось около 40 % всей продукции военной промышленности страны, а тяжелых танков – все 100 %¹¹. Исключительная роль Урала в Великой Отечественной войне была обусловлена наличием в его недрах богатейших и разнообразных минерально-сырьевых ресурсов стратегических полезных ископаемых. В годы войны край стал основным арсеналом страны по обеспечению фронта современной военной техникой и боеприпасами.

В годы войны металлургия Урала смогла в полной мере обеспечить нужды военной промышленности в металлах и сплавах. Своеобразие и сложность военной перестройки металлургии на Урале заключалось в том, что ее пришлось осуществлять одновременно по двум направлениям. Первое – перестройка действующих предприятий. Второе – ускоренное строительство новых предприятий. Перестроив свою работу на военный лад, предприятия отрасли с каждым днем наращивали выпуск цветных металлов.

Героический труд металлургов Урала способствовал обеспечению потребностей Красной армии в черных, тяжелых, благородных и редких цветных металлах, боеприпасах, вооружении. Рост выпуска черных и цветных металлов за годы войны позволил заново создать на Урале металлургические и литейно-механические заводы, снабжающие авиационную промышленность полуфабрикатами из легких сплавов. Усилия трудящихся края в развитии многоотраслевой, комплексной металлургической промышленности в годы Великой Отечественной войны имели огромное значение для укрепления обороны страны и для достижения победы над врагом.

¹ *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1931–1947. – М., 1979. – С. 504, 505.

² *Сталь для победы.* – М., 1983. – С. 139–140; *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1982.

³ *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург, 1992. – С. 145.

⁴ Там же. – С. 158.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 702. Л. 11; Государственный архив Свердловской области. Ф. 2212. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 24а. Л. 40, 56, 57, 58; Оп. 31. Д. 617. Л. 217, 218.

⁷ Там же. Оп. 18. Д. 24а. Л. 56.

⁸ Там же. Л. 40, 51, 54.

⁹ Каменский рабочий [Каменск-Уральский]. – 1997. – 11 марта.

¹⁰ Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 1995. – С. 7.

¹¹ Зубрилов Л. Е., Дементьев И. В. Вклад горнорудного Урала в победу в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 1995. – С. 3–4.

А. А. Долголюк

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ В СИБИРИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ*

С первых дней Великой Отечественной войны, в связи с угрозой оккупации фашистской Германией многих западных районов СССР, перед руководством страны встала задача эвакуации в тыл заводов и фабрик. Лишь только с июля по ноябрь 1941 г. в восточные районы было перебазировано 2 593 предприятия, в том числе 244 – в Западную Сибирь и 78 – в Восточную Сибирь¹. ГКО и СНХ СССР, ЦК ВКП(б) устанавливали жесткие сроки по транспортировке, приему, установке на новом месте и пуску в строй эвакуированного оборудования. Для скорейшего восстановления промышленных объектов выделялись крайне дефицитные финансовые средства, строительные материалы, трудовые ресурсы.

Большая часть предприятий была размещена в крупных населенных пунктах, расположенных на железной дороге или поблизости от нее. При этом учитывалось наличие в местах размещения новых заводов и оборудования относительно развитой производственной и социально-бытовой инфраструктуры. В редких случаях крупные заводы возводились поблизости от небольших поселков. Так, например, было в районе строительства Юргинского машиностроительного и Алтайского тракторного заводов.

В строительные площадки в 1941–1942 гг. превратились практически все наиболее крупные действующие заводы. Им пришлось

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8.

принимать на свои производственные площади не только оборудование, эвакуированное с заводов европейских районов страны, но и сами эти предприятия. Одновременно с выпуском промышленной продукции на них шло создание новых производств. Участие в сооружении объектов, в монтаже оборудования принимали не только строители, но и эксплуатационники.

Омский «Сибзавод», производивший до войны сельскохозяйственную технику, разместил на своей территории оборудование пяти эвакуированных заводов. Строителям пришлось провести полную реконструкцию цехов, выполнить недостающие пристройки, установить оборудование. Все эти работы были проведены в кратчайшие сроки. Парк производственного оборудования вырос в 2,5 раза. Уже в третьем квартале 1941 г. доля военной продукции превысила половину, а в конце года завод почти полностью работал на фронт².

Оборудование Полтавского, Воронежского и Изюмского паровозоремонтных заводов смонтировали на Красноярском паровозоремонтном заводе. На Иркутский завод тяжелого машиностроения им. Куйбышева поступила часть производственного парка Старо-Краматорского и Ново-Краматорского машиностроительных заводов. Восстановительные работы здесь мало чем отличались от нового строительства. Пришлось возводить дополнительные здания. В них создавалось кузнечно-прессовое, прокатное и другие производства. Часто строителям приходилось работать по 13–14 часов в сутки. К маю 1942 г. установили и запустили в действие две трети от общего объема оборудования. Монтаж и освоение остальных станков и прессов продолжался еще несколько месяцев³.

Сразу с нескольких заводов поступила техника на Кузнецкий металлургический комбинат. На ее основе сравнительно быстро наладили прокат броневых листов. В то же время восстановление некоторых других производств из-за их масштабности и сложности растянулось более чем на год. Столь же масштабные работы пришлось выполнять на другом предприятии этой же отрасли – на Норильском горно-металлургическом комбинате. С большими сложностями в заполярный город было доставлено оборудование Мончегорского металлургического комбината и Тынъяузского никелевого завода. А уже в мае 1942 г. было налажена выплавка никеля, крайне необходимого для производства продукции оборонного значения.

Особенно привлекательными для ГКО и руководителей отдельных наркоматов оказались незаконченные стройки. Грандиозное строительство развернулось на территории «Сибметаллстроя» (позднее – завод «Сибсельмаш»). Во второй половине 1941 г. на строительную площадку поступали десятки эшелонов с оборудованием семи эвакуи-

рованных заводов. Самыми крупными из них были Запорожский металлургический завод, военные заводы из Тулы, Таганрога, Ростова-на-Дону, Подольска. На огромной строительной площадке одновременно в разных местах шло создание разнопрофильных производств. Заводы размещались в помещениях, первоначально предназначенных для других целей. К ним делались пристройки, осуществлялась перепланировка. Новые производства вводились в эксплуатацию в кратчайшие сроки. Так, эшелоны с людьми и оборудованием Таганрогского завода № 65 прибыли в Новосибирск 5 ноября. В течение месяца оборудование было смонтировано. И уже 7 декабря завод дал первую продукцию. О трудовом героизме строителей и эксплуатационников красноречивее всего говорят такие цифры: к концу 1941 г. с завода на фронт было отправлено 580 вагонов с военным снаряжением⁴.

Еще меньшей в начале войны оказалась степень готовности строящегося в Красноярске завода «Сибтяжмаш». Руководство страны приняло решение разместить на нем один из крупнейших в стране Бежицкий завод тяжелого машиностроения, производивший паровозы и железнодорожные вагоны. С августа по октябрь 1941 г. на стройку прибыло 5 934 вагона с оборудованием эвакуированного завода общей массой 190 тыс. т⁵. Уже к весне 1942 г. в строй действующих вошли цех № 1 с заготовительным и инструментальным отделениями, электростанция, механический, два механосборочных цеха. Это позволило заводу изготавливать оружие и боеприпасы, а также оборудование для цветной, а позднее и для черной металлургии.

Кроме этих предприятий, форсированными темпами достраивались многие другие заводы: омские шинный и кордный, новосибирские металлургический, оловянный, Новокузнецкий алюминиевый, многие энергетические объекты. Все они создавались либо на основе, либо с использованием оборудования эвакуированных предприятий.

Пожалуй, еще большие сложности выпали на долю новостроек, начатых на неподготовленных площадках. Здесь приходилось предварительно создавать энергетическую базу, другие вспомогательные и подсобные производства, строить жилье для работников. Сооружение таких предприятий, как правило, растягивалось на более длительные сроки. Юргинский машиностроительный завод был введен в действие и изготовил первые пушки лишь в феврале 1943 г., а первая очередь Алтайского тракторного завода полноценно начала функционировать лишь в начале 1944 г.

Использовался в сибирских городах и такой способ восстановления эвакуированных предприятий, как рассредоточение отдельных производств по различным помещениям, иногда отстоящим друг от друга на большом расстоянии. К нему пришлось прибегнуть в Новосибирске,

принявшем около 50 заводов и фабрик. В городе для размещения оборудования эвакуированных заводов пришлось изыскать более 500 различных зданий. Помимо фундаментов под оборудование и укрепление стен и перекрытий, требовалось обеспечить помещения водой, теплом, электричеством, канализацией и многим другим. Таким способом осуществлялось размещение и восстановление достаточно крупного Приборостроительного завода. С момента поступления предприятия в Новосибирск прошло всего лишь 20 дней, как он начал выпускать оборонную продукцию – прицелы для танков и артиллерии. Строители быстро наращивали производственные мощности предприятия. Уже через 6 мес. выпуск продукции на заводе вдвое превысил довоенный уровень.

Восстановление всех эвакуированных предприятий очень серьезно осложнялось некомплектностью оборудования, его неисправностью. Часть эшелонов попадала под бомбежки, прибывала с большими потерями. Что-то сломалось еще на стадии демонтажа, что-то погибло и потерялось при транспортировке, что-то разворовали. В связи с этим строители-монтажники часто не могли составить полной технологической линии. Поэтому до того, как вновь смонтировать станок или иное оборудование, предстояло заблаговременно отремонтировать отдельные узлы и детали.

Несмотря на многочисленные трудности, сибиряки быстро восстанавливали эвакуированные заводы. Для этого строительномонтажные работы часто организовывались в три смены. В ночное время строящиеся объекты освещались мощными лампами и прожекторами. Новые здания возводились с облегченными стенами и перекрытиями. Вместо металла и железобетона широко использовалось дерево. Все это позволяло сократить сроки строительства и ускорить ввод в эксплуатацию производственных мощностей по производству вооружения, боеприпасов и другой продукции. Конечно же, при этом приходилось жертвовать качеством строительства. Восстановленные и вновь построенные предприятия в Сибири исчислялись сотнями. В одном Новосибирске создано более 20 новых крупных заводов оборонного значения.

Подводя итог, отметим, что основная часть строительномонтажных работ по восстановлению в Сибири эвакуированных сюда предприятий пришлось на первые полтора года войны. К концу 1941 г. большая часть перебазированных предприятий начала выпускать оборонную или иную продукцию, необходимую воюющей стране и ее населению. А уже к середине 1942 г. многие предприятия достигли довоенных объемов производства, а некоторые даже превысили их.

¹ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М., 1985. – С. 102.

² Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. – Новосибирск, 1984. – С. 60.

³ Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – Иркутск, 1974. – С. 73, 74.

⁴ Цыплаков И. Ф. Новосибирск военной поры // Вечерний Новосибирск. – 1975. – 28 февр.

⁵ Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. – Новосибирск, 1968. – С. 65.

И. М. Савицкий

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся Великая Отечественная война коренным образом изменила хозяйственную деятельность и социально-бытовое положение населения страны. Главным направлением хозяйственной деятельности являлся переход на военные рельсы, мобилизация народного хозяйства, его материальных, финансовых и трудовых ресурсов в пользу военного производства. 23 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о введении в действие утвержденного в начале июня мобилизационного плана производства боеприпасов. Политбюро возлагало ответственность за реализацию этого постановления на партийные органы Москвы, Горького, Свердловска, Челябинска, Новосибирска, Омска и других промышленных центров¹.

Основательно изменить создавшуюся ситуацию можно было, только перебазировав на восток страны из прифронтовых районов важнейшие предприятия оборонных и базовых отраслей промышленности. Во второй половине 1941-го – начале 1942 г. из западных районов страны в Сибирь было эвакуировано более 500 предприятий и организаций, 322 из них имели оборонное и народно-хозяйственное значение.

Из всех регионов Сибири самой индустриально развитой являлась Новосибирская область. На ее территорию, а также в Омскую область (в границах того времени) были эвакуированы важнейшие заводы, выпускавшие оборонную продукцию – боеприпасы, взрывчатые вещества, боевые самолеты, танки, артиллерийское вооружение, а также предприятия, изготовлявшие различные виды оптико-механического,

радиотехнического и электротехнического вооружения, причем некоторые из них производились только на этих заводах. В Новосибирскую область (без учета Кузбасса и Томска) были эвакуированы оборудование и кадры более 70 предприятий и организаций, в том числе 34 – четырех Наркоматов оборонной промышленности, четырех НИИ, восьми крупных строительного-монтажных трестов. На площадке строившегося крупнейшего в стране комбината № 179 по производству снарядов разместились оборудование семи заводов, Авиационного завода им. В. П. Чкалова – шесть предприятий.

На воссоздание эвакуированных и строительство действующих предприятий выделялись огромные капиталовложения. Так, на промышленное строительство Новосибирска за годы войны было затрачено 1 183,9 млн руб. Причем основной объем капиталовложений был реализован в 1941–1942 гг. Он составлял 812,4 млн руб., или 66,6 % от всех вложений в годы войны. Важнейшее внимание строительного-монтажные организации уделяли сооружению предприятий оборонных и базовых отраслей промышленности.

На предприятиях промышленности по производству боеприпасов в Сибири обстановка была сложнее, чем в других оборонных отраслях. Она зависела от общей ситуации в стране. 23 июля 1943 г. был введен в действие мобилизационный план по производству боеприпасов и вооружения. Новосибирский обком ВКП(б) информировал ГКО о создавшемся положении на комбинате № 179. Этот комбинат с полным циклом производства боеприпасов в соответствии с проектом после пуска в действие всех его заводов должен был выпускать 40–45 % этой продукции Наркомата боеприпасов. По данным на 1 сентября 1941 г., на комбинате было смонтировано 4 253 станков, мощность которых позволяла производить за месяц 663,5 тыс. шт. снарядов различной модификации, 660 тыс. шт. взрывателей, 1 680 тыс. шт. патронов и 1,2 млн шт. гильз. С учетом прибывшего на комбинат эвакуированного оборудования его производственные мощности возросли. Однако комбинат работал неудовлетворительно.

Первый секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин обратился 20 сентября 1941 г. к И. В. Сталину с рядом предложений по совершенствованию работы комбината. Главным из них была реорганизация структуры и управления комбинатом. В соответствии с постановлением ГКО, СНК и приказами наркоматов с 22 сентября 1941 г. до 28 сентября 1942 г. из комбината выделились и стали самостоятельными предприятиями заводы № 556, 65, 677, 188, металлургический завод и ТЭЦ. После разукрупнения комбинат № 179 оставался крупнейшим предприятием Наркомата боеприпасов, представлял собой производство 76, 122 и 152-мм цельнокорпусных снарядов, а также другие производства.

В августе 1941 г. за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова М. В. Кулагину пришло письмо, в котором в соответствии с решением ГКО предлагалось организовать в области производство реактивных снарядов М-8. В соответствии с постановлением бюро обкома партии, принятым 16 августа 1941 г., к производству этих снарядов было подключено около 20 предприятий различных наркоматов. Наиболее сложные детали и узлы поручалось изготавливать комбинату № 179, а окончательную сборку и сдачу военпреду должны были осуществлять заводы № 65 и 605 в г. Киселевске. В январе 1943 г. завод № 65 перешел на выпуск М-13 калибра 130 мм для катюш. Освоение производства этого сложного изделия было осуществлено за 3,5 месяца. После освоения производства реактивных снарядов в Новосибирской области их выпуск начался в других регионах Сибири.

К маю 1944 г. комбинат № 179 добился выдающихся результатов: было произведено более 1 млн корпусов 76-мм и 200 тыс. корпусов 122-мм и 152-мм снарядов. В январе 1945 г. комбинат получил задание, установленное лично И. В. Сталиным, – освоить производство и начать выпуск 100-мм осколочно-фугасных снарядов. Уже в феврале была выдана готовая продукция в количестве 5 тыс. снарядов, а в марте выпуск достиг 30 тыс. шт. За годы войны комбинат № 179 дал фронту 48 млн снарядов. Кроме комбината № 179 и завода № 65 Наркомата боеприпасов, в Новосибирске действовало два завода (№ 677 и 564), которые производили взрывательные приборы. Заводы № 325, 136, 368 изготавливали корпуса снарядов, гильзы, патроны и другие виды изделий, а завод № 635 производил снаряжение боеприпасов и направлял их на фронт. За годы Великой Отечественной войны промышленность боеприпасов Новосибирской области произвела для Красной армии более 125 млн снарядов, включая авиавыстрел, превысив в два раза выпуск снарядов всей промышленности России за период Первой мировой войны.

С начала войны Новосибирск стал крупным центром авиационной промышленности на востоке страны. Здесь не только было организовано массовое производство, но и велась работа по дальнейшему совершенствованию новых типов самолетов. В 1941 г. завод № 153 им. В. П. Чкалова стал производить самолеты ЛАГГ-3. Приезд в Новосибирск заместителя наркома авиапромышленности А. С. Яковлева как представителя наркомата имел большое значение для развития завода по выпуску самолетов-истребителей, разработанных под его руководством. В феврале 1942 г. завод уже выпускал три машины в сутки. Изготавливая модификации самолетов-истребителей (Як-7В, Як-В, Як-9Д и Як-9Т), заводской коллектив добился значительного увеличения их выпуска, а 17 июня 1944 г. заводской коллектив перешел на выпуск и сдачу 20 самолетов в сутки. Завод работал стабильно. За годы

Великой Отечественной войны он дал фронту 15 797 самолетов различного типа, в том числе 15 390 боевых истребителей «Яковлев» – это около 26 % от всех самолетов-истребителей, произведенных в стране. Кроме того, в Новосибирске работали завод № 51 опытно-конструкторского бюро конструктора Н. Н. Поликарпова, филиал Центрального аэрогидродинамического института и два завода в Бердске – № 296 и 9 Народного комиссариата нефтяной промышленности.

Новосибирский завод им. Ленина Наркомата вооружения имел официальное название «Особый завод». В течение двух с половиной месяцев, пока он не работал после эвакуации, образовался большой разрыв между количеством выпущенных в стране танков, пушек, артиллерийских установок, минометов и оснащением их необходимыми оптико-механическими приборами, тем более что этот завод был единственным в стране предприятием по производству танковых прицелов и наблюдательных приборов. Поэтому объемы его производства определялись постановлением ГКО, исходя из требований фронта. Несмотря на то, что ГКО ежемесячно увеличивал задание, завод с начала 1942 г. имел хорошие производственные показатели. В отзыве военно-танкового управления Красной армии от 20 декабря 1944 г. отмечается, что прицелы, изготовленные на заводе, превосходят по силе оптической системы немецкие танковые прицелы.

В начале Великой Отечественной войны электропромышленность не входила в структуру оборонной промышленности. 25 апреля 1942 г. ГКО принял постановление, в соответствии с которым электропромышленность приравнивалась к авиационной и танковой. Завод № 617 был основным поставщиком наиболее сложных и трудоемких типов электровакуумных приборов. В 1944-м – первой половине 1945 г. завод выпускал 80 типов электровакуумных изделий. За годы войны коллектив завода изготовил 3 073 шт. малогабаритных ламп, а также многочисленное количество других приборов.

Завод № 208 им. Коминтерна производил различного типа радиостанции, которые обеспечивали связь штабов фронтов, армии, Военно-морского флота. Это были самые мощные радиостанции из принятых на вооружение Красной армией и Военно-морским флотом. Они также обеспечивали связь ставки Верховного главнокомандования со штабами фронтов и армий, тяжелых аэродромов – с авиацией дальнего действия, были основными радиостанциями Генерального штаба Красной армии и Военно-морского флота. За годы войны завод № 208 изготовил 930 различных типов радиостанций.

Завод № 590 «Электросигнал» Народного комиссариата электропромышленности выпускал авиационные, танковые, общевойсковые и морские радиостанции, причем авиационные и танковые радиостанции изготавливались в основном на этом предприятии. За годы

войны завод № 590 произвел 168 297 радиотехнических аппаратов. Завод № 644 Народного комиссариата электропромышленности был единственным предприятием по производству зенитных, посадочных, морских, авиационных и других видов прожекторного вооружения и передвижных электростанций. Прожекторными установками этого завода была оснащена противовоздушная оборона Москвы, Ленинграда, Севастополя и других крупных центров страны, береговая оборона Союза, аэродромы Военно-воздушных сил.

Таким образом, в сложных социально-экономических условиях в Новосибирской области был создан крупнейший в Сибири центр оборонной промышленности, предприятия которого с 1942 г. освоили и производили в большом количестве боеприпасы, самолеты, оптико-механическое, радиотехническое и электротехническое вооружение, обеспечивали им воюющие на фронтах армии. Рост промышленного производства происходил в основном за счет оборонных отраслей. В результате за 1940–1945 гг. в Новосибирской области рост оборонной продукции составил 384 %, а крупной промышленности – 429 %, в самом Новосибирске – 535 и 543 % соответственно.

¹ Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.). – М., 1996. – С. 144–145.

Б. У. Серазетдинов

Москва, Центр военной истории России Института российской истории РАН

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ. 1941 ГОД

Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны стала огромным заводом, почти все предприятия перешли на выпуск военной продукции. С июня по ноябрь 1941 г. Западная Сибирь приняла 244 эвакуированных завода и вместе с ними десятки тысяч рабочих и членов их семей, население прифронтовых краев и областей. В труднейших условиях суровой сибирской зимы, при наличии сложнейших материальных и организационных проблем была совершена невиданная работа по воссозданию перемещенных заводов и по досрочному выполнению заказов фронта.

«Все для фронта, все для победы!» – этим лозунгом жила Западная Сибирь. Уже в первые месяцы войны объем продукции военной про-

мышленности Западной Сибири увеличился в 27 раз. Она поставляла фронту почти все виды боеприпасов и вооружения.

Для более точного воссоздания истории развития оборонной промышленности СССР в настоящее время необходимо по-новому взглянуть на некоторые аспекты становления и развития оборонной промышленности страны в начале войны. Одним из наиболее развитых в экономическом отношении регионов в составе Российской Федерации являлась в годы войны Западная Сибирь. В состав Западной Сибири в годы войны входили два автономных округа – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, пять областей – Омская, Новосибирская, Кемеровская (образована в 1943 г.), Томская, Тюменская (образованы в 1944 г.), Алтайский край. Поэтому изучение процесса становления оборонной промышленности Западной Сибири в начале войны имеет большое значение в контексте изучения истории края и страны в целом, является актуальным и научно значимым в деле развития исторической науки.

В связи с этим главной целью этой работы является реконструкция процессов развития в начале войны оборонной промышленности в Западной Сибири. На основе ранее доступных документов можно было говорить только о некоторых заводах Омской и Тюменской (1944 г.), Новосибирской и Кемеровской (1943 г.), Томской (1944 г.) областей и Алтайского края. Но расширившийся доступ к архивным фондам, ранее находившимся на специальном хранении и доступным только для служебного пользования, позволил получить более полную информацию о производившейся в Западной Сибири в годы войны оборонной продукции. Открывшиеся факты требуют пересмотра сложившихся оценок работы оборонной промышленности. Советская историография старательно обходила все «острые» и спорные моменты в развитии оборонной промышленности СССР в годы военного лихолетья.

История становления оборонной промышленности в Западной Сибири в первые месяцы 1941 г. до сих пор не изучена. Развитие военных заводов в Западной Сибири нашло отражение только в исследованиях Л. И. Кузик, Г. Д. Кучера, А. П. Плесовских, И. М. Савицкого, Б. У. Серазетдинова, В. Н. Шумилова, Н. П. Шуранова¹.

Следует отметить диссертацию А. П. Плесовских, в которой впервые рассматривается проблема становления предприятий по выпуску военной продукции². В то же время из-за секретности фондов в научный оборот была введена только небольшая часть архивных материалов, отражающих деятельность предприятий оборонной промышленности в период войны.

Большой вклад в изучение проблем оборонной промышленности Сибири внесла серия статей и монографических исследований И. М. Савицкого, посвященных истории развития как отдельных военных заводов, так и отраслей оборонной промышленности в предвоенные, воен-

ные и послевоенные годы, что позволило проследить динамику развития оборонного комплекса крупнейшего промышленного центра Сибири – Новосибирской области³.

В опубликованных работах В. Н. Шумилова рассматривается традиционный круг вопросов становления и развития оборонной промышленности, в основном Новосибирска, процесс размещения эвакуированных предприятий, организация производственной деятельности военных заводов, обеспечение их рабочей силой и др.⁴

Среди сибирских исследователей по военно-промышленной тематике особо следует выделить труды Н. П. Шуранова⁵. Этот автор значительно расширил источниковую базу, используя материалы, хранящиеся в ГАРФе, что позволило ему довольно подробно осветить историю создания оборонных отраслей промышленности на базе эвакуированных из европейской части страны предприятий и одновременно показать работу по расширению производственных мощностей действовавших здесь с довоенного времени военных заводов. Несомненной заслугой Н. П. Шуранова является и то, что он впервые поставил и успешно решил задачу комплексного анализа деятельности основных оборонных отраслей промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, судостроения и минометного вооружения) в рамках всего Западно-Сибирского региона.

В Западную Сибирь было эвакуировано 244 промышленных предприятия, в том числе многие оборонные заводы. По подсчетам Н. П. Шуранова, количество прибывших в Западную Сибирь оборонных предприятий составляло 85 ед. Заводы № 65, 187, 510, 513 Наркомата боеприпасов и танковый завод № 174 имели 6 филиалов в разных районах Западной Сибири⁵. Значит, всего в Западную Сибирь прибыли и были размещены 79 эвакуированных заводов оборонной промышленности. На базе перевезенного в Западную Сибирь оборудования были созданы и стали действовать 47 новых оборонных предприятий (без учета четырех реэвакуированных до 1943 г. заводов).

Как и почему оборонной промышленности Западной Сибири удалось с первых дней войны восстановиться и начать выпуск боевой техники? В первую очередь этот успех был достигнут благодаря быстрой и успешной переориентации на производство самолетов, танков, вооружений, боеприпасов и изделий для боевой техники других отраслей индустрии в начале войны.

Эвакуированные оборонные заводы размещались на действовавших и строящихся в предвоенные годы оборонных заводах, на предприятиях гражданских отраслей промышленности, в учебных заведениях и учреждениях культуры, в складских и подсобных помещениях. Были использованы помещения организаций и предприятий разных ведомств, в том числе Наркомата обороны, Главного управления госу-

дарственных материальных резервов, НКВД СССР и др. Этот процесс был частью перестройки всей хозяйственной жизни страны на военный лад. Расширение оборонной промышленности происходило за счет других машиностроительных отраслей – как гражданских, так и военных.

Перераспределялись ресурсы внутри предприятий военной промышленности, многие из которых до 1941 г. производили в значительных объемах гражданскую продукцию. Например, в Тюмень, на действующую с 1929 г. судовой верфь Наркомата речного флота, перебазировались Ленинградский судостроительный завод № 363, цеха торпедных катеров Херсонского завода Наркомречфлота им. Коминтерна, Камыш-Бурунского завода, Рыбинского судостроительного завода № 341 и часть оснащения Ленинградского завода № 194 им. А. Марти. Судостроительному заводу был присвоен № 639. Завод налаживал производство торпедных катеров, изготовление буксиров, барж, корпусов мин калибра 50–82 мм и деталей к снарядам М-13 для катюш⁶. В первые дни войны инженер завода К. В. Лемешев разработал также проект «плавающей танковой батареи», но в этот период проект был признан нецелесообразным⁷.

Военную продукцию осваивали также и предприятия гражданского машиностроения. Многие эвакуированные заводы слились с местными предприятиями. В результате образовались индустриальные гиганты, ставшие лидерами отрасли. Так, завод «Машиностроитель» в Омске стал одним из крупнейших предприятий Наркомата минометного вооружения. Здесь выпускали такие виды продукции: автодегазационные машины, дегазационные камеры, насосы, брандспойты и химоборудование. В Тюмени на базе завода «Механик» и эвакуированного Одесского завода дорожных машин им. 10 лет Октября был создан оборонный завод № 762. Завод изготавливал мины М-82, М-120, минометы и 122-мм артиллерийские снаряды⁸.

Еще одним источником расширения производственной базы оборонной промышленности стало транспортное машиностроение – паровозо- и вагоноремонтные заводы. В оборонную промышленность вливалось и сельскохозяйственное машиностроение. Эта отрасль резко снизила объемы своего производства в начальный период войны. Еще строящийся «Сибметаллстрой» («Сибсельмаш») принял на свою территорию несколько больших заводов. Комбинат сразу превратился в крупнейшее предприятие страны и стал получать правительственные заказы на изготовление оборонной продукции. Уже через несколько месяцев на комбинате было установлено 5 634 станка, а к концу 1941 г. на фронт было отправлено 580 вагонов с военным снаряжением⁹. Восстановление заводов происходило в экстремальных условиях, однако некоторые из них уже через две недели – месяц приступали к выпуску военной продукции.

Таким образом, созданные в начальный период войны оборонные заводы Западной Сибири с первых месяцев своей работы вносили весомый вклад в обеспечение победы советской боевой техники в воздушном пространстве, на земле и на море.

¹ Кузик Л. И. Омская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // В грозные годы. – Омск, 1973. – С. 16–23; Кучер Г. Д. Деятельность Коммунистической партии по мобилизации комсомольцев и молодежи на помощь фронту в период Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – май 1945 гг. (На материалах Новосибирской, Омской и Тюменской областей). – М., 1982; Плесовских А. П. КПСС – вдохновитель и организатор трудовых подвигов советского народа в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). (На материалах Омской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1971; Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 2005; Серазетдинов Б. У. Становление и развитие оборонной промышленности в Западной Сибири в 1941–1945 годах (на материалах Омской и Тюменской областей) // Вестник Том. гос. пед. ун-та. – 2008. – Вып. 3 (77). – С. 90–93; Он же. К вопросу о развитии авиационной промышленности Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 23 (161). – Вып. 33. – С. 125–134; Шумилов В. Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2000; Шуранов Н. П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Кемерово, 2004.

² Плесовских А. П. Указ. соч.

³ Савицкий И. М. Указ. соч.

⁴ Шумилов В. Н. Указ. соч.

⁵ Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. – Кемерово, 1995; Он же. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны; Он же. Деятельность партийно-государственных органов по созданию заводов по производству вооружения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь. XX век. – Кемерово, 2007. – Вып. 5. – С. 120–128.

⁶ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 181. Л. 78, 79, 150; ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 84. Л. 94, 163.

⁷ ГУТО ГАТО. Ф. 293. Оп. 5. Д. 132. Л. 10–11; Ф. 969. Оп. 1. Д. 51. Л. 1; Д. 134.

⁸ ЦДНИ Омской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3000. Л. 5, 13, 40.

⁹ ТОЦДНИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1008. Л. 43, 44, 200; Ф. 260. Оп. 2. Д. 13. Л. 20; Ф. 296. Оп. 2. Д. 12. Л. 95, 96, 115, 116; Ф. 958. Оп. 1. Д. 5. Л. 30, 31, 34.

В. П. Южаков

Тюмень, ООО «Гранит-Мрамор»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЮМЕНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В российской истории нет такого сюжета, который привлекал бы более пристальное внимание, чем Великая Отечественная война. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. 24 июня 1941 г. было принято постановление о создании при СНК СССР Совета по эвакуации. 2 593 промышленных предприятия западных областей СССР были эвакуированы вглубь страны. Вывозилось оборудование, материалы, документация. Вместе с предприятиями эвакуировался промышленный персонал¹.

Распространено мнение, что в Тюмень эвакуировали 22 промышленных предприятия. Эта цифра названа в записке Тюменского горкома компартии Омскому обкому ВКП(б) по состоянию на 7 января 1942 г., однако позже в Тюмень эвакуировалось еще несколько заводов. Всего же в Тюмень прибыло 28 промышленных предприятий². Часть эвакуированного оборудования была размещена на предприятиях. Так, судовой верфь приняла четыре завода, на завод «Механик» прибыло оборудование киевского завода «Красный экскаватор», сапоговальная фабрика разместила в своих цехах курский машинный завод «Текстильмаш», овчинно-шубный завод принял кожевенный завод подмосковного города Кунцево. В помещении пивоваренного завода разместился таганрогский мотоциклетный завод³. В Тюмень переехали Наркомат мясомолочной продукции РСФСР, лесозаготовительная контора Наркомата текстильной промышленности СССР, Центральный Совет общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР⁴.

В Тюмени на выпуск оборонной продукции перешли местные предприятия: завод «Механик», фанерный комбинат, судовой верфь, док «Красный Октябрь». На заводе «Механик» наладили выпуск 50-мм и 82-мм минометов и боеприпасов, на судовой верфи – торпедных катеров Г-5 (за время войны изготовлено 165 шт.), док «Красный Октябрь» получил задание на производство лыж и деревянной спецтары. На тюменском фанерном комбинате развернулось производство авиационной фанеры для изготовления самолетов. В Тюмени в помещении крытого рынка наладили выпуск планеров типа А-7 авиаконструктора О. К. Антонова (изготовлено в годы войны 600 шт.), они перевозили за линию фронта партизанам вооружение, боеприпасы, продовольствие. В локомотивном депо был освоен выпуск 82-мм минометов⁵.

Руководила производством ВКП(б). Контроль осуществлялся жестко, поблажек не давали никому. Над предприятиями велось так называемое дистанционное управление. Так, в 1944 г. Омский обком ВКП(б) (первый секретарь – С. С. Румянцев) снял с работы директора оборонного завода № 762, находившегося в Тюмени. В этом же году возник конфликт интересов между Тюменским горкомом ВКП(б) (первый секретарь – Д. М. Купцов) и руководством городской электростанции. В разрешении ситуации участвовал «третейский судья» – Наркомат электростанций. Немало моральных усилий, находчивости и даже изворотливости приложили директора заводов Ф. А. Павлов, Г. А. Давыдов, Г. Н. Лейзерович, И. М. Мизрухин, Я. И. Старохицкий и другие хозяйственные руководители, чтобы избежать возможной опалы и выполнить производственную программу⁶.

Из-за массового ухода на фронт мужчин многие предприятия лишились до половины своих работников. Женщины настойчиво овладевали профессиями, которые традиционно считались «мужскими». По инициативе Марии Смирновой на тюменском заводе «Механик» была создана женская бригада литейщиков. На производство начали возвращаться пенсионеры. 10 июля 1941 г. в местной газете было опубликовано обращение пенсионера, бывшего рабочего овчинно-шубного завода А. Ф. Лузгина к ветеранам с призывом вернуться к станкам и заменить ушедших на фронт рабочих.

Около 40 % всех рабочих на тюменских предприятиях составляла молодежь до 25 лет⁷. Из воспоминаний ветерана оборонного завода № 766 Константина Николаевича Воинкова:

«Во время войны после уроков занимался в Осоавиахиме радиотехникой. После окончания 6-го класса летом подрабатывал на оборонном заводе № 766. Работали с ребятами на подсобных работах по 2–3 часа. Заработную плату нам не платили, но давали за смену 600 граммов хлеба. С гордостью нес хлебный паек домой. После окончания школы приняли на завод электромонтером. Работал наравне с взрослыми, носил на плечах неисправные электромоторы в перемотку.

Большие грузы по заводу возили на быках и коровах. Работали по 12 часов. Во время войны выходных не было. Часто домой не ходили – не было сил, ночевали на заводе. Кто проспит, лишали дневного пайка. Обувки не было, летом ходили босиком. Работал на общественных началах киномехаником в заводском клубе.

В магазине на ул. Республики можно было купить за деньги буханку хлеба. Очередь занимали с вечера, стояли всю ночь, на руках химическим карандашом писали номера. Весь следующий день шла торговля. Почти сутки нужно было простоять в очереди, чтобы купить хлеб».

Во время войны в Тюмени появился лагерь для военнопленных под номером 93. Он состоял из четырех отделений: одно находилось на территории фанерного комбината, другие – в поселке док «Красный Октябрь», на лесной бирже «Винзили» и торфопредприятии «Боровое». В каждом отделении содержались от 600 до 1 000 военнопленных. Их использовали для выполнения тяжелых работ: они вытаскивали из Туры сплавленные бревна, обкатывали, разделявали древесину. После окончания войны военнопленных стали привлекать к строительству в центре города и поселке железнодорожников. Пленные немцы заложили здания обкома ВКП(б), но не достроили его – в 1948 г. военнопленных отправили в Германию⁸.

На собранные жителями Тюмени средства (120 млн руб.) были изготовлены: танковая колонна «Тюменский колхозник», танки «Павлик Морозов», «Малютка», бронепоезд «Патриот», бронепоезд им. МОПРа, поезд-баня, самолеты «Юный патриот Тюмени», «Тюменский мопровец», эскадрильи «Тюменский комсомолец», «Тюменцы – фронту», «Фанерщик», боевые катера «Тюменский рабочий», «Тюменский комсомолец», «Тюменский пионер», подводная лодка «Водник Сибири». Было реализовано на 500 млн руб. облигаций военных займов. За годы войны собрано населением 229 тыс. шт. теплых вещей, свывезено 100 тыс. подарков и посылок направлено в действующую армию⁹.

В Тюмени в лучших зданиях было размещено 22 госпиталя для раненых воинов¹⁰. В здании сельскохозяйственного техникума с июля 1941-го по апрель 1945 г. находилось тело В. И. Ленина¹¹. Промышленный потенциал города за годы войны вырос в три раза, население увеличилось с 75 до 150 тыс. жителей¹². 14 августа 1944 г. была образована Тюменская область. Тюмень стала областным центром.

¹ Шуранов Н. П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Кемерово, 2004. – С. 18.

² ГУТО ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 52. Л. 185.

³ Урал и Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны: материалы науч. конф. – Сургут, 1996. – С. 45, 89, 23.

⁴ ГУТО ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 336. Л. 4.

⁵ Военная история Тюменской области. Вклад тюменцев в Победу в Великой Отечественной войне: по материалам науч.-практ. конф. – Тюмень, 2005. – С. 34, 52, 78.

⁶ ГУТО ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 555. Л. 57–79.

⁷ Аксюта В. Н., Свинкин А. Н. Свидетели войны – грядущим поколениям. – Тюмень, 1995. – С. 26.

⁸ Д. О. К. История тюменского деревообрабатывающего комбината «Красный Октябрь». – Тюмень, 2003. – С. 20.

⁹ Тюменцы – фронту: сб. док. – Тюмень, 2005. – С. 12.

¹⁰ Очерки истории Тюменской области. – Тюмень, 1994. – С. 42, 44.

¹¹ *Ермаков И. П.* Тюмень тыловая. – Екатеринбург, 1995.

¹² ГУТО ГАТО. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

А. И. Иванюта

Барнаул, Алтайский медицинский университет

ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История мировых цивилизаций представляет собой практически непрерывную череду войн и вооруженных конфликтов. Прошрое столетие, во время которого произошли две мировые войны и более сотни локальных конфликтов, исключением из этой тенденции не является. События начала XXI в. закономерно позволяют сделать вывод, что разрешение международных противоречий военным путем все еще используется на практике многими государствами. Сохранение исторической памяти и духовного наследия периода Великой Отечественной войны способствует укреплению исторической связи поколений современного российского общества, определяя тем самым актуальность данной темы.

Отметим также, что история научно-технического прогресса свидетельствует о том, что зачастую именно технологии в военной промышленности становятся основой для дальнейшего развития аналогичных гражданских отраслей.

Определение предмета исследования сопряжено с выявлением методологического разнообразия подходов к понятию «ВПК». Разница в подходах, а также существовавшая на советских предприятиях практика выпуска продукции двойного назначения позволяют нам конкретизировать направление исследования, предметом которого выступают предприятия, выпускающие вооружение, боеприпасы, боевую технику, специальное оборудование исключительно военного назначения либо элементы или специальные запасные части боевой техники.

Данная тема в историографии представлена неравномерно, что позволяет условно разделить актуальные исследования на три группы:

– обобщающие работы историко-экономического направления, рассматривающие промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны¹;

– региональные исследования по истории промышленности Западной Сибири²;

– исследования, в которых рассматриваются вопросы развития военной промышленности Алтайского края³.

Целью данного исследования является комплексная оценка вклада оборонных предприятий Алтайского края в разгром нацистской Германии советскими вооруженными силами. Работа выполнена преимущественно на основе материалов ЦХАФ АК. Это прежде всего документы Алтайского крайкома ВКП(б) и отдельных предприятий Алтайского края, в годы войны выпускавших оборонную продукцию. Кроме того, автор использовал опубликованные сборники нормативно-правовых актов, постановлений ГКО и хозяйственных органов СССР.

До начала Великой Отечественной войны промышленность края была представлена Барнаульским меланжевым комбинатом, Барнаульским вагоноремонтным, канифольно-терпентильным заводами и рядом других предприятий местного значения, преимущественно пищевой и легкой промышленности.

С началом войны на Алтай было эвакуировано 100 предприятий и цехов⁴. Эти предприятия серьезным образом изменили экономическую картину края и вызвали ряд проблем, перед разрешением которых были поставлены руководства эвакуированных заводов и партийные органы. Необходимо было воссоздать эвакуированные предприятия, расселить их рабочих, служащих с семьями в условиях сложного расположения жилых районов г. Барнаула и нехватки жилплощади, решить проблему нехватки сырья и электроэнергии. Усилиями рабочих, инженеров и техников эвакуированных предприятий, специализированных строительных организаций (трест «Стройгаз») и местного населения, частично на базе старых предприятий и в виде новостроек за достаточно короткое время почти заново на Алтае была создана такая материально-техническая база, которая в дальнейшем обеспечила стабильное производство боеприпасов, вооружения и комплектующих для бронетанковой и авиационной техники.

Эвакуированный на Алтай завод «Трансмаш» являлся одним из пяти ведущих предприятий в стране по выпуску дизельных двигателей, важнейшей комплектующей детали для танков – главной ударной силы сухопутных войск в годы Второй мировой войны. После завершения его строительства в 1942 г. завод работал стабильно. Доля завода «Трансмаш» в производстве двигателя В-2 составила 11 % – всего в годы войны было изготовлено 10 753 двигателя⁵.

Другим крупным оборонным предприятием Алтайского края, в годы войны выпускавшим стрелковые боеприпасы, стал завод № 17. Его вклад в Победу оценивается автором в количестве 1,828 млн патронов⁶, что составило от 2 до 7,1 % от общего количества выпущенных патронов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны⁷.

Вклад других оборонных предприятий более скромнен. Из-за недостатка имеющихся в архивных фондах данных автор вынужден очень

осторожно подходить к оценкам вклада других предприятий края, выпускавших военную продукцию. Так, общая доля Завода им. газеты «Правда», Механического завода Меланжевого комбината, Чугунолитейного и Барнаульского вагоноремонтного заводов в производстве снарядов за весь 1943 г. составила 1,7 млн шт., или около 1 % от общесоюзного объема производства⁸. Автор считает, что правомерно определить эту долю как общий вклад Алтайского края в производство снарядов в годы Великой Отечественной войны. В схожей степени можно определить роль завода № 479 за 1943 г. На этом предприятии было изготовлено свыше 1 100 тыс. противопехотных гранат РГ-42, или 2,7 % от общесоюзного объема за 1943 г.⁹

Роль завода № 5, производившего зажигательные авиабомбы, «Алтайсельмаш», выпускавшего 82-мм мины, № 839, изготовлявшего кислородную аппаратуру для ВВС и № 662, выпускавшего радиостанции 9Р, числившихся в документах отдела оборонной промышленности, установить пока невозможно. Но даже в этом случае не стоит пренебрегать заслугами людей, которые, работая на оборонных заводах, жертвовали ради Победы своим здоровьем и даже жизнью.

В силу особенностей своего развития в годы войны оборонной промышленности Алтайского края не суждено было стать «Сибирским арсеналом», как предприятиям Новосибирской области, но ее вклад был весьма существенен. На сегодняшний день рассматриваемая проблема исследована недостаточно полно и всесторонне, поэтому точку в ее изучении пока ставить рано. Однако с полной уверенностью можно сказать, что рабочие оборонных заводов Алтайского края с полным напряжением сил выполнили свой гражданский долг.

¹ *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1948; *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1965; *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М., 1979; *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста структура, организация производства и управления // Военная литература: [сайт]. – URL: http://militera.lib.ru/research/simonov_ns/04.html (дата обращения: 18.02.2011).

² *Акулов М. Р.* Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Ставрополь, 1967; *Докучаев Г. А.* Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. – Новосибирск, 1968.

³ См., напр.: *Гаврилов Н. С.* Алтайский край в годы Великой Отечественной войны. – Барнаул, 1995.

⁴ *Акулов М. Р.* Указ. соч. – С. 182–183.

⁵ Барнаул: энцикл. – Барнаул, 2000. – С. 299; *Бяратинский М. Т.* 34. Лучший танк Второй мировой. – М., 2006. – С. 51.

⁶ ЦХАФ АК. Ф. Р-1453. Оп. 1. Д. 6. Л. 10; Д. 9. Л. 6; Д. 84. Л. 68; Д. 86. Л. 7, 12, 19, 29; Д. 87; Д. 123. Л. 46; Ф. П-1. Оп. 18. Д. 228. Л. 4–5.

⁷ *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны // Избранные произведения. – М., 1979. – С. 533; Советская Военная энциклопедия. – М., 1986. – Т. 6. – С. 275; *Симонов Н. С.* Указ. соч.

⁸ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 349. Л. 70.

⁹ Там же.

А. И. Тимошенко

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ СИБИРСКОГО ТЫЛА В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В 1930-е годы

Понятие «сибирский тыл» в российской государственной политике наиболее отчетливо стало вырисовываться на рубеже XIX–XX вв., когда началось постепенное движение экономической и политической жизни страны в сторону восточных регионов. Сибирь представляла значительный интерес в силу своего геополитического положения. Здесь был обозначен географический центр России, равноудаленный как от западных, так и от восточных рубежей. Кроме того, обилие природных богатств Сибирского края делало регион мощным экономическим резервом государства в случае конфликтов как на западе, так и на востоке.

Идея создания сибирского тыла незримо присутствовала при разработке стратегических планов правительства под руководством С. Ю. Витте. Да и последующие составы российских правительств, рассматривая вопросы о заселении Сибири, имели в виду создание в регионе достаточно крупного экономического потенциала, который можно использовать в случае войны в любом географическом направлении.

Советское правительство стало активно разрабатывать стратегию создания сибирского тыла в 1930-е гг. в рамках претворения в жизнь планов индустриализации. Большие надежды связывались со строительством на Урале и в Сибири предприятий Урало-Кузнецкого комбината, который уже к 1933 г. давал 1/5 часть выплавляемого чугуна в стране, 1/6 часть кокса, около четверти основной продукции химического производства. В рамках комбината ежегодно на Урал отправлялось из Кузбасса 5 млн т угля, а в Кузбасс направлялось свыше 2 млн т железной руды. Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты в 1930-е гг. производили самый дешевый металл в стране¹.

На основе реализации программы Урало-Кузнецкого комбината в 1930-е гг. происходило форсированное развитие на Урале и в Сибири отраслей топливно-энергетического и металлургического комплексов, химической и коксохимической промышленности, машиностроения. Эти базовые индустриальные отрасли в короткие сроки составили основу экономической жизни многих восточных районов страны. Кроме того, на основе материально-технической базы, созданной на Урале и в Западной Сибири, предполагалось планомерное продвижение индустрии в новые районы с целью их заселения и хозяйственного освоения.

Стратегические устремления советского правительства в Сибири охватывали и северные районы, которые имели большое экономическое и военно-оборонное значение. Северный морской путь оценивался не только как транспортная магистраль, но и как естественная граница государства. В заданиях второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР был включен раздел «Освоение Советской Арктики», где было отмечено, что в 1933–1937 гг. в регионе предполагается дальнейшее развитие лесной и горнодобывающей промышленности, предусматривается большая программа геологических изысканий для выявления минерально-сырьевых ресурсов. В 1935 г. планировалось начать строительство Норильского горно-металлургического комплекса предприятий, имеющих оборонное значение².

Для реализации намеченных планов при правительстве СССР 17 декабря 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути, которое наделялось широкими властными полномочиями для решения хозяйственных, транспортных и военно-оборонных задач на северных территориях. В результате деятельности этой комплексной полувоенной организации в короткие сроки были получены значительные результаты. Начал свою работу Норильский никелевый комбинат мирового значения. По Северному морскому пути осуществлялась эвакуация на восток промышленных предприятий из европейской части СССР, перевод промышленности Севера на военное положение, поставка вооружения и других грузов для фронта, проводка военных кораблей с востока на запад. Объемы перевозки грузов по Северному морскому пути возросли в 4 раза, а доставка грузов в Якутию – в 10 раз³.

Основные стратегические решения по созданию сибирского тыла были записаны в резолюциях XVII съезда ВКП(б), директивах второго и третьего пятилетних планов. 31 января 1938 г. при Комитете обороны СССР была создана военно-промышленная комиссия, в задачу которой входила мобилизация не только военной, но и всей про-

мышленности для производства самых новейших средств вооружения и обеспечения армии. Одним из направлений работы нового государственного учреждения стала организация предприятий-дублеров европейской промышленности в восточных районах страны. Данные намерения развивали идеи создания на востоке тыловых укрепрайонов с мощными комплексами военно-оборонных производств, которые вынашивались еще в начале XX столетия царским правительством. Теперь решение Урало-Кузнецкой проблемы, создавшее базовые отрасли для многих военных производств, позволяло планировать и строить предприятия оборонной промышленности.

В годы третьей пятилетки после начала Второй мировой войны на Урале и в Западной Сибири развернулось форсированное строительство авиационных и танковых заводов, предприятий по производству боеприпасов, артиллерийского оборудования. Отдельные предприятия создавались в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. Последующие события показали, что решение о создании мощной оборонной промышленности в азиатской части страны было стратегически верным и своевременным, хотя, по мнению многих современных историков и политиков, несколько запоздалым. Не все имеющиеся проекты удалось реализовать к началу Великой Отечественной войны, но военно-оборонный потенциал СССР значительно вырос. За 1939–1941 гг. расходы на оборону в государственном бюджете увеличились с 18,6 до 32,6 %⁴.

Стратегические устремления советского правительства в экономике тесно увязывались с решением социально-демографических проблем. Сибирские районы по мере продвижения на восток становились все менее населенными. Поэтому одновременно с планами строительства различных промышленных, транспортных и энергетических предприятий государство рассматривало вопросы обеспечения их работниками. В 1930-е гг. советское правительство использовало в этих целях кроме добровольных, откровенно насильственные методы. Массовая рабочая сила на индустриальных новостройках Сибири часто формировалась за счет труда различного вида спецконтингентов: заключенных и спецпереселенцев, которые в целом ряде отраслей (строительстве, угольной, лесной промышленности) могли составлять значительную долю трудовых коллективов⁵.

В предвоенные годы большую роль сыграли государственные мероприятия по общей социальной мобилизации в стране и в Сибири в частности. В государственной политике СССР в годы третьей пятилетки принимаются дальнейшие после паспортизации населения административно-ограничительные меры для того, чтобы максимально

уменьшить неконтролируемые государственными организациями перемещения из села в город, с предприятия на предприятие. В основу государственной миграционной и кадровой политики закладываются принципы прямого и косвенного регулирования любых перемещений людей. Принимается целый ряд постановлений СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов о повышении дисциплинарной ответственности на производстве на всех уровнях, о заинтересованности в повышении производительности труда и работе на одном предприятии. С 1938 г. вводятся трудовые книжки постоянных работников, отрабатывается система премирования и поощрения за труд на одном предприятии⁶.

Особым вниманием были отмечены военные производства. В их пользу перераспределялись все финансовые, трудовые и прочие материальные ресурсы. Деятельность военных заводов также находила и моральную поддержку как у властей, так и в обществе. Предприятия, производящие военную продукцию, в первую очередь получали все необходимое, быстро наращивали объемы производства, добиваясь высоких результатов.

Таким образом, в предвоенные годы в советской государственной политике выстраивалась довольно действенная стратегия создания сибирского тыла, которая была в полной мере реализована в годы Великой Отечественной войны и обеспечила Победу в ней советского народа над фашистской Германией.

¹ Сибирская историческая энциклопедия. – Новосибирск, 2009. – Т. 3. – С. 369.

² Второй пятилетний план развития народного хозяйства. План развития районов. – М., 1934. – Т. 2. – С. 252–254.

³ Тимошенко А. И. Советская государственная политика в районах нового промышленного освоения Сибири: стратегия и практика // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск, 2009. – Вып. 1. – С. 20.

⁴ Савицкий И. М. Развитие оборонной промышленности в Сибири (1941–1960-е гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 103.

⁵ Бекметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929–1956. – Кемерово, 2009. – С. 38.

⁶ См.: Тимошенко А. И. Проблемы формирования населения и индустриальных кадров для районов нового промышленного освоения Сибири в государственной политике СССР // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск, 2010. – Вып. 2. – С. 26–27.

В. П. Мотревич

Екатеринбург, Уральская юридическая академия

ВКЛАД СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИК СССР И РЕГИОНОВ РОССИИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Одной из неисследованных проблем Великой Отечественной войны по-прежнему остается вопрос о вкладе отдельных регионов СССР в победу в Великой Отечественной войне. Данный вопрос давно интересовал историков. В многочисленных публикациях приводятся разнообразные сведения о том, сколько в данной области или республике произвели металла, автомобилей, танков, сколько вырастили зерна, картофеля и т. д. Но проблема заключается в том, что вся номенклатура производимой в народном хозяйстве продукции составляет тысячи наименований, приводимых в натуральных показателях. И закономерно встает вопрос: а как их сопоставить? Представляется, что единственный путь решения этой проблемы – это использование стоимостных показателей. В полной мере это относится и к продукции сельского хозяйства.

Основным методом учета продукции является ее натуральное измерение в физических единицах. Однако нельзя ограничиваться только этим. Во-первых, разнообразие продуктов не позволяет суммировать результаты производства. Во-вторых, наряду с готовой продукцией, следует учитывать и незавершенное производство. Поэтому в статистике сельского хозяйства важная роль отведена стоимостным показателям. Органами статистики валовая продукция сельского хозяйства по стоимости рассчитывалась по областям, краям и республикам СССР. При исчислении продукции в стоимостном выражении ее оценка производилась в текущих и сопоставимых ценах. Первые служили для установления стоимости валовой продукции за тот или иной календарный год. Вторые нужны для того, чтобы показать динамику развития сельскохозяйственного производства. При этом в разные годы применялись разные цены. До 1951 г. в СССР базовыми ценами для определения стоимости производимой сельскохозяйственной продукции являлись цены 1926–1927 гг.

Следует отметить, что материалы сельскохозяйственной статистики имеют многочисленные недостатки. В частности, колхозная продукция реализовывалась по разным ценам: заготовительным, контрактационным, рыночным. Кроме того, с 1935 по 1953 г. статистика урожаев определялась по так называемой видовой урожайности. Это означало, что валовой сбор урожая определялся не по фактическому сбору, а по его видовой оценке на корню. Определение так называемо-

го «биологического» урожая превышало реальный объем продукции растениеводства. Поэтому совершенно очевидно, что существующие статистические показатели валовой продукции сельского хозяйства не точны по своим абсолютным значениям. Но при этом данные о валовой продукции в стоимостном выражении позволяют определить основные тенденции развития аграрного производства. Они позволяют также ориентировочно определить вклад регионов в продовольственный баланс страны.

В 1940 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР в ценах 1926–1927 гг. определялась в 22 млрд руб. Самым крупным ее производителем являлась Россия. На ее долю перед войной приходилось 56 % валовой продукции сельского хозяйства. В РСФСР накануне войны и проживало 56 % населения СССР. После России в порядке уменьшения объемов производства следовали Украина, Казахстан, Узбекистан и Белоруссия. Эти 5 республик произвели в 1940 г. 90 % валовой продукции сельского хозяйства СССР. На долю остальных 11 союзных республик приходилась только десятая часть сельскохозяйственного производства. То есть в среднем каждая из остальных республик производила около 1 % продукции от суммарного производства в стране.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб аграрному сектору страны. Если в последнем довоенном году стоимость произведенной в СССР сельхозпродукции составляла 22 млрд руб., то в 1941 г. – 17 млрд руб., в 1942 г. – 12 млрд руб., в 1943 г. – 11 млрд руб. Таким образом, в 1942 г. объем производимой в СССР сельскохозяйственной продукции сократился почти в два раза. Анализ результатов развития сельского хозяйства страны показывает, что не только 1942 г., как это было в других отраслях военной экономики, но и 1943 г. не стал для него переломными. Некоторый подъем наступил лишь на заключительном этапе войны. Таким образом, в последний военный год объем аграрного производства в стране составлял только 2/3 от довоенного уровня. При этом представляется, что реальное сокращение производства было еще значительнее. Дело в том, что из-за изношенности техники, дефицита горюче-смазочных материалов, нехватки кадров и снижения их квалификации потери на уборке в условиях военного времени значительно возросли. В результате увеличился разрыв между «биологической» и фактической урожайностью. Однако статистика того времени этот факт не учитывала, а возросшие потери зачислялись в итоговый результат.

Если взять отдельные республики, территория которых была оккупирована в годы войны, то в наибольшей степени пострадало сельское хозяйство Молдавии. В 1945 г. объем производств в ней составил только 34 % от довоенного уровня. На Украине этот показатель был равен 55 %, в Белоруссии – 62 %. В историографии традиционно

считается, что в годы войны в наибольшей степени пострадало хозяйство оккупированных территорий. Однако данные о валовом сельскохозяйственном производстве свидетельствуют, что разница между оккупированными территориями и теми, где не было военных действий, часто была незначительной. Так, в 1945 г. объем аграрного производства в Азербайджане, Грузии, Киргизии и Узбекистане снизился по сравнению с 1940 г. на 30–35 %. В Туркмении объем производства за годы войны уменьшился на 42 %. А вот в оккупированной Белоруссии объем аграрного производства сократился только на 38 %. В прибалтийских республиках за годы германской оккупации абсолютные размеры сельскохозяйственного производства возросли. Таким образом, из полностью оккупированных территорий больше всего пострадало сельское хозяйство в Молдавии, Украине и Белоруссии. Значительно сократилось производство и в республиках, территория которых не стала ареной военных действий. Так, в Казахстане и в республиках Средней Азии в 1944 г. его объем составил 70 % от довоенного уровня, в Закавказье – 82 %¹.

В России, хоть лишь незначительная часть ее территории оказалась в зоне военных действий, объем производства сократился на треть. В оккупированной части России находились ее основные сельскохозяйственные районы. На долю Центрально-Черноземного, Центрально-Нечерноземного и Северо-Кавказского регионов приходилось свыше половины аграрного производства России. Военные действия затронули и другие регионы России: Север и Поволжье.

Из регионов РСФСР в наибольшей степени пострадали районы Поволжья, Центрального Черноземья и особенно Северного Кавказа. Объем производства в них сократился в среднем наполовину. Из наиболее пострадавших в годы войны российских территорий следует отметить Республику Крым. В 1944 г. в Крымской АССР объем сельскохозяйственного производства составил всего 34 % от довоенного уровня. И в послевоенные годы на полуострове происходило дальнейшее снижение абсолютных размеров аграрного производства. Оно было остановлено только в 1948 г. Это связано как со специализацией сельского хозяйства полуострова, так и с изменением численности и состава проживающего там населения.

Среди тыловых районов России сильнее всего производство сократилось на Урале и в Западной Сибири. Данные регионы являлись крупными производителями товарного зерна, сельхозпредприятия в них были многоземельными, нагрузка посевных площадей на работника в них – очень высокой. Вести такое хозяйство можно было только при условии высокой механизации полевых работ. В условиях же военного времени, когда почти прекратилась поставка запасных частей, остро недоставало горючего, часть техники и почти все механизаторы были отправлены на фронт, выполнять довоенные объемы работ стало практически невозможно. В результате из тыловых российских регионов

именно высокомеханизированное зерновое хозяйство Западной Сибири и Южного Урала пострадало сильнее всего. Более устойчивым оказался аграрный сектор на Дальнем Востоке (78 % от довоенного уровня) и в Центрально-Нечерноземном районе (82 %).

Изучение вклада отдельных территорий в продовольственный баланс СССР показывает, что, как и до войны, большую часть сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны производила Россия. В 1942 г. ее доля в аграрном производстве достигла своего максимума – 75 %. По мере освобождения оккупированных территорий, Украины в первую очередь, доля России стала снижаться. В 1943 г. на долю России пришлось уже 70 % сельскохозяйственного производства, в 1944 г. – 58 %. В 1945 г. удельный вес России снизился до 56 %, сравнявшись тем самым с довоенным уровнем. В целом за годы Великой Отечественной войны Россия произвела 2/3 сельскохозяйственной продукции СССР (табл. 1). Что касается вклада других республик СССР, то довоенная их иерархия практически не изменилась, за исключением Белоруссии. При этом роль Украины заметно снизилась, а доля Казахстана, республик Средней Азии и Закавказья возросла.

Таблица 1

Валовая продукция сельского хозяйства регионов РСФСР в 1940 г. и 1942–1945 гг. (в стоимостном выражении в процентах к общесоюзному производству)*

<i>Регионы РСФСР</i>	<i>Валовая продукция в стоимостном выражении в процентах к общесоюзному производству</i>	
	<i>1940 г.</i>	<i>Всего за 1942–1945 гг.</i>
РСФСР	56,0	64,0
Центрально-Нечерноземный район	12,6	17,2
Западная Сибирь	6,6	8,9
Урал	6,6	8,4
Поволжье	7,2	7,1
Северный Кавказ, Крым	9,4	6,4
Центрально-Черноземный район	7,3	6,2
Восточная Сибирь	2,8	3,5
Север	1,3	2,1
Дальний Восток	0,8	1,3
Не распределено	1,4	2,9
СССР	100,0	100,0

* Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 48. Л. 1–4, 40; Д. 481. Л. 10–11; Д. 689. Л. 73–75; Д. 969. Л. 6–7; Д. 1492. Л. 100–105.

В годы войны в России самыми крупными производителями продукции сельского хозяйства остались районы центрально-нечерноземной зоны. Среди 9 регионов России по размерам производства на втором месте находилась Западная Сибирь, на седьмом – Восточная Сибирь. При этом абсолютные размеры аграрного производства в сибирских областях заметно сократились. Так, в Западной Сибири стоимость валовой продукции сельского хозяйства в 1945 г. уменьшилась по сравнению с последним довоенным годом на 35 %, в Восточной Сибири – на 40 %. В наибольшей степени аграрное производство сократилось в Алтайском крае (на 44 %), в Новосибирской (на 51 %), и Омской (на 41 %) областях. В Восточной Сибири от последствий войны в наибольшей степени пострадали Бурят-Монгольская АССР, где стоимость произведенной продукции сократилась на 55 %, и Красноярский край (на 47 %). Расчеты показывают, что за годы войны среди сибирских областей больше всего сельскохозяйственной продукции произвели труженики Алтайского края. На их долю пришлось 20,3 % общесибирского производства. Далее с большим отрывом следуют Новосибирская и Омская области и Красноярский край. На долю этих четырех регионов приходилось почти 2/3 аграрного производства Сибири (табл. 2).

Таблица 2

Валовая продукция сельского хозяйства регионов Сибири в 1940 г. и 1942–1945 гг. (в стоимостном выражении в процентах к общесоюзному производству)*

Регионы Сибири	Валовая продукция в стоимостном выражении в процентах к общесоюзному производству	
	1940 г.	Всего за 1942–1945 гг.
Западная Сибирь	6,6	8,9
Алтайский край	1,8	2,5
Кемеровская обл.	0,5	1,1
Курганская обл.	0,7	1,0
Новосибирская обл.	1,6	1,8
Омская обл.	1,4	1,9
Томская обл.	0,2	0,2
Тюменская обл.	0,4	0,4
Восточная Сибирь	2,8	3,5
Бурят-Монг. АССР	0,4	0,4
Якутская АССР	0,1	0,2
Красноярский край	1,4	1,5
Иркутская обл.	0,5	0,7

<i>Регионы Сибири</i>	<i>Валовая продукция в стоимостном выражении в процентах к общесоюзному производству</i>	
	<i>1940 г.</i>	<i>Всего за 1942–1945 гг.</i>
Читинская обл.	0,4	0,5
Тувинская авт. обл.	–	0,1
СССР	100,0	100,0

* Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 48. Л. 1–4, 40; Д. 481. Л. 10–11; Д. 689. Л. 73–75; Д. 969. Л. 6–7; Д. 1492. Л. 100–105.

Война изменила соотношение между различными категориями хозяйств, производящими сельскохозяйственную продукцию. Начиная с 1942 г. в стране отчетливо наметилась тенденция сокращения абсолютных размеров и удельного веса колхозного производства. Если в 1940 г. в СССР на долю колхозов приходилось 63 % валовой продукции сельского хозяйства, то в 1945 г. – лишь 53 %. Таким образом, труженики сельского хозяйства РСФСР внесли наибольший вклад в Победу, произведя в годы Великой Отечественной войны 2/3 продукции сельского хозяйства СССР.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 48. Л. 1–4, 40; Д. 481. Л. 10–11; Д. 689. Л. 73–75; Д. 969. Л. 6–7; Д. 1492. Л. 100–105.

В. А. Ильных

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

НАЛОГОВО-ПОДАТНОЕ ОБЛОЖЕНИЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Достижение победы в Великой Отечественной войне в значительной степени было обеспечено за счет тотального изъятия материальных и людских ресурсов деревни. Налогово-податное обложение являлось стержневым механизмом данного процесса.

Система налогово-податного обложения деревни во второй половине 1930-х гг. представляла собой совокупность прямых, формаль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00504а.

ных и неформальных, коллективных, подворных и индивидуальных денежных налогов и сборов, натуральных податей и отработочных повинностей, к уплате и несению которых привлекались сельхозпроизводители и жители села.

Базовым государственным денежным налогом для жителей деревни являлся сельхозналог, которым облагались колхозные дворы и единоличные хозяйства. Колхозы привлекались к уплате подоходного налога. К местным налогам относились: самообложение сельского населения и сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства (культжилсбор). Характер налогового сбора имело обязательное окладное страхование строений, посевов и скота. К денежным налогам с полным основанием можно отнести и государственные займы.

Центральное место среди натуральных податей занимали обязательные поставки, в рамках исполнения которых колхозы, колхозные дворы, единоличные хозяйства сдавали государству произведенные ими зерновые культуры, картофель, мясо, молоко, шерсть. Налоговый характер имела контрактация технических культур, овощей и сена. Часть сельхозпродуктов отчуждалась у колхозов в счет натуроплаты за работы, произведенные МТС. В качестве своеобразной разновидности натуральной подати можно рассматривать закупки продукции растениеводства и животноводства потребкооперацией, осуществляемые ею по заданию государства по так называемым предельным закупочным ценам.

Основным направлением налоговой политики в середине 1930-х гг. являлось усиление обложения единоличных хозяйств и относительное снижение налогового пресса в отношении колхозов и колхозников. В конце десятилетия вектор государственной политики изменился. В рамках подготовки к тотальной войне руководство страны начало новый виток индустриализации. Ресурсы для нее, как и прежде, было решено взять в деревне. В связи с этим власти пошли на существенное увеличение ее обложения. За счет новых видов сельхозпродуктов (масла семян, льна, конопли, табака, махорки, овощей, сена, кожсырья, овечьего молока, яиц) расширилась система обязательных поставок. Произошел переход от расчета объемов поставок по площади посева или поголовью скота к их исчислению с каждого гектара закрепленных за колхозами сельскохозяйственных угодий. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (так называемый биологический метод). Повысились ставки подоходного налога с колхозов.

К уплате натуральных податей и денежных налогов стали привлекаться ранее освобожденные от них личные подсобные хозяйства

проживающих на селе рабочих и служащих. На них, а также на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые только по отношению к единоличникам. Существенно возросли ставки сельскохозяйственного налога. Налоговое давление на личные подсобные хозяйства, помимо пополнения казны, было призвано привести к сокращению его размеров и вынудить крестьян с большей отдачей работать на колхозных полях и фермах. С той же целью устанавливался обязательный минимум трудодней для колхозников. Не выработавшие минимума подлежали исключению из колхоза с конфискацией приусадебного участка.

В первые годы Великой Отечественной войны тяжесть налогового-податного бремени продолжала увеличиваться. Вводился ряд новых денежных и натуральных сборов. В 1941 г. взималась 100 %-ная («военная») надбавка к сельскохозяйственному и подоходному налогу. В 1942 г. ее заменил подушный военный налог. В 1942 г. появился налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан, в 1944 г. контингент его плательщиков, соответствующим изменением его названия, расширился за счет семей с одним или двумя детьми (так называемых малосемейных). В 1942 г. учреждалась дополнительная натуральная подать в хлебный и мясной фонды Красной армии. С 1942 г. обязательный характер приобрела авансовая сдача скота в счет мясopоставок будущего года. С 1943 г. возобновилось взимание отмененного накануне войны натурального гарнцевого сбора за переработку зерновых, бобовых и крупяных культур. В том же году были существенно увеличены нормы вмененной доходности объектов обложения по сельскохозяйственному налогу, а также выросла прогрессия шкалы его ставок. Кроме того, во время войны в форме принимаемых регионами, районами и хозяйствами «повышенных социалистических обязательств» по сдаче сельхозпродуктов (прежде всего хлеба) была фактически реанимирована ранее осужденная на самом высоком уровне система «встречных» планов.

Во время войны существенно возросла роль платежей, относимых к категории добровольных, – госзаймов, лотерей, сдачи денег и сельхозпродуктов в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т. п. Основными из них оставались государственные займы. Перед местными властями ставилась задача привлечь к подписке на них всех жителей деревни, в том числе и освобожденных от обязательных налогов и сборов. В отличие от довоенного периода часть облигаций стала размещаться непосредственно среди юридических лиц – колхозов, промартелей. При этом выросли абсолютные размеры и удельный вес крестьянской подписки, а также доля займов

в общем объеме платежей. В 1941–1942 гг. широкие масштабы на местах получила практика «добровольного» закупа личного скота для укомплектования колхозных ферм. Колхозники также сдавали хлеб из своих личных запасов в счет выполнения колхозных обязательств.

Ужесточились меры принуждения к исполнению налогов и податей. В законодательном порядке увеличился обязательный минимум трудодней, который определялся и для подростков от 12 до 16 лет. Повсились нормы выработки. Широко практиковалось списание трудодней за нарушения трудовой и производственной дисциплины. Обеспечивая выполнение существенно увеличенных планов мобилизации средств, местные власти нередко прибегали к не предусмотренным законодательством мерам принуждения. Осенью 1941 г. были воссозданы чрезвычайные органы управления на селе – политотделы МТС и совхозов, основной задачей которых являлось обеспечение своевременного и безоговорочного выполнения колхозами и совхозами государственных заданий по сдаче сельхозпродуктов государству. В ряду механизмов изъятия добровольных платежей и сборов важное значение имела агитационно-массовая работа, проводимая в условиях осознания многими селянами необходимости жертвовать большую часть своих сил и средств во имя победы.

Увеличившееся обложение колхозов существенно превышало их реальные возможности. В этих случаях государство изымало практически всю произведенную продукцию, не останавливаясь перед опустошением семенных фондов. Уже в июле 1941 г. СНК СССР «разрешил» колхозам сдавать хлеб из «общественных» (фуражных, продовольственных, семенных) фондов. В ноябре 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР предписали местным властям, не останавливаясь перед применением репрессивных мер, увеличить объемы хлебосдачи за счет изъятия страховых и семенных фондов.

Нехватка семян, техники, рабочей и тягловой силы приводила к снижению посевных площадей. Завышенные планы заготовок не выполнялись. Возросшие объемы отчуждения животноводческой продукции в сочетании с крайне низким уровнем кормообеспечения вызвали существенное сокращение поголовья скота в колхозах. Растущие недоимки включались в заготовительные задания и делали их еще более непосильными.

В конце 1943-го – 1945 г. впечатляющие военные успехи, с одной стороны, и углубляющийся кризис сельского хозяйства – с другой, подвигли советское руководство пойти на некоторое снижение объемов заготовительных заданий. В 1943 г. ликвидировали политотделы. Значительно снизились размеры сдачи в хлебный и мясной фонды Красной армии. Часть не используемой колхозами пашни выводилась из со-

става пахотных угодий, облагаемых госпоставками. Практически ежегодно списывались недоимки. Применялся льготный порядок обложения технических культур и продуктов животноводства. От уплаты большинства налогов и податей были освобождены семьи военнослужащих, которые погибли или пропали без вести, при условии отсутствия в их составе других трудоспособных, кроме вдовы погибшего или пропавшего без вести с ребенком до 8 лет. Центр осудил практику изъятия скота у колхозников. Перестал взиматься культжилсбор. Впрочем, государственный бюджет от этого ничего не потерял, поскольку деньги от него поступали в местные бюджеты.

Тем не менее уровень налогово-податного обложения сибирской деревни оставался высоким. Задания по поставкам сельхозпродукции хотя и уменьшились, но по-прежнему существенно превосходили потенциальные возможности многих коллективных и индивидуальных хозяйств. Непосильность налогового бремени, показателем которой стало невыполнение планов мобилизации средств и рост недоимочности, особенно отчетливо проявилась в 1945 г.

Л. А. Зайцева

Улан-Удэ, Бурятская сельскохозяйственная академия

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (на материалах Бурятии)*

Особую сферу в жизни военной деревни занимала заготовка сельскохозяйственных продуктов. Основу исчисления заготовок составлял все тот же принцип обязательных поставок продукции колхоза с каждого гектара закрепленной за ним пашни.

Основную форму заготовок представляли обязательные поставки колхозами зерна, картофеля, овощей, технических культур, продукции животноводства. Вторым по значимости каналом поступлений оставалась натуральная оплата колхозов за работу МТС. Но из-за большого сокращения объема тракторных работ вплоть до конца 1943 г. происходило столь же значительное уменьшение натуроплаты. Это сокращение во многом было новым источником заготовок, как регулярное отчисление продуктов в фонд Красной армии и в фонд обороны.

* Статья подготовлена при поддержке гранта ректората Бурятской государственной сельскохозяйственной академии.

Общий объем заготовок сократился в Восточной Сибири в 1940–1945 гг. более чем втрое (с 10 659 до 3 365 ц), уменьшилась выплата МТС более чем в 5 раз (с 5 752 до 1 140 ц), увеличились выплаты в фонды Красной армии и обороны более чем в 4 раза (с 37 до 159 ц)¹. «Мясное благополучие» было основано не на росте колхозного стада, а на его непомерном расходе – в счет не только обязательных поставок, но и покрытия огромных задолженностей по зернопоставкам. Именно животноводство понесло здесь особый урон. Общее поголовье скота в колхозах Бурятии сократилось в 1941–1945 гг. с 1 034,8 тыс. до 703,9 тыс. голов². Помимо обычных поставок, значительная часть мясной продукции шла в виде различных закупок у колхозников и сдачи ими скота в мясной фонд Красной армии. Последний, в отличие от фонда обороны, пополнявшегося по решению колхозных собраний, носил, как и госпоставки, обязательный характер. В 1943 г. в фонд обороны было сдано 1 641 голова КРС, 10 671 голова коз и овец, 984 голов свиней, в фонд Красной армии – 16 769 голов лошадей³. Самый низкий уровень производства и заготовок молока пришелся не на 1943 г., как это имело место в полеводстве, а на 1944 г., как и для производства мяса.

Таким образом, объем и структура заготовок в военное время (1941–1945 гг.) мало чем отличались от продразверсток периода Гражданской войны, ибо в обоих случаях в пользу государства изымалась не только максимально возможная, но и зачастую та часть продукции, которая должна была оставаться в деревне для простого производства.

Заготовительные цены на колхозную продукцию оставались такими же, как и перед войной: 7–8 коп. за 1 кг зерна, 3 коп. за 1 кг картофеля, 41–53 руб. за голову КРС, 32–48 руб. за голову свиньи, 8–11 руб. за голову овцы или козы. Цены же на рынке возросли многократно – в 100–200 раз и более⁴. Система госзакупок в условиях войны, в сущности, ничем не отличалась от госпоставок – осуществлялась на обязательной основе и совершенно неэквивалентно.

В 1943–1945 гг. не было ни одной области Сибири, которая не обращалась бы в правительство и ЦК ВКП(б) с просьбами о списании с колхозов накопившихся задолженностей. В большинстве случаев эти просьбы удовлетворялись – реже полностью, чаще частично⁵. В 1944-м – начале 1945 г. были повышены заготовительные и закупочные цены почти на все сельскохозяйственные продукты. Но реальной помощи это деревне не оказало.

Невыполнение планов заготовок квалифицировалось как «нежелание колхозников увеличить госпоставки», как «проявление саботажа». Так, недоимщикам среди колхозных дворов и единоличных хозяев в Бурятии в 1942 г. было вручено 734 предупреждения, 374 недоимщика погасили задолженность в десятидневный срок, 176 дел передано

в суд, и 57 дел рассмотрено судом⁶. Ни один из 176 ответчиков не был оштрафован, ибо причины оказались весьма уважительными. Кроме обязательных заготовок колхозной продукции, государство получало из деревни большое количество добровольных сборов средств и продуктов в фонд обороны, на строительство больниц, промышленных предприятий, инвалидам войны, семьям фронтовиков, а также в виде перечисления на государственные займы, выплату военного налога и т. п.

П. Я. Васильева (колхоз «Победитель» Тарбагатайского района), сдавшая на постройку самолета 100 тыс. руб., так объяснила свой поступок: «С чувством большой любви к Родине, к партии вношу свои личные сбережения на строительство самолета. До вступления в 1931 г. в колхоз моя семья имела покосившуюся избу, плохую телегу да хворого быка. Сейчас не то. Подлый враг задался целью отнять у нас счастье. Не бывать этому»⁷.

В силу сложившейся ситуации произошло более четкое распределение ролей между общественным и личным хозяйством колхозника: первое работало в основном на нужды фронта, а второе – на удовлетворение собственных потребностей. Размер приусадебного участка устанавливался в зависимости от местных условий. В Сибири он был примерно вдвое больше, чем в среднем по стране⁸.

Благодаря личному хозяйству колхозников существовало многообразие добровольных пожертвований, но был еще один весомый канал вклада личного подворья в оборону Родины – натуральные налоговые отчисления и денежные платежи. Налоги и сборы: культсбор, самообложение, военный налог, сельскохозяйственный налог – в процентном отношении к доходу в хозяйстве колхозника в 1942 г. составили 5,8 %, в хозяйстве единоличника – 30,7 %, в 1943 г. – соответственно 13,0 и 37,9 %, всего платежи составили у колхозников и в 1942-м, и в 1943 г. 3 032 руб., у единоличников – 3 024 руб.⁹ Военный и сельскохозяйственный налог составлял у колхозников в 1942 и 1943 гг. соответственно 92,3 и 98,7 % всех налогов и сборов. Средняя сумма подписки на займы и приобретение денежно-вещевой лотереи за 1942–1943 гг. превысила сельхозналог (826 руб.), составив 840 руб. на одно хозяйство колхозника. Огромная разница в доле налогов была от валового дохода. В 1942 г. у единоличника она была в 5,3 раза и в 1943 г. в 2,9 раза выше, чем у колхозника. Да и сам валовой доход единоличника за 1942 и 1943 гг. в сумме уступал доходу колхозника в 2,8 раза¹⁰.

Принцип государственной мобилизационной политики в отношении деревни – рассмотрение ее как резервуара бесплатного или дешевого продовольствия, а также даровой рабочей силы, – сложившийся в 1930-е гг., действовал и в годы войны. В условиях войны мобилиза-

ционный характер продовольственных и иных изъятий из колхозов крестьянство воспринимало в целом – кто с терпением, кто с пониманием – без каких-либо эксцессов.

В ноябре 1941 г. для усиления партийного влияния в деревне было принято постановление ЦК ВКП(б) о создании, а точнее о воссоздании, политических отделов в МТС и совхозах¹¹. В Бурятии политотделы начали работать со второй половины 1942 г.¹² Информационные справки в ЦК ВКП(б) из политотделов совхозов Бурятии свидетельствуют о том, что чем глубже вникали политотделы в истинное положение дел, тем активнее выступали они против тех методов заготовок, которые полностью отсекали колхозы, совхозы от рынка. Активно протестовали против злоупотреблений не только заготовители, но и партийные, советские органы – против изъятия семенного фонда, распространенной практики выполнения госпоставок отстающих хозяйств передовыми, разбазаривания колхозного и совхозного имущества, подворных обходов и обысков, полного забвения основ колхозного самоуправления¹³.

На долю колхозного крестьянства Бурятии выпала важнейшая задача – снабжать фронт, страну продовольствием. В сельском хозяйстве не наблюдалось такого поступательного роста продукции, как в промышленности. Влияние войны на развитие сельского хозяйства особенно стало заметным в 1943 г. Именно в этот год сократилась численность наличных трудоспособных колхозников по сравнению с довоенным временем на 25,1 %¹⁴. Война наложила отпечаток на состав колхозного крестьянства: возросла доля молодежи, женщин, снизился уровень квалификации. Проблема кадров была одной из острейших. Почти до конца войны сельское хозяйство работало на износ, сокращались и разрушались его производительные силы, падали качество и плодородие земли. Крестьянство выполняло свой долг в условиях небывалых миграционных процессов, проявив невиданную трудовую активность, что нашло свое выражение в увеличении среднегодовой выработки трудней всеми категориями работников, занятых в общественном хозяйстве.

Подвиг крестьянства состоял в том, что оно, несмотря на резкое ухудшение положения сельского хозяйства, сумело ценой огромных усилий выделить для страны необходимый минимум продовольствия.

¹ Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 1993. – С. 67, 69.

² НАРБ. Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 301. Л. 318, 323.

³ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4097. Л. 1, 6.

- ⁴ Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. – М., 1987. – С. 242; *Анисков В. Т.* Указ. соч. – С. 73.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 467. Л. 42, 95.
- ⁶ *Анисков В. Т.* Указ. соч. – С. 80.
- ⁷ Правда. – 1943. – 12 февр.
- ⁸ Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма (1917–1937 гг.). – Новосибирск, 1983. – С. 63.
- ⁹ Рассчитано по: *Анисков В. Т.* Указ. соч. – С. 126.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. – Т. 7. – С. 227, 412.
- ¹² Бурятия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. – Улан-Удэ, 1975. – С. 155.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 349. Оп. 2. Д. 19. Л. 87; Д. 47. Л. 1–9.
- ¹⁴ Подсчитано по: НАРБ. Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 379. Л. 108.

Л. В. Алексеева

Нижевартовск, гуманитарный университет

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО (ЗЕМЛЕДЕЛИЕ) В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

По истории развития земледелия в ХМНО в период войны до недавнего времени не имелось специальных работ. Проблема затрагивалась частично Б. У. Серазетдиновым в обзорной статье¹, где упоминалось о росте посевных площадей, валовых сборах и урожайности в округе в годы войны. Развитие сельского хозяйства в районах Севера в условиях Великой Отечественной войны превратилось в задачу военно-хозяйственной важности. Ю. В. Костецкий отмечал, что из-за потери посевных площадей в европейской части страны перед партийными и хозяйственными организациями Обского Севера со всей остротой встала задача развития местного сельского хозяйства².

Развитие сельскохозяйственного производства в районах, мало-пригодных, а подчас и вовсе непригодных с природно-климатической стороны для аграрного сектора, является феноменальным явлением в истории мировой сельскохозяйственной практики и нуждается в изучении и осмыслении. Ставка на экстенсивное ведение земледелия в районах Крайнего Севера и приравненных к ним областям в условиях военного времени весьма актуализировала проблему расширения посевных площадей. Органами партийной и советской власти принимались активные меры по расширению посевных площадей на севере

Сибири³. Освоение новых земель происходило с большими трудностями. Для понимания этого процесса необходимо иметь представление о пахотных угодьях и их резервах на территории округа.

Расположение сельскохозяйственных угодий в регионе характеризовалось труднодоступностью, что неоднократно подчеркивалось в специальной литературе. Изучение географии пахотных угодий ХМНО И. И. Конышевой показало, что большая часть почв, пригодных для освоения, сосредоточивалась вдоль Оби, Иртыша, Конды. Она также заметила, что различные подзолистые почвы на больших площадях имелись и вдалеке от речных долин. После вырубki лесных массивов и раскорчевки пней эти почвы могли быть также широко использованы для земледелия⁴. Почвы региона в преобладающем большинстве были бедны питательными веществами, а в ряде случаев страдали от избытка влаги. Кроме того, необходимо выделить почвы болотных массивов, почвы затапливаемых пойм и почвы горных районов. Почвы были наименее используемым в регионе природным ресурсом, такими они остаются и сейчас⁵. В соответствии с постановлением Омского обкома ВКП(б) и облисполкома от 26 августа 1942 г. «О развитии сельского хозяйства и местной промышленности в районах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов» планировалось в Югре освоить новые земли: в 1942 г. – 5 800 га, в 1943 г. – 7 000 га, в 1944 г. – 10 000 га⁶. Реальное освоение выглядело следующим образом:

Таблица 1

Освоение земель по ХМНО в 1940–1944 гг., га*

<i>Год</i>					<i>% выполнения задания</i>
<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	
1 791	1 664	2 121	1 155	2 800	31,5

* ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 688. Л. 84.

Сведения табл. 1 показывают, что площади осваиваемых земель намного меньше плановых показателей.

В указанном постановлении Омского обкома ВКП(б) и облисполкома от 26 августа 1942 г. планировалось расширение посевных площадей в Югре: в 1943 г. – до 19 000 га, в 1944 г. – до 25 600 га, в 1945 г. – до 35 000 га⁷. Вероятно, областное руководство весьма слабо представляло, что это за регион, каковы его возможности для освоения новых земель, особенности природных условий и т. д., поскольку указанные планы были абсолютно нереальны. Рост посевных площа-

дей в 1941–1945 гг. по округу, по сведениям, обнаруженным Б. У. Серазетдиновым, характеризовался следующими данными:

Таблица 2

Рост посевных площадей в ХМНО в 1941–1945 гг., га*

Год	1941	1942	1943	1944	1945
Размер посевных площадей	11 255	15 604	17 769	16 713	15 943,8

* Серазетдинов Б. У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. – 2001. – № 1 (3). – С. 72.

Динамика увеличения посевов за годы войны в округе очевидна⁸. Только за 1941–1943 гг. посевная площадь в округе увеличилась на 6 214 га. Из зерновых особое значение приобрели рожь и пшеница. Растениеводство сосредоточилось в колхозном секторе, его доля в посевных площадях составляла 88,3 %. Нехватка семян – вторая проблема для земледелия округа после раскорчевки. Уборка и обмолот – заключительные мероприятия, завершавшие сельскохозяйственный год. Уборка осуществлялась преимущественно вручную и с использованием прицепного инвентаря на конной тяге. Урожайность и меры по ее повышению также являлись актуальными для земледелия округа. Средняя урожайность культур в целом по округу и всем его районам в 1940-е гг. снижалась⁹:

Таблица 3

Валовые сборы зерна и картофеля в ХМНО в 1940–1945 гг., ц *

Год	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	76 763	46 789	99 405	116 880	Св. нет	Св. нет
Картофель	151 694	103 293	200 507	268 910	221 400	64 870

* Сост. по: Серазетдинов Б. У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. – 2001. – № 1 (3). – С. 72; ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 95 об.; Д. 237. Л. 13, 16 об.

Данные валовых сборов за 1944–1945 гг. по зерновым культурам не обнаружены. Имеются сведения за 1945 г. только по сельскохозяйственным артелям. Если предположить, что они производили 2/3 сельхозпродуктов, то валовой сбор, вероятно, едва ли превышал 60 тыс. ц – это значительно меньше, чем в 1942–1943 гг. Низкий валовой сбор картофеля в 1945 г. по сравнению с 1942–1944 гг. укрепляет наше предположение. С чем связано такое падение валовых сборов в 1945 г., еще предстоит выяснить.

В годы Великой Отечественной войны ХМНО стал районом, где были предприняты активные меры для развития земледелия. Курс на экстенсивный характер развития отрасли выражался в увеличении площади освоения новых земель. Освоение осуществлялось невиданными для региона темпами. Расширение площадей под посевы осуществлялось двумя путями – использованием пойменных участков и раскорчевкой. 1943 г. стал рубежным в развитии земледелия. За годы войны увеличение посевных площадей в округе произошло на треть и достигло самых высоких показателей в 1943 г., составив более 17 000 га. После достижения наивысших показателей путем невероятного напряжения имеющихся сил и резервов в 1944–1945 гг. наступило снижение производства зерновых, картофеля и овощей в общественном хозяйстве. Все ресурсы для увеличения сельскохозяйственного производства были исчерпаны.

¹ *Серазетдинов Б. У.* Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. – 2001. – № 1 (3).

² *Костецкий Ю. В.* Коммунисты во главе трудового подвига трудящихся национальных округов Западной Сибири в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Челябинск, 1983. – С. 16.

³ Северная энциклопедия. – М., 2004. – С. 129.

⁴ *Коньшева И. И.* История землепользования и землеустройства в 1917–1941 гг. (На материалах Ханты-Мансийского автономного округа). – Нижневартовск, 2009. – С. 49–58.

⁵ Богатства Югры. – Ханты-Мансийск, 2005. – С. 15.

⁶ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 183.

⁷ Там же.

⁸ *Серазетдинов Б. У.* Указ. соч. – С. 72.

⁹ *Набокова Л. В.* Ханты-Мансийская сельскохозяйственная опытная станция // Информационно-просветительский портал Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: [сайт]. – URL: <http://www.eduhmao.ru/info/13/7193> (дата обращения: 10.11.2009).

С. Н. Андреенков

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СИБИРИ В 1941–1945 ГОДАХ: УСЛОВИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

В начальный период Великой Отечественной войны СССР лишился значительной части производительных сил сельского хозяйства. На территории, подвергшейся оккупации, до войны проживало около

40 % всего населения страны, две третьи которого составляли жители села. В оккупации оказалось 47 % всех посевных площадей, в том числе 38 % зерновых посевов, почти 60 % поголовья КРС и свиней, 28 % парка тракторов. Потерю производственных мощностей и валового производства сельхозпродуктов в западных и южных частях СССР могло компенсировать только увеличение объемов выпуска сельхозпродукции на востоке страны. Особо большая нагрузка ложилась на регионы Сибири, которые превращались в важнейших поставщиков продовольствия и сырья фронту. Возрастание роли региона в сельхозпроизводстве обуславливалось и эвакуацией в него сотен тысяч рабочих и служащих, нуждавшихся в продуктах питания. На продовольственном обеспечении хозяйств Сибири находились крупные воинские соединения, охранявшие дальневосточные границы. Значительная часть производимой в регионе сельхозпродукции направлялась в индустриальный Урал.

Колхозам и совхозам Сибири, как и хозяйствам других тыловых территорий, приходилось выполнять производственные задачи в условиях существенного сокращения трудовых и технических ресурсов. На фронт и в промышленность были мобилизованы миллионы колхозников. Только за первые шесть месяцев войны трудоспособное население колхозов Сибири уменьшилось на 21 %, а за 1941–1944 гг. – более чем на 40 %. Сибирская деревня лишилась основной части кадров массовых сельскохозяйственных специальностей и руководящих работников. Тракторный парк к началу 1942 г. сократился на 10 %. Фронту передавались наиболее современные и мощные трактора. Значительно уменьшилось количество грузовых автомобилей. К минимуму было сведено обеспечение техники запчастями и горюче-смазочными материалами.

В 1941–1942 гг. утяжелился податный прессинг на сельское хозяйство. Органы высшей власти вводили для колхозов новые натуральные повинности (сдача в хлебный и мясной фонды Красной армии, гарнцевый сбор и др.) и повышали размеры уже существовавших. Широко стала использоваться практика принятия регионами и отдельными хозяйствами «повышенных социалистических обязательств» по производству и госпоставкам сельхозпродуктов, прежде всего хлеба. Существенно возросла роль сборов, формально относимых к категории добровольных, – сдачи продукции в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т. п.

Основным стимулом выполнения возложенных на крестьян (в основном оставшихся в селе женщин, подростков и стариков) обязательств перед государством было желание внести свой вклад в приближение победы. Однако немалую роль в обеспечении максимально возможных объемов заготовок во время войны играли меры принуждения (повы-

шение для колхозников обязательного минимума трудодней, судебное преследование за его невыполнение, штрафы за недопоставку продукции личных подворий и др.).

Быстро повысить объемы производства продукции растениеводства можно было только за счет существенного расширения посевных площадей. В связи с этим в 1942 г. колхозы тыловых районов должны были увеличить посевы яровых культур на 4 %. Из-за низкого уровня механизации, несоблюдения правил агротехники, нехватки семян и непогоды это задание выполнено не было. Но в целом с учетом озимых посевная площадь хозяйств неоккупированных территорий возросла. Ее самый высокий абсолютный прирост имел место в регионах востока СССР, где была организована распашка целинных и залежных земель. В Сибири в 1942 г. за счет нее зерновые посеы увеличились на 10 %.

Возможности получения необходимого количества растениеводческой продукции за счет расширения площади посевов ограничивались существенным снижением производительности пашни, обусловленным низким уровнем агротехники. В 1942 г. недостатки в проведении весеннего сева привели к засоренности полей, которые в связи с этим нуждались в особом уходе, но ресурсов для него у колхозов и совхозов не нашлось. Все силы они направили на уборку урожая, которая вопреки плохим погодным условиям и нехватке техники была закончена раньше, чем в 1941 г. Однако это не привело к увеличению объемов производства сельхозкультур, поэтому, чтобы выполнить повышенный план хлебозаготовок, хозяйства часто сдавали государству семенное зерно. Во многом в связи с этим весной 1943 г. возник острейший дефицит семян, который в значительной степени способствовал сокращению яровых посевов зерновых культур. В Сибири в этом году они уменьшились относительно 1942 г. на 15 %.

Для зернового хозяйства колхозов и совхозов тыловых районов востока страны 1943 г. стал самым тяжелым за всю войну. Вследствие засухи, низкого качества семенного материала и плохого ухода за посевами урожайность зерновых культур уменьшилась. Доля Сибири в общесоюзных заготовках зерна составила 18 % (в 1942 г. – 22 %). Зато возросли объемы выращивания картофеля и овощей. С 1940 по 1943 г. в Сибири картофельные посеы увеличились на 46 %. Треть всей огородной продукции производилась в хозяйствах колхозников. Значимую роль в распространении картофеля и овощей сыграли личные огороды рабочих и служащих и подсобные хозяйства предприятий. Расширение масштабов выращивания картофеля позволило избежать массового голода.

В 1944–1945 гг. началось восстановление сельхозпроизводства, чему способствовало некоторое увеличение объемов его финансирования, частичное возобновление производства и поставок хозяйствам

сельхозтехники, уменьшение мобилизаций колхозников в промышленность и армию, возвращение мужчин с фронта. Несколько улучшилась ситуация в агротехнике земледелия. В 1944 г. объемы зерна, сданного государству колхозами восточных областей, были больше, чем в 1943 г., но меньше, чем в 1942 г. Количество зерновых и бобовых культур, поставленное государству в 1945 г., было наименьшим за все военные годы. В 1944 г. доля Сибири в заготовках хлеба составила 9 %, в 1945 г. – 8 %.

В период войны высокой была нагрузка на животноводство, которое, как и растениеводство, развивалось в тяжелейших условиях. В первые военные годы существенно уменьшилось число животноводческих кадров, ухудшилось ветеринарное обслуживание скота, остановилось строительство помещений для сельскохозяйственных животных, сократилось количество и снизилось качество кормов.

В 1942 г. планы по развитию животноводства в колхозах тыловых регионов страны предусматривали исключительно повышенные нормы прироста поголовья. В сельхозартелях Сибири в этом году численность КРС должна была увеличиться на 29 %, свиней – на 43 %, овец – на 36 %. В связи с высокими показателями яловости, заболеваемости и падежа скота, а также его расточительным использованием данное задание выполнено не было, однако достигнутые темпы расширения поголовья оказались выше показателей трех предвоенных лет.

Важным резервом увеличения колхозного стада в 1942 г. было изъятие скота у колхозников. Если поголовье «общественных» свиней, овец и коз, несмотря на их приобретение у крестьян, все-таки возрастало в результате самовоспроизводства, то численность КРС увеличивалась в основном за счет его «закупок» в личном секторе. Принудительная контрактация скота нанесла индивидуальному животноводству серьезный ущерб. В крестьянских подворьях Новосибирской области в 1942 г. поголовье коров уменьшилось по сравнению с 1941 г. на треть, овец и коз – наполовину, свиней – на две трети. В деревне выросло число бескоровных и бескотных дворов, усилился голод, грозивший перейти в голодомор.

Возрастание численности «общественного» скота способствовало увеличению его поставок государству. В 1942 г. объемы поступления скота от колхозов и единоличных хозяйств Сибири в счет обязательной сдачи превзошли уровень 1940 г. на 50 %. Колхозы Сибири передали в 1942 г. в продовольственные фонды почти половину своего поголовья. Их мясоставки на 75 % состояли из КРС, существенная часть которого была изъята у колхозников.

С 1943 г. в РСФСР началось восстановление колхозного животноводства. В этом году численность КРС в колхозах республики к уровню 1940 г. составила 73 %, в 1944 г. – 75 %, в 1945 г. – 74 % (в 1941 г. – 75 %, в 1940 г. – 70 %).

в 1942 г. – 71 %). поголовье свиней, овец и коз, сократившееся к 1943 г. наполовину, возрастало медленнее. В то же время в большинстве районов Сибири в 1943–1945 гг. имело место существенное уменьшение количества скота. В колхозах Алтайского края в 1943 г. поголовье КРС равнялось 69 % от довоенного уровня, в 1944 г. – 57 %, 1945 г. – 43 % (в 1941 и 1942 гг. – 91 %).

Уменьшение размеров колхозного стада в восточных районах РСФСР обуславливалось значительным ухудшением условий для содержания скота и возрастанием норм его государственных заготовок в связи с необходимостью обеспечения продовольствием освобожденных районов СССР и оказания помощи их животноводческому производству. Важными факторами сокращения численности колхозного стада являлись прекращение практики массового изъятия скота у колхозников и организация его продажи и безвозмездной передачи бескорным и бескотным дворам. Иницируя эти меры, высшее руководство намеревалось, с одной стороны, ликвидировать угрозу голодомора в деревне, с другой – стимулировать рост поголовья скота (его сохранность в крестьянских подворьях была на порядок выше, чем на страдающих от бескормицы колхозных фермах). В 1943 г. вследствие реализации этих установок поголовье скота в личном секторе стабилизировалось, а в 1944–1945 гг. выросло. В конце войны колхозники имели больше КРС, чем накануне нее. В РСФСР в 1945 г. поголовье КРС в их хозяйствах относительно 1940 г. составило 102 %, в Новосибирской области – 110 %, в Омской – 128 %. Однако численность мелкого рогатого скота и свиней в колхозных подворьях увеличилась незначительно.

Благодаря помощи индивидуальному животноводству в 1943–1944 гг. восточным районам РСФСР удалось увеличить объемы поставок скота государству. В 1943 г. в Сибири количество скота, сданного колхозами и личными хозяйствами, превысило показатели 1942 г. на 8 %, в 1944 г. – на 7 %.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны колхозы Сибири, несмотря на тяжелейшие условия хозяйствования, прилагали все возможные усилия для того, чтобы обеспечить страну сельхозпродукцией. Однако без использования ресурсов и производственных возможностей индивидуальных хозяйств удовлетворить возросшие потребности в продуктах сельского хозяйства вряд ли бы удалось.

В. П. Захаров

*Якутск, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Сибирского отделения РАН*

«ДЖУГДЖУРЗОЛОТО» И ПЕРЕВОЗКА ГРУЗОВ В АЛЛАХ-ЮНЬ В 1941–1945 ГОДАХ

В 1932–1934 гг. были открыты богатые россыпные месторождения золота в горно-таежном районе Аллах-Юня. С 1 января 1934 г. разработка этих мест передана из ведения треста «Якутзолото» Всесоюзному тресту «Золоторазведка». Уже тогда район Аллах-Юня давал в несколько раз больше золота, чем некоторые золотодобывающие предприятия европейской части страны. В 1936 г. создано Аллах-Юньское приисковое управление, а с 1937 г. начали эксплуатацию приисков «Новинка», «Основа», «Снегурка», «Евканджа», «Ыныкчан», «Томь», всего задействовано 22 прииска. Строили жилые дома, школы, клубы и складские помещения, дороги и зимовья в пути. В результате за короткий срок к 1937 г. Аллах-Юньское приисковое управление занимало первое место в системе треста по своему удельному весу. Управление в 1939 г. преобразовано в трест «Джугджурзолото» – одно из крупных золотодобывающих предприятий СССР¹. В 1941 г. численность приискового населения достигла 23 095 чел., из них на приисках трудились 9 439 рабочих. С начала войны и до 1942 г. были призваны в армию 1 448 рабочих, их заменили 708 женщин. В результате их ударного труда в 1942 г. трест «Джугджурзолото» в процентном выполнении плана занял 1-е место в добыче золота в СССР. Трудовой подвиг руководителей, рабочих треста «Джугджурзолото» справедливо отмечен орденами, медалями и премиями².

На Якутию возложили завоз грузов в безлюдный, отдаленный район Аллах-Юня по Охотскому тракту, по которому еще с XVIII в. якуты, построив станки, до начала XX в. перевозили казенные и купеческие клади. Но тракт был заброшен и оброс тальником, сгнили мосты, дома на станках. Якутский областной комитет ВКП(б) и правительство Якутской АССР с целью снабжения продовольствием золотодобытчиков Алдана в зиму 1932–1933 гг. мобилизовали в районах Якутии 10 470 подвод, в 1933–1934 г. в Алдане и Аллах-Юне – 12 121. Возчики Таттинского, Чурапчинского, Мегино-Кангаласского районов ежегодно перевозили зимой в Аллах-Юнь на 3,5 тыс. лошадей 2 тыс. т различного груза, к 1937 г. – на 5,8 тыс. лошадях (кроме того, районы выставляли своих лошадей и возчиков) в Томмот и Алдан. По разнарядке сверху районный комитет ВКП(б) и райисполкомы планы подачи подвод и возчиков раскладывали между маленькими колхозами. Вскоре приступили к организации перевозки грузов на сплавных судах по р. Аллах-Юнь, Юдома и Мая и на машинах по автозимнику.

В 1933–1934 гг. из Якутска, Вилюйска и Нюрбы поступило на прииски Алдана овощей – 288 т, мяса – 685 т, рыбы – 338 т, молока и молочных изделий – 36 т и 91 300 яиц, в 1938 г. – в Аллах-Юнь 43 т рыбы, 19 т брусники и других продуктов. Удельный процентный вес продуктов местного рынка в 1935 и 1936 гг. к общетрестовскому завозу составил по мясу и дичи соответственно – 74,6 и 57,7 %; рыбе – 33,3 и 45 %; овощам – 51 и 68,3 %; маслу – 40,6 и 26 %, селу – 58 и 51 %. В годы войны во много раз возросла помощь тружеников республики в фонд обороны. Всего было собрано 90 410 844 руб., также с продажи облигаций, государственных займов и денежно-вещевых лотерей сдано 29 6524 868 руб., кроме того было отправлено 2,8 кг золота, 550 кг серебра, 33,8 тыс. пудов продовольствия, 33,3 тыс. посылок и т. д.³

До сих пор остается малоисследованной темой транспортировка грузов из Якутска в Охотский перевоз и Аллах-Юнь в 1935–1950 гг., которая сыграла важную роль в развитии золотодобывающей промышленности в системе Джугджура. Автотранспорт (95 машин «Джугджурзолота») и суда доставляли оборудование и технику до Охотского перевоза. Работу тормозили недостаток горючего, непригодность машин к суровым условиям, а с началом войны усложнили завоз продуктов мобилизация речников и водителей. Надежный колхозный подводный транспорт насчитывал около 57 тыс. рабочих лошадей и свыше 30 тыс. оленей. Ежегодно 4–5 тыс. возчиков (из расчета 1 возчик на 4 лошади) перевозили грузы на 20 000 лошадях, в 1941–1942 гг. – 4 562 возчиков на 18 270 лошадях и 1 562 оленях, в 1942–1943 гг. – 3 810 возчиков на 15 300 лошадях (8 390 лошадей для грузов «Якутзолототранса», 6 910 – «Джугджурзолота»). На внутрирайонных перевозках были заняты 5 000 лошадей.

Д. Д. Петров исследовал трудности пути в Алдан и Аллах-Юнь. Учитель Таттинского улуса А. К. Татаринов записал воспоминания 27 участников перевозок, еще 65 воспоминаний были записаны ближайшими родственниками. В них раскрыта организация перевозок и их сроки, протяженность пути от Якутска до Охотского перевоза и Аллах-Юня и до приисков, количество станков, описаны самые тяжелые участки: переходы речек, тарынов (наледей на реках или путях грунтовых вод), места сильных ветров «Силлиэмэн» в горном ущелье, 7 крутых подъемов горного хребта «Сэттэ дабаан». Мемуары, дополняя и уточняя друг друга, создают целостную, достоверную драматическую картину перевозок, но записаны имена лишь 545 возчиков, в том числе 15 женщин. Маленькие колхозы центральной Якутии и Олекминского района в условиях войны перевозок грузов подчинили жесткому порядку и дисциплине: была установлена непереносимость выполнения спускаемых сверху планов каждым районом, колхозом, бригадой и возчиком; повышена материальная и юридическая ответственность за сохранность груза

и лошадей; введена строгая дисциплина. По мере мобилизации мужчин колхозы начали снаряжать бригады возчиков из 4–12 чел. из числа пожилых людей и молодых женщин. Каждый возчик перевозил грузы на 4 подводах (санях). Жены возчиков шили длинные водонепроницаемые теплые торбазы – куруму, меховые рукавицы и шапки; мастера изготавливали сани, дуги, сбури и кожаные сумы. Колхоз выдавал одному возчику приблизительно 500 г мяса, 100 г масла или 500–800 г муки, из которой пекли лепешки. По пути от Охотского перевоза и Аллах-Юня отпускали за деньги муку, спирт.

В конце октября – начале ноября обозы с загрузкой на каждые сани до 350 кг груза выезжали из улусов. Переходили тарыны (наледы) мелких речек, причем в горных речках с бурным течением тонкий лед нередко не выдерживал тяжесть саней и ломался. Не всегда удавалось спасти тонущего возчика, лошадь и груз. В условиях 40–50-градусного мороза вдалеке от жилищ человек был обречен. Предпринимались все попытки спасти промокших возчиков, их окутывали теплой одеждой, но часто пострадавшие умирали спустя некоторое время от воспалений. Коней отогревали в теплых помещениях ближайших зимовий, но и их не всегда удавалось спасти. В ущелье с протяженностью 7 км властвовала буря под названием «Силлиэмэн», вызывая оползни и камнепады. При изнурительном подъеме на горный хребет с протяженностью 12 км изможденные кони не преодолевали последние 200 м каменистого крутого подъема и возчикам приходилось самим перетаскивать груз вверх. Мужчины, крепко держа за узду каждую лошадь, поднимались на гору или спускались с нее. 5–6 раз за полгода возчики доставляли груз с Охотского перевоза в Аллах-Юнь за 253 км. Особо тяжелая доля выпала возчикам 1930-х гг., т. к. тогда еще не были обустроены зимовья в пути, им приходилось ночевать в зимнюю стужу в палатках. Заменившим их пожилым людям, юношам и молодым женщинам пришлось преодолевать те же экстремальные условия. Крутые подъемы и спуски с гор, неустроенность быта (холодные бараки, в которых порой не всем хватало места на ночь, быстро остывающие железные печи, отсутствие бань и т. д.) собирали смертельную «дань» с перевозчиков. Изнуренными возвращались возчики в конце апреля – начале мая. Многие заболели еще в пути. К примеру, физически крепкий Ф. Д. Скрыбыкин (1894 г. р.) из колхоза «Буденный» Мегино-Кангаласского района в 1930-е гг. ежегодно перевозил грузы в Алдан и Аллах-Юнь, а умер от воспаления в 1941 г. Его старшая дочь В. Ф. Захарова (1919–1948) первые 3 года войны перевозила грузы в Аллах-Юнь, а чтобы спасти братьев от голода во время засухи 1941–1942 гг. оставляла им часть своего пайка. Ни дети Ф. Д. Скрыбыкина, ни сын В. Ф. Захаровой не получили ни пособия, ни пенсии по утере кормильца⁴. Таких семей и детей в Якутии были тысячи. В засушливые годы в Якутии погибло множество

людей от голода. Во имя свободы люди, не щадя себя, совершали массовый подвиг, но он остался неоцененным по достоинству и, более того, почти предан забвению. Добавим, что были велики и потери коней. О каждом случае падежа бригаиры писали акты; не составивших такой документ привлекали к суду по всей строгости военного времени.

Добытое золото сыграло чрезвычайно важную роль в политике, обороне и экономике страны, а перевозка грузов – в истории республики. По закону ленд-лиза от 11 марта 1941 г. США передала 9,6 тыс. орудий, 18,7 тыс. самолетов и 10,8 тыс. танков и продовольствие странам антигитлеровской коалиции, в том числе СССР⁵. Частично Советский Союз расплачивался за полученную военную технику золотом, следовательно, труженики Якутии, в том числе возчики Аллах-Юня, внесли свой вклад в общую победу над врагом. Впоследствии «Джугдурзолото» совместно с Алданом и Мирным назовут «валютным цехом» великой державы.

¹ *Хатылаев М. М.* Золотопромышленность Якутии. – Якутск, 1972. – С. 111–114, 156, 158, 162–167, 191–196; Якутская АССР на 2-й сессии Якутского ЦИК XVI созыва. – М., 1936. – С. 4.

² *Петров Д. Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. – Якутск, 1992. – С. 29–31, 42–44.

³ *Хатылаев М. М.* Указ. соч. – С. 197; *Петров Д. Д.* Указ. соч. – С. 233.

⁴ *Захаров В. П.* Ф. Д. и В. Ф. Скрыбкины // Рукопись собранных А. К. Тариновых воспоминаний участников перевозок «Аллах-Юнь». – Якутск, 2008. – С. 3–119.

⁵ Энциклопедический словарь / Б. А. Введенский, С. Р. Гершберг, Ф. Н. Петров и др. – М., 1963. – С. 596; *Петров Д. Д.* Указ. соч. – С. 88.

А. В. Чухно

Петропавловск, Северо-Казахстанский государственный университет

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН И СЕВЕРОКАЗАХСТАНЦЫ В ПЕРВЫЕ ПОЛГОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В политической истории принято обращать внимание на первые сто дней пребывания у власти или протекания исследуемого исторического процесса, чтобы определить значимость и динамику феномена. В истории Великой Отечественной войны весь 1941 г. – это 193 напряженных дня и ночи, когда не только решалась судьба отдельных людей и стран, но и определялась тенденция развития всего человечества.

Известие о начале войны было воспринято в регионе с тревогой, болью и возмущением. 23–24 июня «в Петропавловске, райцентрах области, на предприятиях, в совхозах и колхозах прошли многолюдные митинги, на которых трудящиеся... выразили свой гнев и возмущение в связи с вероломным нападением немецко-фашистских захватчиков»¹.

Война пока была еще далеко, но те, кому положено «по штату» заниматься оборонными вопросами, знали и понимали, что она обязательно коснется и нашей глубинки. Еще 3 мая 1941 г. бюро Северо-Казахстанского обкома партии рассмотрело вопрос «Об итогах совещания зав. военными отделами райкомов и горкома КП(б) Казахстана и райвоенкомов области», на котором отмечалось, что «ход подготовки к очередному призыву в Красную Армию в текущем году по сравнению с этим же периодом прошлого года проходит более организованно». При этом «окончание всех подготовительных работ (к призыву. – А. Ч.) к 1 апреля не обеспечено. На 1 апреля сего года оставалось не охваченных обучением 24 малограмотных, 15 чел. невылеченных призывников, слабо идет подготовка оборонных значкистов и особенно неудовлетворительно положение с подготовкой значкистов к государственному техническому осмотру. Качество подготовленных значкистов в ряде случаев низкое. Мало подготовлено лыжников из числа призывников. Плохо идет обучение призывников в группах по единой 176-часовой программе, по состоянию на 01.04.1941 г. охвачено обучением только 43,2 % призывного контингента»². Так что проблем по совершенствованию оборонного дела хватало и в мирное время, а с началом войны и проблемы, и требования к их решению многократно выросли.

25 июня 1941 г., на четвертый день войны, на заседании бюро Северо-Казахстанского обкома партии рассмотрели вопрос «О мероприятиях по развертыванию оборонно-массовой работы и подготовки (рабочих. – А. Ч.) массовых квалификаций». Поскольку регион Северного Казахстана находился вдали от фронта и реальных боевых действий, на заседании бюро обкома партии справедливо было отмечено, что «для обеспечения победы Великой Отечественной войны над фашизмом исключительно большую роль играет усиленное развертывание оборонно-массовой работы и подготовка (рабочих. – А. Ч.) массовых квалификаций»³.

В русле общего стиля партийной работы того времени и «исходя из задач Великой отечественной войны, бюро обкома КП(б) (Казахстана. – А. Ч.) постановляет:

1. Обязать секретарей ГК и РК КП(б) К:

а) пересмотреть формы и содержание работы Осоавиахима, Красного Креста, положив в основу принцип массового охвата военным обучением трудящихся на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах и МТС.

До 1 июля утвердить на заседаниях бюро мероприятия, обеспечивающие усиление подготовки трудящихся к ... военным специальностям;

б) обеспечить бесперебойный ход занятий по военному обучению партактива, установив число занятий два раза в неделю по четыре часа, повысив качество проходимых занятий, требовательность и дисциплину;

в) организовать лекции, беседы и доклады среди трудящихся области на тему “Великая отечественная война советского народа против фашизма” о советском патриотизме, героическом прошлом русского народа, о героизме бойцов и командно-политического состава Красной армии и Военно-Морского флота в боях с врагами нашей родины»⁴.

Употребление словосочетания «Великая отечественная война» (пусть и не в современном написании) уже в начале первой недели боев свидетельствует о том, что эта фраза, скорее всего не родилась исключительно после выступления И. В. Сталина 3 июля 1941 г. по радио.

В этом же постановлении руководящие работники железной дороги, управляющий треста совхозов, директора МТС и совхозов до 1 июля обязывались организовать без отрыва от производства курсы из числа женщин по подготовке массовых профессий (стрелочников, токарей, слесарей, кочегаров, кондукторов, проводников, помощников машинистов, шоферов, комбайнеров, трактористов и др.) для замещения мужчин на случай ухода в Красную армию⁵.

На шестой день войны, 27 июня 1941 г., «в Петропавловске с полным комплектом техники и личным составом по штатам военного времени сформирован 702 строительный батальон»⁶.

На одиннадцатый день войны, 2 июля 1941 г., бюро обкома партии рассматривает вопрос «О массовом военном обучении коммунистов, комсомольцев и населения области», в дополнение к постановлению от 25 июня 1941 г. В ходе работы над новым, постановлялось «не позднее 10.07.1941 г. развернуть массовое военное обучение среди трудящихся района по сокращенной программе Военного обучения. Занятия проводить не реже трех раз в неделю (понедельник, среда, суббота) в вечернее время по два-три часа»⁷. Отмечалась необходимость «немедленно приступить к организации развертывания всеобщей подготовки населения области к противовоздушной обороне»⁸. Вопрос о подготовке военных специалистов, об обучении военнообязанных и гражданских тружеников области приемам противовоздушной и химической обороны отражен во многих документах того времени.

Следующими важными видами деятельности североказахстанцев были обеспечение фронта строевыми лошадьми, сеном, подготовка и проведение очередных сельскохозяйственных работ, подготовка к приему и размещению эвакуированных граждан и военных заводов, формирование военных частей, а с ноября 1941 г. – национальных войсковых соединений, сбор теплых вещей для бойцов фронта и многое другое.

На тридцать третий день войны, 24 июля 1941 г., «на основании приказа войскам Средне-Азиатского военного округа от 12.07.1941 г. № 0044 закончено формирование в г. Петропавловске 314 стрелковой дивизии, общей численностью 10 931 чел.»⁹.

На семьдесят седьмой день войны, 6 сентября 1941 г., «314 стрелковая дивизия приняла свой первый бой в районе Ленинграда, удерживая боевые позиции по реке Свирь»¹⁰.

В этот же день в боях с гитлеровскими захватчиками «погиб один из первых казахстанцев – Героев Советского Союза Сергей Гуденко. За героизм последнего боя герой-земляк был посмертно награжден орденом Красного Знамени»¹¹.

Еще через три дня, 9 сентября, пусть и с небольшим опозданием, «эвакуированный в Петропавловск Московский ветеринарный институт открыл филиал 1-го курса и объявил прием студентов на 1941/1942 учебный год. Срок обучения – три года. Окончившие средние школы в 1941 г. принимались без испытаний (вступительных экзаменов)»¹².

На девяносто восьмой день, 27 сентября 1941 г., в сражении на Балтийском море у острова Сааремаа в Бухте Лыу героически отличился еще один североказахстанец: «Звено торпедных катеров под командованием Бориса Ущева... потопило фашистский крейсер “Кельн” и три эсминца»¹³.

На сто восемьдесят восьмой день войны, 26 декабря 1941 г., на совместном заседании бюро обкома партии и облисполкома в соответствии с распоряжением СНК СССР № 9469 РК/СС от 2 сентября 1941 г. принимается решение «О мероприятиях по созданию минной базы в г. Петропавловске». Продуманно, в одиннадцати пунктах мероприятий определяются неотложные меры по ее созданию и налаживанию¹⁴.

В течение первых 193 дней Великой войны Петропавловск и область приняли двадцать эвакуированных заводов и фабрик, в том числе пять – союзного значения. В области возникло и получило широкое распространение движение «двухсотников» и «трехсотников», т. е. выполнявших работы за себя и ушедших на фронт родных и близких и, соответственно, перевыполнивших план в два-три раза. «В течение первого года войны облвоенкоматом призвано в армию около 40 тыс. североказахстанцев, в том числе свыше тысячи коммунистов»¹⁵.

Впереди были еще 1225 боевых и трудовых дней и ночей войны.

¹ Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области. К 65-летию Победы: сб. – Петропавловск, 2010. – С. 15.

² СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 969. Л. 87.

³ Там же. Л. 109.

⁴ Там же.

- ⁵ Там же.
⁶ Великая Отечественная война в документах... – С. 15.
⁷ СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 969. Л. 117.
⁸ Там же. Л. 118.
⁹ Великая Отечественная война в документах... – С. 16.
¹⁰ Там же. – С. 17.
¹¹ Там же.
¹² Там же.
¹³ Там же.
¹⁴ СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 984. Л. 60–61.
¹⁵ Великая Отечественная война в документах... – С. 17.

А. А. Садовникова

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

В ТЕ СУРОВЫЕ 1941–1945 ГОДЫ НА КОЛЫМЕ

Весть о вероломном нападении фашисткой Германии на нашу Родину всколыхнула весь Колымский край. Население Колымы в те суровые годы жило тревогами и заботами о Родине, в первые же дни войны по всей Колыме проходили митинги, на которых население обязалось внести свой вклад в разгром фашисткой Германии. В резолюции митинга жителей Среднеколымска Среднеколымского района от 22 июня 1941 г. было написано: «Митинг трудящихся города Среднеколымска выражает глубокое негодование и ненависть к зарвавшимся фашистам Германии, которые по-разбойничьи нарушили наши рубежи. Целиком и полностью одобряет политику советского правительства, отдавшего приказ нашей доблестной Красной армии и Военно-морскому флоту – дать сокрушительный отпор врагу. Мы объявили себя в мобилизационной готовности и заверяем партию и правительство в том, что в ответ агрессорам еще больше сплотим свои ряды вокруг партии и правительства и приложим все свои усилия по перевыполнению государственных планов, укреплению обороны страны. Если партия и правительство отдадут приказ – мы все, как один, пойдём с оружием в руках на защиту социалистического отечества.

Долой фашистов – кровожадных псов империализма. Да здравствует свободный Советский Союз – Родина трудящихся всего мира. Да здравствует советское правительство и его глава – великий Сталин».

Эта резолюция была напечатана в номере газеты «Колымский водник» от 30 июня 1941 г.

А в постановлении общего собрания жителей села Походска Нижнеколымского района от 6 июля 1941 г. было написано: «Трудящиеся села Походска возмущены наглостью фашиста – Гитлера, совершившего воровское нападение на нашу Родину. Мы презираем Гитлера и его свору и одновременно чувствуем нависшую опасность над Родиной и обязуемся участвовать в деле обеспечения разгрома врага»¹.

Несмотря на то, что в те годы жителей нынешних колымских улусов не призывали в действующую армию, в архивах сохранилось много документов, подтверждающих, что в годы войны сотни колымчан обращались с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Таким желанием горели все: и коммунисты, и комсомольцы, и беспартийные². Однако согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, мобилизация в Красную армию лиц, проживающих на Дальнем Востоке и в районах Крайнего Севера, была ограниченной. От местного населения требовалось активное участие в организации помощи фронту.

Тем не менее, некоторые добровольцы разными путями сумели попасть на фронт и героически сражались с врагами. Среди них, например, с Нижней Колымы были И. П. Котельников, водитель-механик танка Т-34, участник боевых действий от Сталинграда до Праги, А. Т. Попов, умерший от ран, полученных на войне, Н. И. Татарин, погибший в Белоруссии, и П. Н. Березкин, погибший под Ленинградом; со Средней Колымы: младший сержант С. Л. Синявин, учитель Е. З. Петров, А. В. Антипин, И. Г. Слепцов, Г. Г. Софронов, П. Д. Третьяков, К. Н. Петранкин, Н. Г. Навроцкий и многие другие.

Руководство Дальстроя обратилось к населению Колымы с призывом показать на всех участках высокие образцы трудового энтузиазма, дать как можно больше металла, нужного для фронта. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт Колымы мобилизовались для нужд фронта. В Колымо-Магаданском промышленном районе размещалась цветная и горнодобывающая промышленность. Развернулось массовое движение за досрочное выполнение планов по добыче золота, угля, олова и других полезных ископаемых. Благодаря успешной работе геологов, за первые годы войны были введены в эксплуатацию прииски и рудники, которые давали 40 % от общей добычи металла³.

В годы войны росло число рационализаторов производства, усовершенствовалась техника, на горных предприятиях появилась высокопроизводительная машина – бульдозер. Были введены в строй литейные и механические заводы, которые изготавливали горно-обогатительное оборудование. Были построены крупные энергокомбинаты, подававшие электроэнергию на предприятия по высоковольтным магистралям.

С развитием горнодобывающей промышленности увеличивался и спрос на уголь, который стал основным видом энергетического топлива. Открылись новые шахты. К концу 1945 г. начали осваиваться

новые горнодобывающие районы⁴. Быстрый рост промышленности в промышленных районах в годы войны вызвал и рост капитального строительства промышленных предприятий и рабочих поселков.

Увеличилась добыча зырянского высококачественного угля. Если в 1940 г. было добыто 26 600 т угля, то в 1942 г. – 48 600, в 1943 г. – 78 000 и в 1945 г. – 83 200 т. Зырянский уголь обеспечивал топливоснабжение промышленных районов Колымы, пароходство и Чаун-Чукотский район. Колымо-Индибирское речное пароходство являлось ведущей транспортной системой⁵. С огромным размахом продолжалось строительство автодорог через тайгу в верховьях Колымы.

За успешное выполнение заданий по добыче металла Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 февраля 1945 г. Дальстрой был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орденами и медалями было награждено 39 854 чел.⁶

Напротив, в сельскохозяйственных районах Колымы резко ухудшилось экономическое положение, прекратилось строительство, сократился завоз грузов, порой не хватало самого необходимого: чая, муки, одежды, керосина, обуви и т. п. В сельском хозяйстве стали постепенно расширять посевные площади, которые обеспечивали промышленные районы продуктами питания (картофель, капуста, редис, салат, репа и др.). Например, в Среднеколымске колхоз им. Ворошилова занимался выращиванием овощей в теплицах и открытом грунте. Выращиванием овощей занимался и «Колымторг».

В 1941 г. был сформирован Колымо-Индибирский рыбтрест. Организованные в Среднеколымске и Верхнеколымске госрыбзаводы заключали договора с колхозами, принимали рыбу для обработки и отправляли ее в промышленные районы. В период войны значительно возрос вылов рыбы и сдача ее государству. Активное участие в рыболовстве принимали подростки начиная с 12 лет. Благодаря колхозам выполнялись планы по заготовке дичи, молочным продуктам, рыбе, ягодам, грибам, полевому луку. Вместе с этим увеличивается и доходность колхозов.

В годы войны увеличилось количество кадровых охотников, если в 1942 г. было 348 чел., то в 1945 г. – 464 чел.⁷ Охотники трудись под лозунгом «Пушnodобыча – заказ Родины и фронта!».

В первые же дни войны на создание фонда обороны население Колымы собрали для воинов фронта шапки, рукавицы, теплое белье, валенки, носки, олени и заячьи шкуры, папиросы и носовые платки. Рабочие, служащие и большинство колхозников вносили в фонд обороны страны от 1- до 5-дневного заработка. Населением Колымского края в фонд обороны страны было добровольно внесено деньгами и облигациями 24 171 435 руб. На эти деньги были построены танковые колонны «От трудящихся Дальстроя НКВД», «Горняки Северного управления

Дальстроя», «От горняков Юго-Западного управления Дальстроя», самолеты «Комсомол Колымы», «Полярник бухты Угольная», «Колымский колхозник» и др. На собранные молодежью средства было построено звено истребителей «Комсомолец Дальстроя». Всего в фонд обороны Родины молодежь передала 15 млн руб.⁸

Несмотря на суровые, тяжелые условия войны Колыма постепенно менялась. Так, перестроили свою работу народное образование и здравоохранение. Школы стали местом воспитания учащихся в духе патриотизма, сознательной дисциплины, развития активной общественной деятельности. Была развернута военно-патриотическая работа среди учащихся. С помощью родителей они собирали в помощь фронту деньги, облигации и теплые вещи. В 1942 г. пионеры Зырянской семилетней школы поддержали почин пионеров Магаданской школы по сбору средств на постройку бронемшины «Пионер Колымы», за короткое время они собрали 4 180 руб. деньгами и облигациями⁹.

В области здравоохранения усилили санитарно-эпидемиологическую работу. Интенсивно велась борьба с туберкулезом. В районах открывались новые медицинские пункты.

Активно велась культурно-просветительская и массово-политическая работа. В поселках работали клубы, библиотеки, киноустановки, красные уголки, радио. Выступали коллективы художественной самодеятельности, агитационно-массовые бригады, читались лекции.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны все население Колымы самоотверженно работало в тылу, внося свой вклад в разгром фашизма. На нужды армии работали все отрасли хозяйства. Колыма была «валютным цехом», заработанные средства шли на развитие военной техники и сельского хозяйства. Были построены военные аэропорты для перегона самолетов из Аляски на фронт. Трудящиеся колхозов добились высоких показателей по сдаче государству продукции сельского хозяйства. Охотниками-кадровиками выполнялись планы по добыче пушнины – «мягкого золота». Населением края вносились личные денежные сбережения, облигации, продукты, вещи.

Сегодня мы благодарно склоняем свои головы перед памятью наших земляков-колымчан, всех тех, кто в далеком тылу, в суровых тяжелых условиях самоотверженно трудился во имя Победы.

¹ Среднеколымский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2000. – С. 104.

² Нижнеколымский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2003. – С. 142.

³ Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны / сост. Б. И. Мухачев, Л. И. Юрченко. – Магадан, 1970. – С. 10.

⁴ Малагин А. Магаданский экономический район. – Магадан, 1957. – С. 67–69.

⁵ Среднеколымский улусный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 274. Л. 96.

⁶ Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны. – С. 18.

⁷ Среднеколымский улусный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 15; Д. 73. Л. 2.

⁸ Колыма и Чукотка в годы Великой Отечественной войны. – С. 17–18,

57–58.

⁹ Там же. – С. 36.

А. И. Шумилов

Омск, Всероссийский заочный финансово-экономический институт

ПРОБЛЕМА ЧИСЛЕННОСТИ ЭВАКУИРОВАННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРЕДПРИЯТИЙ В СИБИРЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Массовая эвакуация в первый период Великой Отечественной войны в восточные районы страны населения, промышленных предприятий, учреждений, имущества МТС, совхозов и колхозов, запасов сырья и продовольствия вызывает восхищение как своими масштабами, так и сроками проведения. «Народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению производственных мощностей в годы войны... по размаху и значению своему для судьбы нашей Родины равны величайшим битвам второй мировой войны», – писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков¹.

Без успешного проведения эвакуации была бы невозможна победа СССР в Великой Отечественной войне. Врагом была захвачена территория, на которой проживало 40 % всего населения страны, располагались 31 850 промышленных предприятий, из них 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 1 135 шахт, более 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых, кожевенных и других предприятий².

Внезапность нападения и быстрое продвижение немецких войск вглубь территории страны не позволили эвакуировать из приграничных районов оборудование в полном объеме, однако уже 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР при СНК СССР был создан Совет по эвакуации.

Однако цель настоящего сообщения не в рассмотрении процесса эвакуации, а в том, чтобы обратить внимание исследователей на то, что в послевоенной литературе и вплоть до настоящего времени приводятся явно заниженные показатели эвакуированных на восток страны, в частности, в Западную Сибирь и в Омскую область, промышленных предприятий. На это обращал внимание еще в 1985 г. профессор А. Д. Колесников на научной конференции, посвященной 40-летию

Победы советского народа в Великой Отечественной войне³. Он ссылался на данные из книги Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны»: «...В течение каких-либо трех месяцев 1941 г. было эвакуировано в восточные районы СССР более 1 360 крупных, главным образом военных предприятий»⁴.

Во 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны», изданной в 1961 г., приведены другие показатели: «В восточные районы в течение июля-ноября 1941 г. было перебазируется 1 523 промышленных предприятия, в том числе 1 360 крупных военных предприятий»⁵. Эти же данные повторены во 2-й книге 5-го тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», изданной в 1970 г.⁶ А вот уже в 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», изданном в 1973 г., в научный оборот были введены иные сведения: «С июля по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов было перебазируется 2 593 предприятия, в том числе 1 523 крупных; из них в районы Поволжья – 226, на Урал – 667, в Западную Сибирь – 224, в Казахстан и Среднюю Азию – 308. Некоторое число предприятий было эвакуировано в республики Закавказья и в Восточную Сибирь»⁷. Процесс расширения научных исследований и уточнения числа эвакуированных предприятий был налицо, однако вместо 244 предприятий, которые обычно указывали как размещенные в Западной Сибири, было названо только 224 эвакуированных предприятия. В дальнейших изданиях, вплоть до 1990 г., фигурируют данные из тома «Истории СССР».

В 2006 г. в журнале «Новая и новейшая история» была опубликована большая статья Г. А. Куманева «Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы». Приведем из нее один абзац, напрямую касающийся темы этой статьи: «Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на Восток только по железным дорогам, согласно сводкам народного комиссариата путей сообщения, было вывезено 2 593 промышленных предприятия. (Вот откуда появилось это число. – *А. Ш.*). Однако эти данные нельзя считать сколько-нибудь полными, хотя в отечественной военной историографии сегодня их постоянно используют в качестве итоговых и даже гордятся ими. Если же учесть, что значительную часть переведенных на восток промышленных объектов составляли нигде не учтенные так называемые бездокументные грузы (спасенные от врага зачастую в «последний час»), а на территории СССР, подвергнувшейся оккупации, накануне войны действовало 31 850 крупных и средних предприятий, то приведенные выше цифры (2 593) составляли лишь ничтожно малую долю из действительно переброшенных в глубокий тыл и быстро восстановленных там в интересах фронта. И, наконец, если бы в восточные районы страны было бы переведено только 2 593 завода и фабрики из более

чем 32 тыс., никакой бы военной перестройки советской экономики не получилось, а война оказалась бы Советским Союзом проигранной. Между тем многочисленные факты и документы свидетельствуют, что подавляющую часть промышленного оборудования предприятий удалось перебросить в районы новой военно-промышленной базы страны, где создавалось оружие Победы⁸.

Это мнение целиком совпадает с тем, что на 20 лет раньше писал Ю. Васильев, которого есть основания считать наиболее информированным в данном вопросе ученым. Он полагал, что Омская область, как одна из крупнейших до августа 1944 г. в Западной Сибири, не могла ограничиться приемом того количества предприятий, которое обычно указывается в сибирской исторической литературе. Ю. Васильев в 1965 г. определил число эвакуированных в Западную Сибирь предприятий в 224, затем увеличил это число до 500, отметив, что 322 из них имели крупное оборонное и хозяйственное значение⁹. Очень разнятся цифры по Алтаю, Томской, Новосибирской областям. Что касается Омской области, то здесь на долгие годы закрепилась цифра, приведенная в «Отчетном докладе Омского обкома ВКП(б) на V областной партийной конференции о работе областной организации за период Отечественной войны» (15–18 марта 1948 г.), где сказано, что в области было принято и размещено свыше 100 промышленных предприятий¹⁰.

Г. Докучаев писал, что «в Омской области было намечено разместить 90 предприятий, в том числе более половины в Омске»¹¹. Работавший в годы войны секретарем Омского обкома партии Л. И. Кузик на научной конференции в 1971 г. сказал: «В область прибыло более 100 предприятий, из них свыше 30 % самых крупных непосредственно в Омск»¹².

Фраза о «более 100 промышленных предприятиях» до сих пор гуляет по всем научно-популярным изданиям об Омской области. В то же время в 1985 г. при подготовке книги «Омичи – фронту» в результате сплошного просмотра протоколов бюро и секретариата Омского обкома и горкома ВКП(б), Омского облисполкома, газеты «Омская правда» было выявлено, что в Омской области (включая Тюменскую), было размещено свыше 110 промышленных предприятий, из них более 80 – в Омске¹³. Срочность выпуска книги не позволила со всей скрупулезностью завершить эту работу, однако определенное тогда число вошло в «Очерки истории Омска», «Энциклопедию Омска», «Энциклопедию Омской области»¹⁴.

Однако, развивая положения статьи Г. А. Куманева, местным исследователям следовало бы более детально разобраться в этой проблеме. По нашим сведениям, почерпнутым из омских архивов, в Омске было размещено 84 эвакуированных предприятия, в Тюмени размес-

тились 33 предприятия, 3 предприятия принял Ишим, 2 – Калачинск, по одному – в Тазовском районе, Заводоуковске и Новой Заимке, всего – 125 предприятий¹⁵. А сколько предприятий было разгружено без документов? Мы пока не берем в расчет массу оборудования, которое снималось прямо с проходящих эшелонов по мере необходимости волей партийного и советского руководства для размещавшихся в Омске предприятий, о чем нередко говорилось в воспоминаниях бывших работников обкома партии, облисполкома. В то же время сотни вагонов с оборудованием эвакуируемых предприятий по решению ГКО были выгружены в Омске без должного оформления в октябре 1941 г.¹⁶ Это оборудование затем использовалось на местных предприятиях.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 1995. – Т. 2. – С. 55.

² Вознесенский Н. А. Избранные произведения. 1917–1947. – М., 1979. – С. 504, 582.

³ Колесников А. Д. Эвакуированные предприятия в Сибири // Верность героическим традициям партии и народа, 1945–1985. – Омск, 1985. – С. 105–112.

⁴ Вознесенский Н. А. Указ. соч. – С. 504, 582.

⁵ История Великой Отечественной войны. – М., 1961. – Т. 2. – С. 148.

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 293.

⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1973. – Т. 10. – С. 91.

⁸ Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

⁹ Васильев Ю. А. Сибирский арсенал: деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. – Свердловск, 1965. – С. 133.

¹⁰ Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Омск, 1961. – Т. 2. – С. 281.

¹¹ Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. – Новосибирск, 1968. – С. 58.

¹² Кузик Л. И. Омская областная парторганизация в годы войны // В грозные годы. – Омск, 1973. – С. 19.

¹³ Омичи – фронту. Омская область в Великой Отечественной войне. – Омск, 1985. – С. 95.

¹⁴ Очерки истории города Омска. – Омск, 2005. – Т. 2: Омск. XX век. – С. 209; Энциклопедия города Омска. – Омск, 2009. – Т. 1. – С. 383; Энциклопедия Омской области. – Омск, 2010. – Т. 2. – С. 148.

¹⁵ БУ ИсАОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 114. Л. 56; Д. 139. Л. 96, 97; Д. 301а. Л. 145.

¹⁶ Омская область в годы Великой Отечественной войны. – Омск, 2005. – С. 26–27.

ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

С. Е. Никитина

*Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН*

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГЛУБОКОГО ТЫЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ: ТРУДОВОЙ ФРОНТ ЛЕНСКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ

На многие тысячи километров удален был Ленский район Якутии от фронта. В первые же дни войны началась запись добровольцев на фронт, в июле развернулся призыв в армию. Был введен новый трудовой режим: удлинен рабочий день, отменены очередные отпуска и заменены денежной компенсацией, узаконены обязательные сверхурочные работы в виде субботников и воскресников, в целях мобилизации денежных средств населения был установлен военный налог и выпущены военные займы. В жесточайшей нехватке всех товаров была введена карточная система снабжения населения продовольственными и промышленными товарами¹.

В 1940 г. в Ленском районе лесоразведовательная экспедиция под руководством будущего директора Ленского леспромхоза Константина Акимовича Куля высоко оценила перспективность лесной промышленности Ленского района, важной для народного хозяйства отрасли. За годы войны Ленский леспромхоз превратился в мощную лесозаготовительную организацию с разветвленной сетью участков. Нюйский, Мурьинский, Крестовский, Солдыкельский, Нахарский и Хамринский участки быстро развернули свою деятельность. К началу войны в лесу работало всего 285 чел., к 1944 г. численность ленских лесозаготовителей достигла уже 749 чел.² Была проведена мобилизация колхозников, что позволило увеличить штат лесозаготовителей на 150 чел. В режиме военного времени к работе на Нюйском и Солдыкельском лесоучастках привлекались спецпереселенцы: немцы, финны, литовцы

и эстонцы из Прибалтики, Ленинградской и Саратовской областей. Наравне с мужчинами на самых трудных участках лесозаготовок работали 350 женщин и 149 подростков. Задание было для всех одинаково жестким. Ленский леспромхоз заготавливал по 180 тыс. м³ древесины в год: 143 из них сплавляли по Лене в северные районы республики для строительных нужд золотодобычи, часть отправляли в Якутск, остальное шло на нужды самого района. Это был титанический труд, ведь все производственные процессы на лесозаготовке, вывозке и сплавке выполнялись вручную. Отсутствие техники и надлежащей рабочей силы заставляло постоянно искать новые методы для поднятия эффективности труда. В 2–3 раза повысила производительность лесозаготовок замена обычной двуручной пилы лучковой. Лесорубы стали выполнять план на 200 % и более. Вскоре «трехсотниками» стали лесорубы Васильев, Никитин, Добрынин, Еремеев, Шведов, «двухсотниками» – Воробьев, Шеин, Балякин, Иванов, Ощепков, Черепанов, Бармалев, Авдеев и др. В годы войны для работы в лесной промышленности были оставлены по брони многие специалисты: Михаил Григорьевич Брян, Прохор Иванович Кармонов, Иван Прохорович Долбилкин, Алексей Матвеевич Некрасов, Константин Акимович Куль. Во многом их стараниями эта отрасль народного хозяйства республики работала бесперебойно и во всевозрастающих объемах поставляла ленскую высококачественную лесопroduкцию.

По всему району гремело имя рабочей Солдыкельского участка Анастасии Сергеевны Жировой. Она первой из женщин стала работать лучковой пилой и на распиловке леса выполняла сменное задание на 200–250 %. Приемам своей работы, всем ее хитростям и тонкостям А. С. Жирова обучила 17 подруг, которые стали передовиками производства, истинными мастерами лесопильного дела. Так, в газете «Социалистический труд» отмечено: «Байкина, работая молотобойцем, выполняет норму на 140 %. Петучина работает на ледяной дороге, свой участок содержит в отличном состоянии и норму выполняет на 158 %. Хорошо работают женщины-лесорубы Познева, Писарева, Андреева, Ощепкова, Карнаухова, Хлобукина, они выполняют норму на 100–130 %»³. Соревнование лесорубов проходило под девизом «Все для Победы!».

Из-за войны завоз некоторых товаров в Якутию был прекращен полностью, по другим – значительно сокращен. Вопросом первоочередной важности стало развитие местной промышленности. Все годы войны в Ленском районе действовали три промышленных артели «Промкооператор» в Мухтуе, «Пищевик» в Витиме и артель им. XVIII партсъезда в рабочем поселке Пеледуй, которые занимались выпуском товаров народного потребления. В промартели «Промкооператор» был

налажен выпуск кирпича и извести, развивалось обозостроительное и бондарное дело. В трудных условиях люди шили одежду, обувь, производили ремонт ношенного. Работали в районе пять смолокуренных заводов, добывали смолу, деготь, скипидар. Они производили в год 150 т смолы. Предприятия промартели Мухтуи только за один 1944 г. произвели 64 т извести, 1000 кг скипидара, изготовили 500 пар спортивных лыж, 10 телег, 80 саней, 100 дуг, пошили большое количество верхней и нижней одежды разных видов⁴.

Особое внимание уделяло руководство района производству муки. 13 мельниц для размола зерна насчитывалось в Ленском районе. Были они в основном водяные и конные, но имелись и мельницы иного типа: тракторная – в колхозе «Красная звезда» и паровая – в Мухтуе. В год все эти мельницы производили более 250 т муки⁵.

Поскольку соль в Якутию не поступала, на роднике у р. Пеледуйки появился сользавод, работали четыре варницы⁶. Пеледуйский сользавод снабжал солью не только жителей Ленского района, но и многие заготпредприятия Якутии. В годы войны Кемпендэйский и Пеледуйский сользаводы выполнили фронтовой заказ, добыв в 12 628 т соли при годовом плане 12 500 т. «Неплохо поработал Пеледуйский сользавод (директор Тихонов), добывший 2 115 т соли при годовом задании 2 000 т. В августе за его хорошую работу сользаводу была присуждена третья Всесоюзная премия»⁷.

Люди на сользаводе работали удивительные. Старший мастер солеваров Николай Фомич Евдокимов, бригадир солеваров Иннокентий Петрович Карнаухов, Николай Сергеевич Кузьмин и другие задавали тон в работе. Не уступая мужчинам, работали и женщины. На варнице трудилась Анна Никифоровна Орлова. Здесь по штату полагалось двое мужчин, а она справлялась со сменным заданием одна. Освоила паросиловую установку и стала заправским кочегаром-машинистом Валентина Алексеевна Батышева.

Пеледуйская верфь Главсевморпути – крупнейшая верфь деревянного баржестроения на Лене. За годы Отечественной войны на ней построили 156 судов общей грузоподъемностью 125 тыс. регистровых тонн⁸. В условиях войны значение Северного морского пути сильно возрастало, поскольку увеличилась добыча стратегического сырья – олова, слюды, золота и других цветных металлов в Якутии и Магаданской области. Флот и все предприятия Главсевморпути, в их числе и Пеледуйская судовой верфь, были военизированы. Строительство судов было объявлено фронтowym заданием. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины и подростки. «Пришли они в цеха, заменив ушедших на фронт мужей, овладели техникой. Вот Хохлова К. хорошо изучила электрофуганок, работая строгальщицей, она вы-

полняла норму на 140 %. Плотник Кутимская выполняет норму на 138 %, штабельщик Кычанова К. – на 140 %, конопатчицы Быкова Е., Янкова С., Пшенникова Е., Васильева А. – на 132 %». Приказом директора судовой верфи этим женщинам была объявлена благодарность⁹. Перевыполняла сменные и месячные задания плотницкая бригада Е. В. Исаковой, состоящая из женщин. Бригада судостроителей под началом стахановца А. С. Лосева все годы войны шла в числе передовиков и считалась коллективом двухсотников. За достигнутые высокие производственные показатели коллектив Пеледуйской судовой верфи был награжден Красным знаменем ГКО, которое осталось в Пеледуе на вечное хранение. Большая группа судостроителей удостоилась боевых орденов. Среди них конопатчик Иван Фомич Бутаков, судоплотник Константин Егорович Белявский, кузнец Алексей Федорович Сомов, конопатчица Анастасия Романова, начальник техотдела Афанасий Семенович Вшивцев и др.¹¹

Вступление США и Англии в союзнические отношения с Советским Союзом и договоренности о военных поставках в СССР связали Якутию с фронтом. Самолеты из США перегонялись по воздуху через Аляску в Сибирь, а отсюда отправлялись на фронт. Началось освоение воздушной трассы Уэлькаль – Аляска – Красноярск, общей протяженностью 4 853 км. По ленд-лизу осуществлялась переброска из США промышленных товаров, оборудования, продовольствия, медикаментов и другой помощи. За короткий срок по пути следования самолетов было построено 26 аэродромов, в том числе в поселке Витим Ленского района. В июне 1942 г. на полях колхоза «Первенец» началось строительство. Были привлечены жители близлежащих якутских сел и деревень Толона, Алысордоха, Инняя. Один из строителей аэродрома житель Беченчи Афанасий Степанович Кугданов вспоминал: «Как призвали по повестке, сказали, будете строить Витимский аэропорт. Собрались мобилизованные из Чайанды, Беченчи, Орто-Нахары и другие. Не было никакой техники, все вручную. Грунт возили тачками и на лошадях. Утрамбовывали будущую временную полосу специально сконструированными катками. Словом, трудились по законам военного времени. Но нас не надо было подгонять. Хорошо понимали, что мы хоть и не на переднем крае, но тоже участвуем в борьбе, и чем быстрее будет построен аэродром, тем больше самолетов получит Красная армия, тем скорей разгромит она врага. Ежедневным заданием каждого землекопа было: вынуть десять кубометров грунта. Не выполнив задания, люди со стройки не уходили»¹². Строительство аэродрома шло с опережением графика, и уже к началу 1944 г. он был готов. Принимать его приезжала специальная комиссия из управления особой воздушной линии во главе с Дмитрием Евдокимовичем Чусо-

вым. Посадка самолетов была разрешена. Ежедневно десятки американских бомбардировщиков садились на Витимскую полосу. Заправлялись и летели дальше – на Красноярск. Ветеран Витимского аэропорта Владимир Иванович Людзеды вспоминал: «Наш аэродром принимал самолеты в дневное время. Садилась разные: транспортные СИ-47, бомбардировщики Б-25 и А-20, истребители “Кингкобра” и “Аэрокобра”. Перегоняли их наши – летчики 4-го авиационного полка 1-й перегоночной авиадивизии. Командовал этой дивизией легендарный полярный летчик, Герой Советского Союза Илья Павлович Мазурук. Американские самолеты заправлялись бензином Б-100, привезенным из США в бочках. Около 4 000 бочек получили мы за все время. Бензозаправщиков тогда не было, и вся эта масса топлива перекачивалась в самолетные баки вручную! Но самым трудным делом был прогрев самолетов в зимнее время. Машины прогревались специальными печками-фоками, которые топились дровами. Нашу, и без того непростую напряженную жизнь, отягчали скорбные случаи. Нередко получали мы с воздушных трасс сообщения о гибели летчиков. Аварии случались в воздухе. Недалеко от Витима, у деревни Садки, разбились два истребителя “Кингкобра”»¹³. За короткий срок было выполнено задание огромной стратегической важности. Сотни работников наземных служб Витимского аэропорта в суровых условиях Севера работали на пределе человеческих сил, и поистине бесценен их вклад в Победу.

Ленский район всегда славился пушным зверем и высококлассными охотниками. С началом войны промысловики ушли на фронт, однако план пушного промысла остался прежним, и казалось, что он невыполним. Пришлось взять в руки ружья старым охотникам, женщинам и подросткам. Среди охотников развернулось соревнование. Все годы войны Ленский район был по пушнозаготовкам одним из ведущих в республике. Добытая пушнина экспортировалась за границу, а взамен в СССР поставлялась военная техника, продовольствие, медикаменты.

В 1941–1945 гг. в Ленском районе насчитывалось 45 колхозов, в состав которых входило 976 небольших хозяйств. Общее количество КРС по району составляло 3 306 голов, из них 1 236 дойных коров. Кроме этого колхозы держали 3 077 лошадей, 370 овец, 814 оленей и 310 свиней. Вся посевная площадь хозяйств составляла 2 373 га, из них под пшеницу было занято 730 га, под ярицу – 321 га, под ячмень – 589 га. Картофель сажали на 385 га, под другие овощные культуры было отведено 292 га. Вся тяжесть колхозных работ легла на плечи женщин, подростков и стариков. Особенно трудным был 1942 г. Зима стояла с сильными морозами, а лето выдалось засушливым. В республике от голода пострадали многие районы. В Ленском районе прилагались невероятные усилия, чтобы собрать хоть какой-то урожай и заготовить

корм для скота. Многие хозяйства района справились с планами хлебопоставок, а некоторые даже получили рекордные урожаи и поддержали голодающие соседние колхозы республики.

В дни войны трудящиеся Якутии помогали фронту не только непосредственным участием в боях на фронтах и самоотверженным трудом в тылу, но и личными средствами. Старейший житель села Мухтуя внес в фонд обороны 1 153 руб., подписался на военный заем в сумме 1 600 руб. Патриотический почин жителя Мухтуи был поддержан во всем районе. Колхозники перечисляли в фонд обороны страны деньги, трудодни, сельхозпродукты, полученные на личном подворье. Почин колхозников Тамбовской области – собрать деньги на строительство танковой колонны, был поддержан повсеместно. Трудящиеся Якутии стали собирать средства на строительство танковой колонны «Советская Якутия». Жители Ленского района собрали 885 тыс. руб. Кроме этого ленчане внесли 287,6 тыс. руб. на строительство самолетов. Жители Пеледуя внесли более 50 тыс. руб. деньгами и около 30 тыс. руб. облигациями на строительство эскадрильи «Советский полярник»¹⁴.

С началом войны жизнь Ленского района была переведена на военный режим. Необходимо было не только перестраивать производственные структуры и закладывать новые направления экономики, важно было найти человеческие резервы. Люди самоотверженно трудились, посвящая свой труд Победе над фашистскими захватчиками.

¹ Соин Н. А., Черепанов С. П. Мы приближали этот день: кн. док. прозы. – Рязань, 1995. – С. 5.

² Там же. – С. 7.

³ Социалистический труд [Ленск]. – 1942. – 8 марта.

⁴ Соин Н. А., Черепанов С. П. Указ соч. – С. 43.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 44.

⁷ Социалистический труд [Ленск]. – 1942. – 12 марта.

⁸ ФНА РС(Я). Ф. 3. Оп. 103. Д. 80. Л. 160–161.

⁹ Социалистический труд [Ленск]. – 1942. – 12 марта.

¹⁰ Соин Н. А., Черепанов С. П. Указ соч. – С. 74.

¹¹ Социалистический труд [Ленск]. – 1944. – 24 марта.

¹² Соин Н. А., Черепанов С. П. Указ соч. – С. 84.

¹³ Там же. – С. 85.

¹⁴ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 124. Д. 219. Л. 104–105.

Н. Н. Васютина

Кемерово, Государственный архив Кемеровской области

ВЕЛИКИЙ ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ДЕТЕЙ КУЗБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кузбасс в годы Великой Отечественной войны стал одним из ключевых стратегических центров промышленно-оборонного значения. В первые же дни войны страницы Кемеровской городской (с 1943 г. – областной) газеты «Кузбасс» буквально пестрили заголовками: «Фашизм будет разбит», «Так поступают патриоты», «Заменим наших мужей и братьев на трудовом фронте», «Смерть фашистской гадине!», «Били, бьем и будем бить!» и т. д. Бесспорно, огромную помощь в приближении Победы над фашизмом наравне со взрослыми оказывали и дети. Известны многочисленные факты привлечения детей, подростков как на промышленные предприятия, так и для работы в колхозах и совхозах области.

В ГУКО ГАКО хранятся воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, в которых достаточно подробно описаны тяжелейшие условия, в которых приходилось жить и трудиться как взрослому населению, так и детям. Раиса Ивановна Миронова (в 1950-е годы руководила исполкомом Заводского района Кемерово) с 1942 по 1945 г. работала на крупнейшем заводе «Карболит»: «...Ребяточки по 14 лет творили чудеса. Они очень быстро осваивали технологию, выполняли нормы на 150–200 %. Трудно им было в ночные смены... Они так страшно хотели спать, что никакие силы не могли их удержать от этого... То и дело приходилось находить их, убежавших от прессы и где-нибудь на мешках сладко спавших. Будишь их, будишь, а они как маленькие дети, готовы плакать, никак не могут проснуться... А утром с 5–6 часов утра сон как-то проходил, и снова все трудятся, веселые и задорные...»¹.

В годы войны было невероятное количество публикаций, воззваний учителей, учащихся образовательных учреждений с различными инициативами: «учителя города [Кемерово] на призыв вождя народов СССР отвечают поголовной самомобилизацией», «молодая учительница 1-й школы едет на работу в пионерлагерь, отказавшись от оплаты своего труда. “Пусть это будет моим ответом на наглую провокацию Гитлера”»².

В это непростое время особенно была распространена такая форма оказания помощи фронту, как организация школьных тимуровских дружин. В городах и селах были созданы штабы, наблюдательные пункты, помимо помощи семьям фронтовиков, они старались выполнять обя-

занности связистов в дружинах местной противовоздушной и противохимической обороны, собирали металлолом, даже брали под охрану телефонные, телеграфные и электрические провода и другие средства связи³.

Большое значение на патриотические настроения среди подростков оказывали различные обращения самих учащихся. Особенно много таких обращений было опубликовано в газетах. Наиболее известны в Кузбассе обращения, поступившие от учащихся 3 класса школы № 18 Кемерово в 1942 г. с призывом последовать их примеру и собрать средства на постройку танка «Кемеровский пионер»⁴, от учащихся школы № 24 Кемерово, которые откликнулись на призыв учащихся школы № 67 Новосибирска и собрали более 200 руб. на постройку танка «Таня». Патриотическими настроениями были охвачены не только учащиеся школ, ремесленных училищ, но и дети дошкольных учреждений. Так, например, в газете «Кузбасс» от 26 января 1943 г. можно было прочитать обращение Гали Г. и Нэли К.: «Наши мамы рассказали, что все, кто любит Советскую Родину и желает, чтобы Красная армия скорее выгнала фашистов с нашей земли, вносят деньги на новые танки и самолеты. Когда у Красной армии будет много танков и самолетов, она победит и разобьет фашистов. Ребята тоже собирают деньги на самолет “Дед Мороз”. Мы внесли по 50 рублей каждая на самолет “Дед Мороз” и вызываем всех ребят из нашего детского сада... Пусть самолет “Дед Мороз” заморозит фрицев, чтобы они помнили, что им отомстили за тех ребят, которые погибли от фашистов...»⁵.

Многие сельские ребята проявляли чудеса мужества и колоссальной работоспособности. Они, не раздумывая, заменяли ушедших на фронт отцов, трудились на уборке урожая. В 1945 г. в газете «Кузбасс» была опубликована статья о том, что учащимися одной из школ в Юргинском районе Кемеровской области было выработано до 7 тыс. трудодней за сезон, в среднем по 80 трудодней на каждого ученика. Учащиеся и учителя Попереченской средней школы за зимний период собрали 1000 руб. на постройку танка «Попереченский школьник», за что школа получила правительственную благодарность⁶.

В условиях военного времени существенно возросла потребность в лекарственных препаратах, особенно изготовленных из растительного сырья. Из постановления СНК от 10 мая 1942 г. следовало «не позднее 1 апреля организовать краткосрочные курсы по подготовке школьников к сбору лекарственных растений... всю работу по сбору лекарственных растений организовать на основе социалистического соревнования “Школьники – в помощь фронту”»⁷. Уже в первый же летний сезон во всех школах Кузбасса были организованы пункты по приему лекарственных растений.

Не всегда положительно воспринимались те или иные патриотические призывы советских людей, но подавляющее большинство граждан, в том числе и детей, с огромным чувством долга, желанием победить немецкий фашизм отзывались на такие призывы.

¹ ГУКО ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 222.

² Кузбасс [Кемерово]. Самообмобилизация школ города. – 1941. – 15 июля. – С. 2.

³ ГУКО ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 6. Д. 21. Л. 100.

⁴ Там же. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 172, 172 об.

⁶ Там же. Д. 91. Л. 60–61.

⁷ Там же. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 4.

Е. П. Ермачкова

Заводоуковск, филиал Тюменского государственного университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКИХ ДОМОВ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом боевых действий в июне 1941 г. стали появляться детские дома в Западной Сибири, где жили, учились и воспитывались дети с оккупированных территорий, те, кто временно или навсегда лишился родителей. Всего на территории Тюменской области в военные годы действовало 86 детских домов, где воспитывалось 9,5 тыс. детей дошкольного и школьного возрастов. Известно, что в 1943 г. в Ялуторовском районе в 7 детских домах-интернатах проживало 565 детей из Ленинграда, Москвы, Сталинграда, центральной части России, Запорожья, Калмыкии, осажденных районов Курской, Орловской, Харьковской, Ворошиловградской областей.

Осенью 1941 г. Ялуторовский районный совет депутатов трудящихся, несмотря на нехватку свободных помещений, принял решение разместить эвакуированных детей в селе Лыбаево, где им отдали помещение клуба, контору сельпо, интернат, неполную среднюю школу и сельский магазин; около 40 прибывших остановились на время в Заводоуковске – в недостроенной средней школе (современный агролицей № 29); в Новой Заимке – в зданиях средней и начальной школ. В дальнейшем этих детей направили во вновь образованные детские дома и детинтернаты юга и севера Тюменской области. Начиная с конца 1941 г. исхудавших, испуганных мальчишек и девчонок приняли в детском доме № 99 на Тропинском участке Заводоуковского леспромхоза.

В основном там жили дети калмыков, но в декабре 1941 г. сюда привезли и маленьких ленинградцев. До самого снятия блокады оставались такие воспитанники в Лыбаевском детском доме № 95, Бигиле, Одине. 146 ребят в возрасте от 2 до 14 лет разместились в детинтернате на Чащинском кордоне Новозаимского района, 440 – в Пятковском. В основном все они были собраны по группам, сформированным в самом Ленинграде. В списках воспитанников Чащинского интерната можно встретить детей из детсада № 22 (53 чел.) и 18 (59 чел.), Октябрьторгина (34 чел.); в Пятково – из школ № 242 (112 чел.), 243 (187 чел.) и 259 (78 чел.), деторганizations фабрики «Ким» (29 чел.), Ремстройконторы (31 чел.)¹.

Местные краеведы довольно долго спорили, находился ли в Заводоуковске детский дом, или, как утверждали некоторые, эвакуированные ленинградцы жили здесь всего несколько месяцев в конце 1941 и в конце 1945 гг. Документов в архиве по этому детскому дому военного времени не найдено, но в краеведческом музее хранится воспоминание заслуженного учителя РФ Т. Д. Яковлевой: «Учились мы в здании санаторно-лесной школы, с нами же занимались эвакуированные из Ленинграда дети. Жили они в детском доме, многие из них ничего не знали о родителях: у кого-то на фронте, а у кого-то остались в осажденном фашистами Ленинграде. Мы старались согреть их своим теплом. Прибыли они зимой 1942 г. Часть ленинградцев была размещена по окрестным деревням, часть осталась в местном детском доме. Уроки у них вели такие педагоги, как М. И. Ефимова, М. К. Постникова, Е. Ф. Старых»². Вернувшись с фронта в конце 1945 г., в этом Заводоуковском детском доме работала А. М. Вишнякова (Некрасова). Тогда здесь еще оставались дети из Ленинграда, Москвы, центральных районов страны. Более 100 воспитанников получали в местной средней школе образование. Тех, кому исполнилось 14–16 лет, отправляли в профессиональные учебные заведения Тюмени, Омска, Екатеринбурга, Тобольска. В дальнейшем детский дом был расформирован.

Для оборудования помещений под интернаты и обеспечение их жестким инвентарем (койками, табуретками, столами) выделялись значительные суммы из окружного бюджета. Так, председателю Лыбаевского сельского совета Вавилову и директору местной школы Бушканец для обустройства детского дома выдали 6 тыс. руб.³ Но и этого оказалось мало – около 100 малышей с трудом разместились в только что подготовленных помещениях.

В сентябре 1943 г. на очередном заседании исполкома Лыбаевского сельского совета рассматривался вопрос о необходимых изменениях в детском интернате. В связи с тем, что кухня и столовая разрушились от времени, питание пришлось осуществлять в спальне старшей группы мальчиков, а их перевести в физкультурный зал школы.

Так как детей оказалось больше, чем предполагалось, возникли проблемы с питанием. Поэтому директору детинтерната Харитоновой местные власти предложили организовать подсобное хозяйство – приобрести продуктивный скот: не менее трех свиней и двух коров. Кроме этого, посадить овощи и картофель на площади не менее 6 га. Блилежащие колхозы выделяли для этих нужд 2 000 кг картофеля, 10 кг проса, 20 кг гороха и 15 кг ячменя. Необходимый участок земли взяли в аренду у колхоза «17-й партсъезд», а вспашку произвели четыре колхоза самостоятельно⁴.

В. Н. Шахтарова (Эртнер) по окончании школы в 1943–1944 гг. работала пионервожатой в детдоме № 95 с. Лыбаево. Здесь находилось три группы эвакуированных из Ленинграда детей. С ними прибыли три воспитателя, повар и работницы прачечной. Ребята любили коллективные чтения книг, слушать по вечерам интересные истории, играть в спортивные игры. Своими секретами и мечтами они делились и с вожатой, которая была старше них всего на несколько лет. Воспитатели знали все о своих подопечных, поддерживали и ободряли их в трудную минуту, сохраняли веру в возвращение домой, надежду обнять близких⁵.

К сожалению, такая обстановка была не везде. Интернат № 99, называемый местными жителями калмыцким, т. к. в нем разместили депортированных детей и взрослых из Калмыкии, не отвечал необходимым санитарным нормам. Акты обследования интерната осенью 1943 г. показали, что дети находились в плохо приспособленных бараках, изолятор располагался рядом с жилыми помещениями. Питание было довольно скудным, низкокалорийным, дети часто страдали желудочно-кишечными расстройствами. В августе-сентябре 1945 г. детдому № 99 было переведено 45 тыс. руб., спущен наряд на продукты для 100 детей и 25 сотрудников, выделено по 2 тетради на учащегося. В конце 1945 г. интернат ликвидировали, передав все имущество в соседний № 87 на Одине.

Холодным декабрьским днем 1941 г. на станции Новая Заимка встречали ленинградцев. Исхудавшие, грязные, еле живые, пассажиры вагонов могли выйти на платформу только с помощью взрослых. От вокзала до села их везли на подводах, закрытых тулупами, т. к. дети были в осенней одежде, чулках и туфлях. В здание школы взрослые их переносили на руках.

Во время своего пребывания в селе, ленинградские дети старались не общаться с местными, держались обособленно. Часть из них через месяц попала в Чащинский детский дом около с. Колесниково. Педагог А. Ситникова вспоминала, что ленинградцев разместили в домах рабочих Комиссарского отделения мехлеспхоза, призванных на фронт. Вскоре здесь появилось три новых корпуса, начальная школа, столовая. Местное население помогло с поставками продуктов, собирало средст-

ва, одежду для ленинградских детей, наладили подсобное хозяйство, где выращивались овощи и картофель. На территории учреждения работала своя пекарня и магазин. Под контролем директора детдома Т. А. Царева окончивших начальную школу переводили в интернаты Бигилы и Пятково.

Когда объявили о снятии блокады, радости маленьких ленинградцев не было конца. Но домой смогли вернуться лишь единицы. Юным ленинградцам сообщили, что из-за сломанных подвод не могут отвезти всех на вокзал, поэтому малышей пока оставляли в Бигилинском детдоме, а более взрослых отправляли на учебу в Тюмень и Екатеринбург, постепенно трудоустраивали. Сирота В. И. Ламм (1932 г. р.), немец из Саратовской области, в 1946 г. был переведен в Лыбаево, а в сентябре 1948 г. отправлен на учебу в Свердловское ремесленное художественное училище. В Тюменское педучилище попали воспитанники этого заведения Л. П. Куволайнен (Екименко), 1930 г. р., Л. И. Щлюдгавер (Лысенко). Там получали профессию еще несколько ленинградцев, воспитанников бигилинского детдома. Всем им во время обучения из детдома выдавали продукты и одежду.

Летом 1945 г. часть детских домов была расформирована, некоторые дети уехали домой. Р. Е. Рябухе, эвакуированной в 1941 г. с детьми Ленинградского завода, после войны повезло – она с отцом вернулась на родину. Многие из тех, у кого оказались живы родители, не спешили в разрушенный город. Б. Н. Ионов (1932 г. р.), родом из Ленинграда, выбыл в 1946 г. по акту передачи к родителям в Ташкентскую область, И. Унгер (1936 г. р.) перевели в детский дом № 87 Ялуторовска.

До середины 1948 г. в этом детском доме воспитывалось 183 чел.: из Ленинграда – 68, Омска – 14, Тюмени – 12, Ялуторовска – 6, Смоленской области – 4, Тобольска – 3, саратовские немцы – 2, Белоруссии – 1, Исетского района – 1, Тихвино – 1, Упорово – 1, Элисты – 1, неизвестно откуда – 3⁶. По данным на начало 1947 г., в Лыбаевском детском доме, рассчитанном на 100 мест, воспитывалось 80 сирот, 19 чел., имеющих одного родителя и только четверо, у которых были оба родителя⁷.

С момента окончания Великой Отечественной войны для многих воспитанников детского дома ничего не изменилось. Они продолжали оставаться в Сибири еще какое-то время с привычными друзьями и воспитателями. Вернуться домой к долгожданной мирной жизни в своей семье удалось единицам.

¹ ГУТО ГАТО. Ф. Р-301. Оп. 2. Д. 43. Л. 1–8.

² Заводоуковский краеведческий музей Тюменской области. ВФ-435.

³ Шестакова Н. М. Из истории детских домов и интернатов в Ялуторовске и Ялуторовском районе в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник ТОКМ – 1995. – Тюмень, 1998. – С. 74.

⁴ ГУТО ГАТО. Ф. Р-303. Оп. 1. Д. 405. Л. 5–5 об.

⁵ Шестакова Н. М. Указ соч. – С. 77.

⁶ Отдел по делам архивов администрации Заводоуковского городского округа. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 – 15 об.

⁷ Там же. Л. 1–9.

Д. В. Васенин, Л. Г. Мокроусова, А. Н. Павлова

Йошкар-Ола, Марийский технический университет

ЖИЗНЬ В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ДЕТСКИМ ВОСПОМИНАНИЯМ

Различные аспекты истории Великой Отечественной войны традиционно привлекают внимание исследователей. Детально изучены военные операции, собран огромный материал, касающийся жизни как участников сражений, так и тружеников тыла.

В советский период формирования историографии Великой Отечественной войны значительное внимание уделялось трудовым подвигам населения, деятельности органов советской власти, комсомольских организаций. Трудовой подвиг жителей Марийской АССР нашел отражение в работах В. И. Дьяконова, М. Н. Кропотовой, И. М. Соловьева¹. С конца 1980-х гг. начинается новый этап в историографии проблемы, обусловленный изменениями политической и идеологической ситуации в стране. Самоотверженный труд рабочих, служащих, колхозников Марийской АССР нашел отражение в работах Д. В. Васенина и О. А. Кошкиной².

В то же время именно события второй мировой войны вызвали к жизни огромное количество фальсификаций, по-разному воспринимают их не только люди, живущие в разных странах, но и представители разных поколений в нашей стране. В оценке Великой Отечественной войны постоянно менялись приоритеты, что нашло отражение не только в научной литературе, но и в художественных произведениях. Стремясь подчеркнуть героизм советских людей, авторы склонны затушевывать факты предательства или наоборот указать лишь на чрезмерность жертв, понесенных народом, упуская из вида великую цель, которой подчинена была вся жизнь людей в годы войны.

Беспристрастная оценка событий вряд ли возможна, когда живы их современники и участники, которые в силу своего социального ста-

туса, возраста, образования по-разному представляют и вспоминают события Великой Отечественной войны. Представители младшего поколения, для которых Великая Отечественная война все больше превращается в отдаленное историческое событие, с трудом ориентируются во множестве оценок и комментариев. Помочь молодым людям составить собственное мнение о Великой Отечественной войне, понять и оценить величие подвига советского народа должно было знакомство с современниками тех событий.

Студентам Марийского государственного технического университета было предложено записать воспоминания участников и современников Великой Отечественной войны, в том числе и детские воспоминания, которые в настоящее время еще не получили должной оценки в исторической науке. Обращение к данной аудитории позволяет раскрыть новый аспект событий: жизнь в тылу, увиденная глазами детей и подростков, повседневные трудности и радости военной поры, которые представляются обычно довольно обобщенно. Возраст респондентов (на момент начала Великой Отечественной войны) колеблется от 7 до 25 лет, большинство из них составляют дети и подростки военных лет, проживавшие к началу войны в деревне, преимущественно на территории Марийской АССР или в соседних районах Кировской области и Чувашской АССР.

По результатам опроса был составлен сборник «Живая память о войне: воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и тружеников тыла»³. Далее воспоминания цитируются по этому сборнику, страница указывается в скобках.

О начале Великой Отечественной войны большинство респондентов узнало по радио, в тех деревнях, где не было радио, как например в д. Юшкино Ежовского сельсовета Марийской АССР, – от «односельчан, которые ходили в город продавать продукты из своего хозяйства» (с. 31).

Практически в тот же день, 22 июня 1941 г., началась мобилизация. Сначала призывали молодых людей, но к 1942 г. были мобилизованы и мужчины старших возрастов, за 40 и даже за 50 лет. Например, у Рашиды Фатыховой был мобилизован отец, ему было за 50 лет, в семье осталось шесть малолетних детей, самому старшему из которых к началу войны было 11 лет, а еще раньше на фронт ушел старший брат. Рашида Фатыхова рассказала, что из деревни на фронт призывали даже 17-летних девушек, а 16-летних направляли в школы фабрично-заводского обучения (с. 56–57). П. Н. Фоминых, встретивший войну 13-летним подростком в д. Дубовлены Пектубаевского района Марийской АССР, в 1942 г. был направлен в Нижний Тагил в ремесленное училище. Все учащиеся училища работали на танковом заводе по 18 часов, где на 60–70 подростков приходился один мастер-старичок и обучению в лучшем случае уделяли час в неделю (с. 64).

В детских воспоминаниях о начале войны можно встретить оригинальные факты, которые нуждаются в дополнительной проверке, т. к. сложно разграничить детскую фантазию и реальность. Например, В. А. Максимов рассказал о том, что в начале войны из их деревни (Юшкино Ежовского сельсовета Семеновского района Марийской АССР) увезли собак, «чтобы они, обвязанные гранатами, кидались под вражеские танки» (с. 32).

Когда мужчины ушли на фронт, их работу стали выполнять женщины и дети. Учащиеся школ работали на прополке, уборке, сенокосе, после школы в деревне дети и подростки ходили на ток молотить зерно. По воспоминаниям Р. Г. Кугергиной (1932 г. р.), мать которой работала конюхом в колхозе, кормов для лошадей не хватало, слабые и молодые животные оставались в колхозе, лошадей, предназначенных для армии, держали отдельно и старались лучше кормить, контроль за этим осуществлял райком партии. Все работы на конюшне – уборка, кормление животных и пр. – выполнялись вручную, даже воду приходилось таскать ведрами, т. к. животные были ослаблены и их невозможно было использовать для этой работы (с. 28). В некоторых колхозах лошадей практически не было и в плуг впрягали быков и коров, а иногда, как вспоминает Рашида Фатыхова, плуг тащили на себе (с. 57).

Дети и подростки собирали колоски и лекарственные растения (с. 33), пасли колхозный скот (с. 51), помогали взрослым дома: гребли сено, кормили скотину, ходили в лес за ягодами, пололи и поливали грядки, копали картошку.

Жили в сложных бытовых условиях: крыши у многих были покрыты соломой, потом ею же кормили скот (с. 52). Ветеран И. Я. Филиппов говорит, что бани не было, зимой сидели в холодном доме, топить было нечем (с. 61). По вечерам местами закрывали ставни или вообще не зажигали свет, чтобы не было видно с самолета (с. 32).

Одеждой делились соседи, ее донашивали за старшими, сами шили, вязали, пряли. Во многих деревенских семьях сохранились ткацкие станки, на них из конопли ткали холсты (с. 19). Р. Г. Кугергина вспоминает, что однажды кто-то унес ее два платья, поскольку одевать было нечего, она перестала ходить в школу, пока учительница не помогла сшить платье из бумазеи (с. 28). Обувью в деревнях служили лапти, которые носили даже зимой. Овечью шерсть сдавали государству, оставшегося хватало на варежки, носки, зимние портянки. Поэтому лапти берегли: чинили, весной на подошвы лаптей прикрепляли деревянные колодки (с. 28).

В школе зимой было холодно, поэтому на уроках сидели в фуфайках, варежках, на переменах бегали, чтобы согреться. Р. Г. Кугергина вспоминает свою учительницу Анну Михайловну Буркову, позже

ставшую заслуженным учителем России: «Помню, как она клала каждому на парту по две картофелины, вареные в мундире, и мы ели во время большого перерыва их без хлеба. А между тем картошка рождалась мелкая, и было ее не так уж много. Но Анна Михайловна старалась нас всячески поддерживать и заботилась о том, чтобы мы не были голодными и обессиленными...» (с. 25).

Хотя время было сложное, тревожное, как вспоминает Н. И. Мамаева, «бытовых трудностей не замечала, молодая была. Не было теплой одежды, зимой было холодно в комнате, но на это не обращали внимания... Мы все тогда жили призывом: “Все для фронта, все для победы!”» (с. 34).

¹ Дьяконов В. И. Работа комсомольцев Марийской АССР в промышленности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды Марийского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. – Йошкар-Ола, 1958. – Вып. 10; *Он же*. Трудовые и боевые подвиги трудящихся Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Йошкар-Ола, 1970; *Кропотова М. Н.* Советы Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1973.

² *Васенин Д. В.* Промышленность и рабочие Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2004; *Кошкина О. А.* Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Йошкар-Ола, 2010.

³ Живая память о войне: воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и тружеников тыла. – Йошкар-Ола, 2010.

М. А. Орлов

Кемерово, Государственный архив Кемеровской области

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1943–1948 годы)

В 1939–1956 гг. в СССР содержалось значительное число иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Основную роль в управлении их содержанием и трудовым использованием играли органы внутренних дел. Первые лагеря для данного контингента были созданы приказом НКВД СССР № 0308 от 19 сентября 1939 г., они находились в подчинении УПВ НКВД, образованного тем же приказом. В июле 1940 г. УПВ преобразовали в УПВИ. Приказом НКВД СССР № 0014 от 11 января 1945 г. УПВИ было преобразовано в ГУПВИ, а приказом МВД СССР № 00375 от 20 июня 1951 г. –

снова в УПВИ. 14 марта 1953 г. УПВИ в связи с реорганизацией МВД СССР было расформировано, а его функции перешли к тюремному управлению МВД СССР¹. Одним из регионов, где действовали лагеря военнопленных и интернированных, была Тюменская область (до сентября 1944 г. ее территория входила в состав Омской области).

28 ноября 1942 г. был издан приказ НКВД СССР № 002597, согласно которому для использования пленных на предприятиях и лесоразработках Наркомата лесной промышленности следовало создать Тюменский лагерь на 3 000 чел. В итоге был образован первый в Сибири и единственный в Тюменской области лагерь военнопленных и интернированных № 93. Формально он существовал уже в конце 1942 г.: известны врачи, работавшие в лагере с 22 декабря 1942 г. 24 февраля 1943 г. вышел приказ НКВД СССР № 00368, предполагавший ликвидацию ряда лагерей, в том числе и Тюменского, который, однако, ликвидирован не был. 27 мая 1943 г. сюда прибыла первая партия пленных².

В первой половине 1943 г. в лагере № 93 для размещения ожидавшегося контингента были созданы 6 отделений, которые дислоцировались как в Тюмени, так и в других населенных пунктах (первая партия пленных разместились в лаготделении № 1). Поскольку запланированное количество контингента в лагерь не прибыло и со временем дальнейшее поступление уже не предполагалось, в сентябре – декабре 1945 г. три лаготделения были ликвидированы, а контингент разместили в трех оставшихся отделениях: № 1, 2 и 3. В октябре – ноябре 1946 г. (по другим данным – в сентябре 1947 г.) из-за сокращения лагерного контингента было закрыто и отделение № 3. С 1 апреля 1948 г. было ликвидировано лаготделение № 2, а в ноябре 1948 г. в связи с вывозом оставшегося контингента закрылось последнее отделение – № 1³.

Таблица 1

Подразделения лагеря № 93*

<i>Подразделение</i>	<i>Место дислокации</i>	<i>Численность контингента по состоянию на 31 июля 1946 г., чел.</i>		<i>Дата ликвидации</i>
		<i>Лимитная</i>	<i>Фактическая</i>	
Лаготделение № 1	Тюмень (в 5 км от ст. Тюмень, при фанерном комбинате № 15)	850	819	12–30 ноября 1948 г.
Лаготделение № 2	Тюмень (в 5 км от ст. Тюмень, при деревообделочном комбинате «Красный Октябрь»)	850	633	1 апреля 1948 г.

Окончание таблицы 1

Подразделение	Место дислокации	Численность контингента по состоянию на 31 июля 1946 г., чел.		Дата ликвидации
		Лимитная	Фактическая	
Лаготделение № 3	Пос. Боровое (в 20 км от Тюмени, в 1 км от ст. Андреевское озеро, при торфопредприятии «Боровое»)	500	480	Октябрь – ноябрь 1946 г. или сентябрь 1947 г.
Лаготделение № 4	Пос. Винзили (при лесозаводе)	–	–	1 сентября 1945 г. – 1 января 1946 г.
Лаготделение № 5	Ялуторовск (при лесозаводе)	–	–	1 сентября 1945 г. – 1 января 1946 г.
Лаготделение № 6	Пос. Заводоуковск (при лесозаготовках)	–	–	1 сентября 1945 г. – 1 января 1946 г.
Подсобное хозяйство	С. Червишево	Нет данных	Нет данных	15 октября – 30 ноября 1948 г.
Центральный лазарет	Тюмень	Нет данных	Нет данных	Не позднее начала 1949 г.

* Составлено по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 1, 8–10, 14, 15, 23, 25, 26.

Планом НКВД СССР предусматривалось завезти в лагерь № 93 около 6 000 пленных⁴. Однако запланированное количество контингента лагерь так и не получил. За 1943–1948 гг. через лагерь прошло до 5 058 чел.

Таблица 2

Движение контингента лагеря № 93*

Год	Содержалось на 1 января, чел.	Прибыло в течение года, чел.	Убыло в течение года			Среднесуточная численность, чел.
			Всего, чел.	В том числе умершие		
				Количество, чел.	Удельный вес в среднесуточной численности, %	
1943	–	2 373	991	70	Нет данных	Нет данных
1944	1 382	575	651	27	1,4	1 929
1945	1 306	2 105	1 231	126	4,6	2 711
1946	2 180	–	287	71	3,6	1 955
1947	1 893	–	384	18	1,1	1 711
1948	1 509	5	1 514	6	0,8	762

* Составлено и подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 14, 16.

По национальному составу контингент лагеря № 93 был исключительно европейским. Японцев и представителей других народов Азии здесь не было. Очень высок в лагере № 93 был процент румын. Так, в ноябре 1943 г. из лагеря вывезли не менее 199 румын. 5 декабря 1943 г. в лагере содержалось, в частности, 1 324 румына, 139 немцев, 118 итальянцев и 3 венгра. В первой половине сентября 1945 г. здесь было не менее 750 румын. Всего через лагерь № 93 прошло не менее 1 523 румын, что составляет не менее 30,1 % контингента, прошедшего через лагерь за 1943–1948 гг.⁵

Одной из основных отраслей, где применялся труд контингента лагеря № 93, стала деревообработка (см. табл. 1). Например, в Тюмени рабочую силу военнопленных использовал фанерокомбинат № 15 Наркомлеса. Первая партия пленных, прибывшая в лагерь еще 27 мая 1943 г., была размещена именно в лаготделении при данном предприятии. По состоянию на 1 марта 1944 г. на работах комбината было занято 414 чел. из лагеря № 93, на 10 мая 1945 г. – 1 500, на 31 июля 1946 г. – не менее 560. Часть контингента, выделявшегося лагерем, фанерокомбинат использовал на лесной бирже на работах по выемке леса из воды. Кроме того, в Тюмени труд контингента лагеря № 93 использовался деревообделочным комбинатом «Красный Октябрь», в частности на производстве лыж и лыжных палок. По состоянию на 1 марта 1944 г. здесь работали 457 чел. из лагеря, на 31 июля 1946 г. – не менее 360. Лагерь выделял также рабочую силу двум лесозаготовкам в Винзилях и Ялуторовске, направляя ее на лесозаготовки в районе Заводоуковска⁶.

Труд контингента лагеря № 93 использовался также в машиностроении. В 1941 г. на площадях бывшего пивоваренного завода был создан Тюменский мотоциклетный завод, основная часть оборудования для которого поступила из Таганрога с завода № 65. Тюменский мотоциклетный завод добился выделения себе 500 военнопленных, они были туда направлены, но, по всей видимости, так и не приступили к работе, поскольку уже в 1943 г. завод был ликвидирован, а его оборудование и кадры переброшены в Горький⁷.

Но на других машиностроительных предприятиях Тюмени труд военнопленных все же применялся. Данный контингент работал на заводе № 762 «Механик» (с 1994 г. – ОАО «Тюменский станкостроительный завод»), на заводе «Цепи Галя» (ныне приборостроительный завод). По данным на 31 июля 1946 г., отделение № 1 лагеря № 93 выделяло 50 чел. заводу № 5 Министерства сельскохозяйственного машиностроения, отделение № 2 – 100 чел. Тюменскому аккумуляторному заводу⁸.

Контингент лагеря № 93 был также занят на строительстве и в городском коммунальном хозяйстве. По данным 1943–1945 гг., лагерь выделял рабочую силу «Тагилстрою» НКВД СССР⁹. Лаготделение № 3 пре-

доставляло рабочую силу торфопредприятию «Боровое»¹⁰. Часть военнопленных работала в подсобном хозяйстве лагеря¹¹.

Уже в 1945 г. контингент лагеря № 93 начали репатриировать. Приказ НКВД СССР № 001035 от 11 сентября 1945 г. предполагал в период с 15 сентября по 10 октября 1945 г. освободить из лагерей ГУПВИ 40 тыс. военнопленных румын, в том числе 750 чел. из лагеря № 93. За все годы работы лагеря оттуда было репатриировано 2 194 чел., что составило не менее 43,4 % контингента, прошедшего через лагерь¹².

В конце 1948 г. – начале 1949 г. лагерь № 93 был ликвидирован. В связи с этим в октябре – ноябре 1948 г. часть контингента лагеря, по тем или иным причинам не подлежащую репатриации, отправили в Свердловскую область (12 ноября 1948 г. туда были вывезены последние 45 чел., оставшиеся в лагере) (см. табл. 2). Приказом МВД СССР № 001431 от 3 декабря 1948 г. была ликвидирована группа по делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Тюменской области¹³.

Пребывание военнопленных в Тюменской области имеет ряд особенностей по сравнению с другими регионами Западной Сибири – Алтайским краем, Новосибирской и Кемеровской областями. Во-первых, для Тюменской области характерны наиболее раннее поступление контингента (в Новосибирскую область он прибыл лишь в сентябре 1944 г., в другие регионы – еще позднее) и наиболее быстрое создание лагеря (в других регионах процесс создания лагерей растянулся на значительно больший срок). Во-вторых, в Тюменской области численность лагерного контингента была наименьшей в Западной Сибири (например, через Кемеровскую область прошло в 10 с лишним раз больше военнопленных и интернированных). В-третьих, в Тюменской области среди пленных был очень высок удельный вес румын. В-четвертых, контингент здесь использовался преимущественно в лесоперерабатывающей промышленности, тогда как в других регионах – главным образом в иных отраслях.

¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы. – М., 2000. – С. 72, 121, 136; Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: документы и материалы. – Кемерово, 2002. – С. 245.

² Военнопленные в СССР. 1939–1956. – С. 562, 564; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. – Волгоград, 2004. – С. 28, 979; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 22. Л. 137, 137а; Д. 109. Л. 13.

³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 1, 2, 8–10, 13–15, 25, 26.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Венгерские военнопленные в СССР: документы 1941–1953 годов. – М., 2005. – С. 281; Военнопленные в СССР. 1939–1956. – С. 806; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 13–15, 17.

⁶ Боркова Е. В. Лагерь военнопленных № 93 в г. Тюмени (1943–1948 гг.) // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск, 2004. – С. 87; Военнопленные в СССР. 1939–1956. – С. 608; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. – С. 72; РГВА. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 9. Л. 62 об.; Оп. 15а. Д. 109. Л. 8, 9, 13, 14, 20, 25; Русский архив: Великая Отечественная. – Т. 24 (13–2). – С. 201.

⁷ ЦДНИ Омской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3737. Л. 29.

⁸ Боркова Е. В. Указ. соч. – С. 87; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 8, 9, 20.

⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 9. Л. 62; Оп. 15а. Д. 109. Л. 9, 20.

¹⁰ Там же. Оп. 15а. Д. 109. Л. 10, 14, 20, 25.

¹¹ Боркова Е. В. Указ. соч. – С. 88.

¹² Военнопленные в СССР. 1939–1956. – С. 804, 806; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 24.

¹³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 14, 23, 24, 26.

Е. Н. Журавлев

*Омск, Управление Федеральной службы безопасности России
по Омской области*

ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ-ОСАДНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД И ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предвоенные годы Омская область, как и другие регионы Сибири, стала местом расселения польских спецпереселенцев-осадников, депортируемых из восточных районов Польши. Освободительный поход Красной армии 1939 г. в Западную Украину и Западную Белоруссию привел к тому, что эти области были присоединены к СССР. В связи с тем, что существующая на тот момент в Польше общественная организация «Союз осадников» воспринималась руководителями советского государства как шпионская, СНК СССР 29 декабря 1939 г. принял Постановление № 2122–617сс о депортации польских спецпереселенцев¹.

В феврале 1940 г. начались депортации польских граждан в северные районы РСФСР, Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток, которые продолжались до 1941 г. включительно. Исследователи выделяют четыре депортации польских граждан. Первая депортация (спецпереселенцев-осадников) была наиболее массовой. Омскую область затронули также третья (спецпереселенцев-беженцев в июне-июле 1940 г.) и четвертая (ссыльнопоселенцев в мае-июне 1941 г.) депортации.

Несмотря на то, что в феврале 1940 г. выселению подвергались не только этнические поляки-осадники и их семьи, но и жители вос-

точных районов Польши украинской, белорусской, еврейской национальностей, термин «осадники» в документах НКВД отнесен ко всем этим категориям и имеет расширительное толкование. В этом же смысле употребляется он и в настоящей статье.

Этнические депортации в СССР, в том числе депортации поляков, с 1990-х гг. были темой публикаций многих исследователей, работавших по материалам как центральных, так и областных архивов. Изучением депортации поляков в Сибирь занимались исследователи В. Н. Земсков, В. С. Парсаданова, Ю. П. Прибыльский Их исследования были опубликованы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда архивные материалы НКВД СССР еще не были рассекречены. В последнее десятилетие исследования по данной тематике также вела Л. Ф. Гизатуллина. Одним из лучших специалистов в этой области является А. Э. Гурьянов (НИПЦ «Мемориал»), которым изучены документальные материалы органов НКВД, хранящиеся в ГАРФе, РГВА и Центральном архиве ФСБ России.

Фундаментальным трудом по проблеме депортации польских граждан является изданный в 1997 г. сборник научных статей «Репрессии против поляков и польских граждан», подготовленный НИПЦ «Мемориал» в соавторстве с сотрудниками ФСБ России, РГВА и Центра хранения историко-документальных коллекций. В 2002 г. вышел сборник статей «Сибирь в истории и культуре польского народа», в котором опубликованы статьи российских и польских исследователей, в том числе по вопросам депортации польского населения в Сибирь. Что касается публикации документов по данной тематике, наиболее полно рассекреченные архивные документы НКВД СССР, касающиеся депортации польского населения, представлены в сборнике документов «Сталинские депортации. 1928–1953», опубликованном в 2005 г.

Несмотря на значительное количество исследований, данная тема на настоящее время является изученной не полностью. Это прежде всего касается региональных аспектов, что, безусловно, объясняется узостью источниковедческой базы, т. к. до недавнего времени архивные материалы территориальных органов НКВД не были открыты для исследователей.

Наиболее спорным вопросом в данной проблематике является численность польских спецпереселенцев в Сибири и в частности в Омской области. Это связано прежде всего с тем, что в различных источниках приведены разные цифровые данные, кроме того, исследователи проводят собственные подсчеты. Так, польский исследователь П. Жаронь сообщает, что в Омской области всего находилось более 15 тыс. бывших польских граждан². Эти данные представляются весьма неточными.

Более точные данные о числе польских спецпереселенцев, расселенных на территории Омской области, дает А. Э. Гурьянов. Подсчеты им были сделаны в результате изучения архивных материалов конвойных войск НКВД и Отдела трудовых и специальных поселений НКВД СССР. По подсчетам Гурьянова, в Омскую область прибыло: по первой депортации – 7 278 чел., по третьей – 1 603 чел., по четвертой – 5 302 чел.³ Таким образом, общее количество депортированных – 14 183 чел.

Официальные документы центральных органов НКВД также содержат разноречивые данные о численности осадников. Так, в справке отдела трудовых поселений ГУЛАГ НКВД СССР о спецпереселенцах по краям и областям по состоянию на 1 апреля 1940 г. указано, что в Омской области находятся 7 323 чел. (1 422 семьи)⁴. В справке управления исправительно-трудовыми колониями и трудовыми поселениями ГУЛАГ НКВД СССР о движении спецпереселенцев-осадников по состоянию на 1 января 1941 г. приведена другая цифра – 7 278 чел. (1 489 семей)⁵. Вопрос о расхождении цифровых данных является актуальным, но в настоящее время окончательно не решен.

В рассекреченных архивных материалах Управления НКВД по Омской области содержатся сведения в основном о первой, наиболее массовой депортации польского населения, прошедшей в феврале 1940 г. Документальные материалы, хранящиеся в архиве Управления ФСБ России по Омской области, позволяют уточнить количество осадников.

В Омскую область эшелоны с осадниками прибывали в период с 24 февраля по 1 марта 1941 г. В пяти эшелонах и 18 вагонах одного транзитного эшелона прибыло 1 413 семей – 7 312 чел. Окончательная отправка людей в места расселения была закончена 9 марта. По состоянию на 13 марта все (за исключением 50 семей) были доставлены на места вселения. Люди были расселены в 13 организованных спецпоселках Тарского и Тобольского округов Омской области. Для хозяйственного использования осадники были переданы в лесные хозяйства Облестреста. На хозяйственное освоение спецпереселенцев выделено центром 1 200 000 руб.⁶

Численный состав семьи – пять и более человек. Возрастной состав переселенцев довольно молодой, в среднем главы семей имели возраст в пределах 30–40 лет, причем велик процент детей (по предварительным учетным данным – более 50 %). За время пути следования до мест расселения умерло 12 детей и 2 старика. По подсчетам сотрудников НКВД, осуществлявших расселение, на работах было использовано не более 40–45 % к общему числу людей⁷.

В 1941 г. Совет министров СССР принял решение об амнистии всех польских граждан, высланных в СССР, на основании заключенного 30 июля 1941 г. двустороннего договора между премьером польского правительства в изгнании Владиславом Сикорским и послом

СССР в Великобритании Майским. Польским гражданам было разрешено выехать в районы с более теплым климатом.

Вопрос о дальнейших перемещениях польских спецпереселенцев и их численности на территории Омской области к концу Великой Отечественной войны также является весьма интересным и спорным. Так, П. Жаронь считает, что в 1942 г. из Омской области выехало в южные районы СССР, где происходил набор в польскую армию (армию Андерса) около 3 000 чел.⁸ В 1944 г., по его данным, из шести регионов Урала и Сибири (в том числе из Омской области) в европейскую часть РСФСР и восточную часть Украины выехало 12 300 депортированных⁹. В таблице численности польского населения по состоянию на 31 декабря 1945 г. им приведены следующие цифры: численность польского населения в Омской области, подсчитанная по письмам поляков и прессе, составляла 15 000 чел.; по отчетам областных правлений СПП – 3 432 чел.¹⁰ Первая цифра представляется, безусловно завышенной, а вторая заниженной, что, по-видимому, объясняется возможностями СПП.

Произведенным подсчетом по архивным документам Управления ФСБ России по Омской области, а именно по пофамильным спискам лиц польской и других национальностей (граждан Польши), установлено, что на февраль 1943 г. в 47 районах и 3 городах Омской области (кроме Омска) проживало 6 538 чел. (см. приложение). Тем не менее, эти оценки также не претендуют быть окончательными и, возможно, впоследствии будут скорректированы.

Летом 1943 г. в Омской области была проведена паспортизация польского населения. Всему взрослому населению вручены советские паспорта. Перед паспортизацией был проведен учет численности польского населения. Это последние учетные данные по полякам, хранящиеся в материалах Управления НКВД по Омской области. Никаких документов, касающихся учета польского населения органами НКВД после февраля 1943 г. в архивных материалах Управления ФСБ России по Омской области нет.

По подсчетам органов исполнительной власти, по состоянию на 10 апреля 1944 г. численность бывших польских граждан в Омской области определялась цифрой в 8 949 чел.¹¹ В нее вошли данные по Омску, Тобольску, Таре, Юрге, где спецпереселенцы не расселились. С 1945 г. начался процесс возвращения поляков на родину, который продолжался, по оценкам исследователей, до 1949 г.

¹ Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. – С. 109.

² Жаронь П. Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на Родину (1945–1949) // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С. 379.

³ Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в Сибири (1940–1941) // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С. 370.

⁴ Сталинские депортации. – С. 130–131.

⁵ Там же. – С. 136–137.

⁶ АУФСБОО. Ф. 87. Оп. 3. Д. 333. Л. 125–131.

⁷ Там же.

⁸ Жаронь П. Указ. соч. – С. 379.

⁹ Там же. – С. 385.

¹⁰ Там же. – С. 388.

¹¹ БУ ИсАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 1135. Л. 6.

Приложение

**Таблица численности спецпереселенцев,
проживавших в Омской области, по состоянию на февраль 1943 г.***

Районы и города	Всего спецпереселенцев по районам	Поляков**	Лиц других национальностей, прибывших с территории Польши			
			украинцев	евреев	белорусов	других
Нижне-Омский	6	4	1	1	–	–
Армизонский	13	13	–	–	–	–
Аромашевский	10	8	–	–	2	–
Павлоградский	42	36	–	6	–	–
Солдатский	4	4	–	–	–	–
Одесский	9	–	9	–	–	–
Виколовский	60	37	23	–	–	–
Ново-Займский	14	6	–	8	–	–
Бердюжский	27	7	19	–	1	–
Большеуковский	119	119	–	–	–	–
Исилькульский	21	12	5	1	3	–
Байкаловский	399	283	92	1	21	–
Крутинский	13	13	–	–	–	–
Казанский	39	14	6	4	15	–
Ялуторовский	46	19	1	25	1	–
Шербакульский	54	8	28	18	–	–
Усть-Ишимский	684	582	102	–	–	–
Самаровский	263	30	183	48	2	–
Уватский	373	333	20	–	12	8
Тевризский	48	36	10	2	–	–
Салехард	164	5	159	5	–	–
Березовский	79	3	75	–	–	1
Дробышевский	6	4	1	1	–	–
Дубровский	115	68	43	3	1	–
Юргинский	209	158	51	–	–	–
Ярковский	178	119	48	–	–	11

Районы и города	Всего спецпереселенцев по районам	Поляков**	Лица других национальностей, прибывших с территории Польши			
			украинцев	евреев	белорусов	других
Тюменский	195	150	22	17	6	–
Тюмень	222	80	27	92	10	13
Велижанский	136	79	57	–	–	–
Калачинский	30	14	–	11	2	3
Тюкалинский	68	62	–	4	–	–
Знаменский	448	420	28	–	–	–
Таврический	65	65	–	–	–	–
Муромцевский	802	132	532	35	–	3
Называевский	75	55	9	11	–	–
Оконешниковский	39	10	27	–	–	2
Любинский	7	4	1	–	2	–
Колосовский	20	20	–	–	–	–
Солдатский	4	4	–	–	–	–
Москаленский	42	27	5	6	1	3
Черлакский	13	11	1	–	–	1
Павлоградский	42	37	–	5	–	–
Седельниковский	102	77	25	–	–	–
Ульяновский	265	230	18	13	4	–
Нижне-Тавдинский	301	206	43	7	35	10
Ханты-Мансийск	68	11	1	56	–	–
Кондинский	19	17	–	2	–	–
Абатский	214	87	32	31	–	63
Тобольский	122	113	7	–	1	1
Микояновский	244	23	212	9	–	–
Итого спецпереселенцев	6 538	3 855	1 923	422	119	119

* Установить национальную принадлежность 100 чел., учтенных в общем количестве переселенцев, не представляется возможным.

** Учтены также поляки, прибывшие из Прибалтики.

А. П. Ракова

Омск, Польский культурно-просветительский центр «Полонез»

СОЮЗ ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ В ИСТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Польская тема в омском краеведении исследована более чем недостаточно, а между тем польская диаспора в Омской области не так уж и мала. По данным Омскстата, на 16.03.2007 г. в Омской области

проживало 2 842 поляка, в том числе в Омске – 1 582. Если учесть, что существует определенный пласт населения, имеющего польские корни, то численность польской диаспоры может увеличиться в 2–3, а то и более раз.

Омский историк Е. Н. Журавлев обратился к изучению истории депортации польского населения в Сибирь и Казахстан в 40-х гг. XX в. – теме, долгое время остававшейся закрытой. Поляки попали здесь в исключительно трудное положение, поэтому большую роль в их судьбе сыграл СПП. Он был создан в начале 1943 г. польскими коммунистами-политэмигрантами в СССР. У его истоков стояли Виктор Грош – публицист, деятель рабочего движения в Польше, Альфред Лямпе – публицист, автор Концепции новой демократической Польши, Ежи Путрамент – писатель, Александр Завадский – известный общественный деятель, Ванда Василевская – широко известная в СССР писательница. Главной задачей СПП было сплочение и объединение всей польской эмиграции в СССР под знаменем польской демократии и для построения социализма в будущей Польше. С первых дней существования СПП приступил к созданию своих организаций на местах.

В Омской области к маю 1945 г. насчитывалось 1 200 членов СПП¹. Цифра невелика, если учесть, какое количество поляков было депортировано в область. Но она позволила провести здесь первую областную конференцию делегатов польского населения и оформить организацию СПП Омской области, избрав его правление во главе с председателем Болеславом Розенгартом. Конференция состоялась 25–27 мая 1945 г. На ней присутствовали представители Главного правления СПП, приехавшие из Москвы. Они сделали анализ первого года работы омского СПП, отметили лучшие организации СПП на местах – в Чернолучье, Молотовском и Дзержинском районах Омска. Активисты были награждены значками Главного правления СПП.

С первых дней своего существования СПП занимался решением не только политических, но и социальных вопросов. Он стал для поляков спасательным кругом, куда они могли обратиться с просьбой о помощи, жалобой. В этом отношении характерно письмо уполномоченного Президиума Главного правления СПП в адрес председателя Омского облисполкома от 19 апреля 1944 г. с просьбой уточнить количество поляков в районах области, проверить их жилищно-бытовые условия и вместе с комиссиями общественной помощи улучшить материальное положение польских эвакуированных и в первую очередь семей военнослужащих. Это письмо – результат многочисленных жалоб бойцов и командиров Первой польской дивизии им. Т. Костюшко на плохие условия жизни их семей².

Отметим, что комиссии общественной помощи были созданы по инициативе СПП и были призваны распределять среди поляков материальную помощь, поступающую из Англии, от эмигрантского правительства Польши и из США. Такие комитеты работали в Омске (председатель городского комитета А. Д. Металль), в Полтавке (председатель Гулич), в Усть-Ишиме (председатель Башан).

Вряд ли обследование жилищно-бытовых условий жизни поляков было произведено, но справка «Сведения о количестве польских граждан, проживающих в Омской области на 10.05.1945 года» была представлена. Эта справка – очень интересный документ. Из нее видно, как были расселены польские депортированные граждане по области. Самое большое их число было расположено в таежных районах, в поселках леспромхозов, где были нужны рабочие руки: в Знаменском районе – 303 чел., в Тарском – 600 чел., в Муромцевском – 699 чел., в Усть-Ишимском – 603 чел.

В справке значится 70 семей фронтовиков. Эти семьи бойцов и командиров Первой польской дивизии им. Т. Костюшко и танкового полка им. Героев Вестер-Плятте, сформированных на территории СССР по инициативе СПП и внесших свой вклад в дело разгрома фашистской Германии. Они участвовали в освобождении Польши, многие погибли там. К сожалению, их имена нам совершенно не известны. С помощью почетного ветерана завода «Электроточприбор» Е. П. Разгуляева удалось установить имя Артура Давидовича Металля – молодого конструктора завода и председателя Омского городского комитета общественной помощи, который с группой молодых польских патриотов в 1943 г. уехал в Москву, чтобы вступить в Войско польское. Оно тоже формировалось в СССР.

СПП организовали также сбор денежных средств в фонд обороны. Так, 150 граждан Молотовского района Омска, где был 100 % охват польского населения организацией СПП, дали 1/4 всех денежных средств, собранных по подписке на восстановление Варшавы⁴. Средства собирались также на довооружение Войска польского и создание танковой колонны «Смерть за Катюнь» (в то время ни советский, ни польский народы еще не знали правды о трагедии в Катюни).

Особой заботой СПП были польские дети. В справке о количестве польских граждан, проживающих в Омской области на 10.05.1945 г., есть графа «Количество детей». Их значится более 1,5 тыс. До этого времени польские дети не были учтены. Неизвестно, были ли в Омской области польские школы, польские детские дома и сады. А если они и были, то после разрыва дипломатических отношений между СССР и Польшей в 1943 г. распоряжением СНК СССР от 26.01.1943 г. все без исключения польские учреждения перешли в ведение органов местной власти. Польские детские дома и школы были приняты в систему на-

родного образования и практически исчезли. Ситуация изменилась лишь после длительных переговоров двух правительств, когда решением СНК СССР от 30.07.1943 г. при Министерстве просвещения РСФСР был создан комитет по делам польских детей (Компольдет) и Центробанк СССР выделил польскому правительству кредит в 100 млн руб.

В задачи Компольдета входило обучение польских детей в специальных детских школах и отдельных классах при существующих школах, профессиональное обучение подрастающего поколения, подготовка польских учителей, обучение взрослых поляков, создание польских детдомов, детсадов и т. д.

Всю работу Компольдет проводил при непосредственном участии СПП. Об этом свидетельствуют документы БУ ИсАОО. Так, СПП выявляет условия для создания польских школ в районах области. В своем прошении в далее – ОблОНО (март 1945 г.) СПП просит открыть в с. Красноярка Кагановичевского района польскую школьную группу на 11 чел. На имя секретаря Областного правления СПП Ратушняка в мае 1945 г. пришла телеграмма из Знаменки: «Организуем обучение на польском языке 23 детей. Нет помещения. Учитель Цвенар Янина. Посылайте материалы и учебники»⁵.

СПП подыскивает и рекомендует учителей для польских школ. В докладной Областного правления СПП в ОблОНО от 12.10.1944 г. говорится: «Рекомендуем нижеследующих граждан на должность учителей польских школ: Квоненталь Давид – учитель с высшим образованием, работает счетоводом в Ульяновском районе Серебряковского с/с. Подсобное хозяйство завода 735. Пейсахзан Евгений – учитель с высшим образованием, работает на кирпичном заводе на Московке. Рыпович Мария – живет в Усть-Ишиме»⁶.

По инструкции Компольдета, необходимо было развернуть большую внешкольную работу среди польских детей и взрослых поляков. С этой целью должна была создаваться сеть самых разнообразных кружков. Их руководители назначались только по рекомендации СПП. Начиная с ноября 1943 г. Компольдет начал рассылать на места учебники, учебные пособия, программы для польских школ на польском языке, а также избранные сочинения польских писателей: Мицкевича, Сенкевича, Конопницкой. В этой работе деятельное участие также принимал СПП.

И, наконец, накануне освобождения Польши СПП начал составление списков «для ожидающих репатриации». Когда началось массовое возвращение поляков на Родину, 41,4 % польских граждан в СССР получили через СПП так называемые «репатриационные карточки».

Всего в 1946 г. территорию СССР покинуло 460 тыс. чел. Вторая волна поляков смогла вернуться на родину лишь в 1950 г. После 1950 г. в СССР осталось около 1,4 млн поляков.

¹ БУ ИсАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 1136. Л. 43.

² Там же. Д. 1135. Л. 3.

³ Там же. Ф. 377. Оп. 9. Д. 1136. Л. 43.

⁴ *Столяров-Король П.* Родина, заново обретенная. – Абакан, 2007. – С. 28.

⁵ БУ ИсАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 270. Л. 112.

⁶ Там же. Л. 92.

А. Н. Талапин

Омск, Институт ветеринарной медицины аграрного университета

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН В РОССИИ И СИБИРИ

Мировые войны были не только испытанием мужества российского народа, но и проверкой его человечности, гуманности по отношению к поверженному врагу. К сожалению, в современной историографии и публицистике на протяжении уже многих лет делаются настоячивые попытки уравнивать дореволюционную российскую и советскую, советскую и нацистскую политику, в том числе и в отношении военнопленных¹. Ужасы фашистской неволи, настоящих лагерей смерти для пленных фактом своего существования искажали современное им понятие плена, извращали саму цель пленения обезоруженного противника. Со времен Первой мировой войны эта цель оставалась неизменной: изоляция обезоруженного противника и прекращение в его отношении состояния войны.

Но было ли принципиальным отличие в дореволюционной российской и советской политике по отношению к пленным, было ли в итоге отличным их положение в нашей стране? Известно, что политика в отношении собственных граждан, оказавшихся в плену, была различной, и международные обязательства, взятые в отношении захваченных иностранных пленных Российской империей и Советским Союзом, не были равноценными.

Рассмотрение положения военнопленных в Российской империи, СССР и на их отдельных территориях, множество диссертаций, научные публикации, в том числе внушительного корпуса источников о военнопленных², в общей совокупности позволяют нам, как и большинству современных авторов, утверждать, что оно существенно не нарушало международных соглашений³. Внутренняя нормативная база, регулировавшая вопросы размещения, содержания и использования труда военнопленных, фактически строилась в соответствии с принципами

международного права. Отказ же СССР подписывать Женевскую конвенцию 1929 г. «Об обращении с военнопленными» носил демонстративный, идеологический характер. Этот формальный отказ имел тяжелейшие последствия, но не для иностранных пленных в СССР, а для советских граждан, оказавшихся в фашистском плену.

Состояние учета военнопленных в годы Первой мировой войны изначально было крайне неудовлетворительным, а их постоянные перемещения, особенно с 1915 г., когда началось их массовое привлечение к труду, сделали и без того слабые попытки правительства как-либо изменить ситуацию неэффективными. Власти были не готовы не только к затяжной войне, но и к наплыву пленных уже в самом ее начале. Не помогали и переписи военнопленных, проводившиеся в местах их размещения и проведения ими работ. Известна лишь приблизительная численность пленных в годы Первой мировой войны: 2–2,3 млн чел. всего в русском плену, из них не более 350 тыс. в Сибири. В начале Первой мировой войны основную массу пленных направляли в Сибирь. К 1 января 1915 г. в крае их было уже 186 тыс. (тогда в России числилось 257 тыс.), а летом 1915 г. – свыше 300 тыс.⁴

Иная ситуация сложилась в СССР в годы Великой Отечественной войны, когда учет военнопленных с самого начала был строгим и позволял проследить их динамику в местах размещения и проведения работ в фиксированные отрезки времени. Эффективному учету способствовала и незначительная численность пленных в противовес ожидавшемуся массовому наплыву в начальный период войны. Всего за годы войны в советском плену оказалось 4 377,3 тыс. чел., а после разгрома Японии их число возросло на 639 635 чел.⁵ В Сибири разместились около 235 тыс. военнопленных (но первый лагерь для пленных появился только в мае 1943 г. и до конца 1944 г. военнопленных в крае было меньше 10 тыс.)⁶.

С разным успехом решалась и проблема размещения пленных в России в годы Первой и Второй мировых войн. Сходство было главным образом лишь в том, что для размещения большой массы пленных и поддержания среди них казарменного порядка использовали специально построенные концентрационные лагеря. Но в начале Первой мировой войны в России не было ни одного концентрационного лагеря, а страна сразу же столкнулась с массовым наплывом пленных, захваченных в ходе Галицийской битвы. Из-за отсутствия лагерей их спешно размещали в наскоро приспособленных для этой цели помещениях, включая обывательские квартиры. Ни о какой казарменной строгости, несмотря на риторику властей, речи уже не шло. Обыденными стали и недопустимые контакты с местными жителями, вплоть до обзаведения военнопленными к концу войны семьей и хозяйством. Привлечение пленных к труду, часто небольшими партиями и даже одиночным порядком, только усугубляло ситуацию.

В годы Второй мировой войны в СССР уже существовала четко отлаженная система ГУЛАГа, а в первые недели войны оперативно была развернута и лагерная система, предназначенная для военнопленных. Пленными в СССР занимался НКВД (в отличие от военного ведомства, занимавшегося пленными в Российской империи и при отпуске на работы поручавшего надзор за ними гражданской администрации и частным работодателям). С сентября 1939 г. НКВД тщательно готовился к размещению пленных, используя первое время помощь работников ГУЛАГа. Администрация лагерей для военнопленных формировалась с использованием кадров, имевших опыт работы в ГУЛАГе⁷. Еще одна особенность – в годы Второй мировой войны первыми обитателями этих лагерей в СССР стали не являвшиеся пленными польские военнослужащие (ведь война с Польшей объявлена не была), т. е. «пленные» мировой войны в СССР появились еще до его вступления в войну.

Когда началась Великая Отечественная война, в СССР планировалось сразу же развернуть 30 лагерей для пленных, через месяц было развернуто уже 19 лагерей, но и их оказалось слишком много⁸. Этим ситуация с лагерями разительно отличалась от Первой мировой войны, когда лагерей не хватало и их продолжали строить, поручая частным подрядчикам, вплоть до Февральской революции, поскольку число пленных в России в 1916 г. заметно возросло благодаря Брусиловскому прорыву. Правда, с 1916 г. в Азиатской России необходимость в строительстве новых лагерей отпала, а построенные стояли полупустыми, ввиду массового привлечения пленных к труду и запрета отправлять за Урал подлежащих такому привлечению в принудительном порядке работоспособных пленных. Масса работоспособных пленных в 1916 г. из Сибири была отправлена в Европейскую Россию⁹.

Лагеря для пленных пустовали и в СССР, но не на отдельной территории в конце войны и не из-за привлечения основной массы пленных к труду. Лагеря пустовали в начале войны, когда из-за неудач на фронте Красная армия захватывала слишком мало пленных. Пустые лагеря и приемные пункты для них стали закрывать. К августу 1941 г. в СССР осталось только три лагеря для военнопленных¹⁰. Известно, что последовавший рост числа пленных (заметный уже после победы под Москвой) стал массовым только после коренного перелома в войне в ходе Сталинградской и Курской битв. Не удивительно, что широкое использование военнопленных в народном хозяйстве СССР началось только с весны 1943 г.¹¹ Этим ситуация тоже заметно отличалась от периода Первой мировой войны, когда труд пленных массово использовали и в Европейской, и в Азиатской России с начала войны.

Сибирь никогда не принимала основной массы пленных. В годы Первой и Второй мировых войн край максимально размещал около 10–

15 % от общего числа военнопленных соответственно, считаясь при этом одним из наиболее суровых регионов, местом, оказаться в котором пленные всегда боялись более всего. Наивно полагать, будто пленным отправляли в Сибирь, чтобы сделать условия их размещения более суровыми. В годы Первой мировой войны Сибирь стала одним из регионов, куда направляли преимущественно пленным славян, считавшихся «дружественными национальностями». Дореволюционная Сибирь также стала одним из первых регионов, где отправленные на работы военнопленные стали устраивать стачки, забастовки, участвовать в политической жизни края, игнорируя слабые попытки российских властей помешать этому.

В СССР неповиновение пленным не было открытым, не выходило за рамки отдельных случаев саботажа и всегда тщательно расследовалось и наказывалось. При этом и в Первую, и во Вторую мировые войны российские власти поощряли культурную и просветительскую работу среди пленным, вплоть до создания оркестров, театральных трупп, футбольных команд из военнопленных, открытия лагерных библиотек и т. п., оплачивали их труд, а в конце войны или после выхода из нее – привлекали к охране пленным самих военнопленных, лояльных к российской власти. Даже беглый сравнительный анализ политики в отношении военнопленных двух мировых войн в России, несмотря на массу явных различий и недостатков, позволяет говорить о сходных принципах гуманности, лежавших в основе дореволюционной и советской политики.

Советская политика в отношении военнопленных, в сравнении с дореволюционной, оказалась более эффективной, более соответствующей тем целям, которые перед ней стояли. В отличие от Российской империи, не сумевшей оградить военнопленных от внутрироссийских проблем, что после революции обернулось участием пленным в гражданской войне, СССР с этой задачей справился. Политика в отношении военнопленных в Сибири не имела принципиальных отличий от общероссийской, только отмеченные историками суровые природа и климат вносили специфику в их пребывание в крае. Положение пленным было тяжелым, но в России плен не был каторгой, возмездием за разрушения и потери ни до революции, ни в годы Второй мировой войны.

¹ Подобные авторы забывают даже то, что «концентрационный лагерь» – это форма, а не содержание. Такие авторы, как В. В. Поликарпов, уравнивают нацистские лагеря, ГУЛАГ и лагеря для пленным Первой мировой войны в России. Принудительный труд они называют «каторжным», как и лагеря для пленным. См. такую оценку: *Поликарпов В. В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Вопросы истории. – 2007. – № 2. – С. 94.

² См., напр.: *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.,

1997; *Талапин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005; *Гергилева А. И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006; *Кузнецов С. И.* Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 1994; Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы. – М., 2000; Венгерские военнопленные в СССР: документы 1941–1953 годов. – М., 2005; История и этнография немцев Сибири. – Омск, 2009 и др.

³ Факты, подобные извинениям бывшего президента РФ Б. Н. Ельцина перед Японией за негуманное отношение к японским пленным, которых «сталинский режим подверг лишениям, унижениям и смерти», аналогичные извинения перед Польшей за Катюнь, представляются нам неоправданными. Смертность пленных не позволяет говорить о намеренной политике истребления, расстрелянные поляки вообще не были военнопленными. Преступления в отношении пленных на территории Японии в годы Второй мировой войны или Польши в период советско-польской войны к подобным извинениям не привели.

⁴ 300 тыс. чел. – не точная оценка численности пленных. Известно, что летом 1915 г. Омский и Иркутский военные округа разместили 152 тыс. и 200 тыс. пленных соответственно. См.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. – М., 1967. – С. 16.

⁵ Военнопленные в СССР. – С. 12.

⁶ История и этнография немцев Сибири. – С. 487–488.

⁷ Военнопленные в СССР. – С. 25–26.

⁸ Там же. – С. 27.

⁹ Из-за Урала в Европейскую Россию было вывезено 120 тыс. чел. См.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 162.

¹⁰ Военнопленные в СССР. – С. 27.

¹¹ Венгерские военнопленные в СССР. – С. 7.

С. Г. Сизов

Омск, Сибирская автомобильно-дорожная академия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОМСКА ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ (1945–1953)*

В последние годы к проблемам истории повседневности проявляется большой интерес. История повседневности Омска изучена еще слабо, но в преддверие 300-летнего юбилея города комплексное исследование

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта: 10-01-67101а/Т. РГНФ и Омская область. «Повседневная жизнь Омска в годы “послевоенного сталинизма” (1946 – март 1953 гг.)».

дование повседневности города и жизненных практик его жителей представляется весьма актуальной задачей. В данной статье отражены некоторые выводы автора, изучавшего омскую повседневность в годы восстановления народного хозяйства, которые еще называют периодом «послевоенного сталинизма».

Послевоенный Омск представлял собой город с резко выросшей численностью населения, что обострило основные социально-экономические проблемы. Увеличение числа горожан происходило за счет эвакуации на восток промышленных предприятий, организаций, за счет добровольной и принудительной миграции из европейской части СССР в Омск в период войны. Несмотря на ограничения властей, в послевоенное время шел приток в город и жителей сел, находившихся в тяжелом положении в связи с голодом 1946–1947 гг. Основной комплекс проблем города был связан с недостаточным развитием водопровода и канализационных сетей, банно-прачечного хозяйства, общественного транспорта, торговли и здравоохранения. Эти проблемы были характерны не только для Омска.

Проблема развития инфраструктуры оставалась в поле зрения омских властей постоянно, поскольку стояла очень остро. В городе не хватало воды, и только с пуском Большого водопровода (1948 г.) появилась возможность удовлетворить нужды населения и предприятий. Одновременно это улучшило санитарную ситуацию, поскольку многие жители долгое время были вынуждены пользоваться неочищенной водой. В то же время во многих районах города в течение всего периода не было проведено электричество, радио. Не хватало бань и поликлиник¹.

Неразвитость инфраструктуры того времени отражалась и в отсутствии нормальной дорожной сети. Большинство омских дорог были плохого качества или просто непроезжими. Город нуждался в капитальном мосте через Иртыш (был лишь понтонный мост), строился капитальный мост через Омь (закончен в 1953 г.). Отсутствие дорог затрудняло развитие транспорта. Главным транспортом горожан оставался трамвай, но ходил он крайне нерегулярно, что приводило к толчее и давкам. Жители из-за отсутствия должных коммуникаций чаще всего ходили пешком и, если это было возможно, предпочитали не ездить на окраины города.

С окончанием войны перед омской промышленностью встала задача по переводу производства на выпуск продукции гражданского ассортимента. На выпуск предметов первой необходимости перешли металлургические предприятия, оборонные и химические заводы. Каждый из них имел специальные цехи, в которых из отходов производства производились кровати, посуда, мебель, скобяные товары, кровельный материал и т. д. Вместе с тем переход на выпуск этой продукции

был затруднен нехваткой технического оборудования, сырья, а также недостатком кадров.

Немалое количество омичей (стахановцев, новаторов, изобретателей) прославились самоотверженным трудом. Рабочие ряда заводов, эвакуированных в годы войны в Омск, жившие в крайне тяжелых условиях, ставили вопрос о реэвакуации в родные места, а некоторые из них, несмотря на уголовную ответственность, самовольно уезжали из Омска².

Существующая система здравоохранения не соответствовала потребностям резко возросшего населения Омска. В городе не хватало больниц, лечебно-профилактических учреждений, здравпунктов и медицинских кадров. Несмотря на многочисленные проблемы в сфере здравоохранения, можно отметить некоторую положительную динамику в восстановлении и строительстве больниц, оказании медицинской помощи, сокращении уровня смертности взрослого и детского населения от инфекционных болезней и т. д. В немалой степени этому способствовало наличие в городе мединститута и эвакуированных медицинских кадров.

Основным источником дохода омичей являлась заработная плата (в основном от 300 до 1000 руб.), которая далеко не всегда покрывала необходимые расходы, тем более, что существовали еще и займы на восстановление народного хозяйства. Это приводило к тому, что в самые голодные годы значительная часть омичей недоедала, не могла приобрести самое необходимое. Рацион питания населения был достаточно однообразным и скудным. Ситуацию ухудшило лишение карточек ряда социально незащищенных категорий населения. Заметную роль в самоснабжении населения играло личное подсобное хозяйство. Немало омичей держали скот, птицу, сажали картошку. Определенную помощь в этом оказывали предприятия и городские власти.

Вопросы, связанные с развитием торговли и общественного питания, первоначально не относились властями к разряду приоритетных. В условиях карточного снабжения торговая сеть была небольшой, т. к. получение товаров осуществлялось через специальные распределители (открытые расчетные системы, спецмагазины). Лишь в конце 1940-х гг. в связи с отменой карточной системы властями были предприняты меры, направленные на расширение торговой сети и сети общественного питания. Коммерческие магазины, несмотря на то, что для многих омичей их цены были недоступны, играли в целом положительную роль в снижении дефицита, а проводимые государством снижения цен давали большой политический и психологический эффект.

Обострение жилищной проблемы было связано с резким увеличением численности Омска. Десятки тысяч людей жили в неблагоуст-

роенных общежитиях, неприспособленных бараках и землянках. Жилищный фонд Омска в большинстве состоял из деревянных одно- и двухэтажных строений. Благоустройство жилья необходимым коммунальным оборудованием и мебелью было незначительным. Из-за отсутствия денежных средств, технического оснащения и профессиональных кадров строительство жилья велось с большими перебоями и нередко с большим браком.

Немалые сложности в это время были с восстановлением и развитием системы образования. Нехватка стройматериалов для ремонта школ (многие из которых в годы войны были заняты оборонными предприятиями и организациями, госпиталями), отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, дефицит школьного оборудования, учебников, высокая криминализация молодежной среды – проблемы, которые волновали и учителей, и городские власти. Последние, опираясь на помощь предприятий, стремились наладить учебный процесс. Для обучения юношества, которое не смогло в годы войны получить школьное образование, были созданы школы рабочей молодежи. Большое значение власти города и области придавали развитию профтехобразования. Ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения должны были готовить квалифицированные кадры, способные заменить тех рабочих, которые возвращались в родные города в процессе реэвакуации.

В этот же период шло восстановление высших учебных заведений. Вузам возвращались их прежние здания, что позволило активизировать учебную и научную деятельность. Омские ученые восстановили отделение Русского географического общества, открыли отделение Общества по распространению политических и научных знаний, вели большую общественную работу. Был открыт и новый вуз – физкультурный институт (1950).

Высшая школа, помимо перечисленных общих проблем образования, сталкивалась еще и с большим идеологическим давлением, связанным с рядом кампаний партийного руководства той поры. Борьба с «преклонением перед иностранщиной», «космополитизмом» была лишь поводом для властей, чтобы провести массированное идеологическое давление на интеллигенцию, осуществить увольнения «неблагонадежных элементов» в вузах. По политическим причинам только в пединституте были уволены преподаватели А. С. Сливко, Н. В. Горбань, А. К. Касьян, Р. В. Лейтман, М. С. Цыбин, Р. С. Коган, В. Б. Бередович, В. С. Харитонов. Ряд омских литераторов были подвергнуты критике за «космополитизм» (Е. И. Беленький).

Обсуждение материалов августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина 1948 г. носило в Омске

особенно жесткий характер. Имело место не только моральное давление на ученых, но и неприкрытая «охота на ведьм», увольнения ведущих специалистов. Собрания были подготовлены партийными структурами, представители обкома принимали участие в работе собраний. Увольнение еще до собрания ряда видных ученых, агрессивный, не терпящий возражений тон докладчиков (в том числе работников обкома) ставили задачу посеять страх в вузовских коллективах, пресечь возможность возражения. Одной из жертв кампании стал профессор сельхозинститута К. Е. Мурашкинский, покончивший жизнь самоубийством³.

В послевоенные годы в Омске сложилась своеобразная система досуга, которая включала в себя библиотеки, кинотеатры, театры, кружки художественной самодеятельности, клубы, концерты, праздники. Постепенно здания кинотеатров освобождались от предприятий и организаций, занимавших их в годы войны. К 1950 г. сеть культурнопросветительских учреждений была восстановлена и даже расширена (был открыт в 1947 г. театр музыкальной комедии).

¹ Сизов С. Г. Омск в годы «послевоенного сталинизма» // Повседневная жизнь горожан. – Омск, 2010. – Вып. 1. – С. 185–202.

² Сизов С. Г. Социально-бытовые условия рабочих омского танкового завода в первые послевоенные годы и проблема реэвакуации // Креативные подходы в образовательной, научной и производственной деятельности. – Омск, 2010. – С. 133–137.

³ Сизов С. Г. Образование, наука, культура (1945-й – март 1953 гг.) // Энциклопедия Омска. – Омск, 2009. – Т. 1. – С. 424–439.

Н. В. Сапожникова

Нижевартовск, гуманитарный университет

«ЭХО НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ДЕТСТВА»: ИСТОРИЯ МАЛОЛЕТНЕГО УЗНИЧЕСТВА В ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Две мировые войны подвели неутешительные итоги процесса «исторический амнезии», особенно в вопросе цены, уплаченной за Великую Победу великим страданием великого народа-победителя, частью которого стали малолетние заложники войны. XX в. оказался не просто событийно насыщен, но в той или иной степени сделал участником «всемирной исторической массовки» каждого из современни-

ков, что привело к появлению масштабного, но практически неразработанного массива источников так называемого личного происхождения, которые позволяют персонафицировать голоса прошлого, обойденного вниманием «большой истории». С этой точки зрения практически не изучена история малолетнего узничества.

Как ни парадоксально, но до сего дня нет ни одной монографической работы, посвященной заявленной нами проблеме. Она находится в той историографической проекции, где лишь намечены общие задачи исследования и те источниковые резервы, которыми на сегодняшний день располагают исследователи в связи с открытием границ, архивов и налаживанием научных контактов. Однако до сих пор остается слишком много вопросов, нуждающихся в оперативном решении. Исчезает коллективная историческая память, граничащая с «устной историей» и требующая восстановления подлинной, хотя и жестокой правды истории. Особенно это касается малолетних заложников войны, у которых не просто «затерялось» в военном лихолетье их детство, порой такое жестокое и кровавое, а, говоря словами Анны Ахматовой, им «просто подменили жизнь».

Поэтому наряду с исследовательскими задачами актуальным становится восстановление исторической справедливости с объединением усилий всех неравнодушных к данной проблематике исследователей, включая разработку международных проектов с архивацией собранных разнообразных массовых источников, их обработкой, публикацией и информационным обменом. Эта работа в том числе должна проводиться и на базе психоистории – изучения особенностей детских воспоминаний фашистского плена, самого характера исторической памяти у детей-узников в соотнесении со взрослым осмыслением ими драматических фрагментов «тотому» военной поры. Другой аспект этой проблемы – изучение резервов детского компенсаторного общения в условиях концлагеря, тех образов детства, которые оказались пронесенными через взрослую жизнь бывших малолетних узников, оказывая влияние и на последующую их судьбу.

Мощная динамика развития исторической науки в XX столетии как результат полномасштабных «исторических сдвигов» содействовала появлению целого ряда принципиально новых направлений, в том числе так называемой устной истории, возможности которой оказались необычайно востребованы исследователями при анализе процессов, происходящих в современной нам реальности начала третьего тысячелетия с ее конфликтами и войнами, страданиями взрослых и особенно детей.

В объединенной Германии до сего дня военная проблематика находится на острие большинства общественных дискуссий, несмотря на

этап исторического «примирения и согласия». Во Фрайбургском исследовательском центре сконцентрированы основные источники и начата реализация крупных исследовательских проектов по военной истории, особенно Второй мировой войны, с публикацией многотомной серии научных трудов. Примечательно, что именно в этом городе на чердаке одного из домов была обнаружена так называемая фрайбургская коллекция, собранная нацистским чиновником, заинтересовавшимся символической стороной жизни остарбайтеров. К чести этого человека, в сложных условиях тотального психоза он сумел увидеть в невольниках людей, сохранивших свои традиции и человеческое лицо. Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке создали общенациональный архивный резерв «коллективной памяти нации». У нас в России, с ее богатейшим историческим наследием, такого рода собрания лишь начинают создавать.

А время уходит вместе с теми, кому есть что рассказать об «осколке» той всемирной истории, что, как снаряд, догнав, навсегда врезался в сердца бывших малолетних узников концлагерей. Между тем многие из них так и не обрели право на собственный голос, покинули этот мир не услышанными. Лишь единицы из уцелевших узников концлагерей, в том числе малолетних, которых с каждым днем становится все меньше, получив это право, могут им воспользоваться. Вместе с ними исчезает «устная история» как индивидуализировано-уникальная память об их войне, поскольку у каждого она оказалась своя. Член нижевартовского общества «Жертвы войны» Александр Николаевич Евсеенков так и не знает обстоятельств своего рождения в 1942 г. Вторично выданное свидетельство о рождении, где указывалось, что он родился в фашистском концлагере, Александр Николаевич получил лишь в 1993 г. Как он вспоминает, телеграмма брата, извещавшая его о получении этого свидетельства, стала тем событием, что расколола его жизнь на «до» и «после». Повторное свидетельство о рождении, но уже австрийское, было получено в 2008 г. и его землячкой Тамарой Николаевной Плецкой, родившейся в фашистской неволе.

Общеизвестно, что печи крематориев фашистских концлагерей не только сжигали тела своих жертв, в том числе и младенцев, но и уничтожали Память, которая способна становиться оружием политической борьбы, аргументом в международных спорах либо тайным хранителем «народной печали». Память подразделяется на коллективную и индивидуальную, естественным образом взаимосвязанные, равно как и дистанцированные по временным и смысловым уровням. Коллективная память развивается по собственным законам, и проникающие в нее «осколки» индивидуальных воспоминаний видоизменяются настолько, что

уже не принадлежат одной только личности, расширяя смысловые границы самого исторического процесса.

Индивидуальная память, хотя и локализована достаточно узкими пространственно-временными рамками, способна стать частью большой истории, как, например, дневники двух погибших девочек: блокадный – русской Тани Савичевой и оккупационный – бельгийки Анны Франк. И если коллективная память являет собой скорее панораму жизни, то вторая – ее персонифицированный «дубль». В словесную формулу это было уложено Генрихом Гейне: «Мир раскололся пополам, и трещина прошла через мое сердце», а потому – «под каждой могильной плитой лежит всемирная история».

Мозаичность воспоминаний воссоздает не только трагизм, но и силу нашего прошлого через цену, уплаченную каждым советским человеком, даже погибшим младенцем, за то, «чтобы свеча не погасла» и не прервалась в веках великая «нить российской Ариадны». Это «ключ с правом передачи», который должны принять от предков новые поколения исследователей-патриотов.

Однако память и ненависть – не синонимы. В своей книге «Магия мозга и лабиринты жизни» замечательный ученый Наталья Петровна Бехтерева заметила, что из множества наследуемых признаков человек лишен единственного – передаваемой по наследству ненависти. Поэтому воспоминания очевидцев тех трагических событий – бывших малолетних узников фашистских концлагерей позволяют обогатить нашу коллективную память за счет тех ее страниц, что были заполнены когда-то детской рукой, рукой жертв фашизма, но не для умножения ненависти, а для наращивания силы и духовности России.

Вот почему таким важным стало дело, которому студенты молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее» Нижневарттовского государственного гуманитарного университета, созданной при кафедре истории России Н. В. Сапожниковой, посветили несколько лет напряженной работы. В 2003 г. они впервые встретились с членами Нижневарттовского общества бывших малолетних узников концлагерей «Жертвы войны». Были установлены рабочие контакты с ведущими музеями страны: центральными и региональными, музейным комплексом Пушкиногорье – Михайловский заповедник (Псковская область); исторической лабораторией Нижнетагильской социально-педагогической академии; поисковым центром «Соболь» (Нижний Тагил); архивами – Управления ФСБ по Омской области, музея на Поклонной горе, ГАРФом, ЦАМО, Нижнетагильским архивом Тагиллага и Богословлага; общественными и ветеранскими организациями; клубами исторической реконструкции; кадетскими классами.

Однако центральным проектом ассоциации стало создание «“Говорящей” Книги Памяти как эха несостоявшегося детства» тех, кто ребенком оказался в самом эпицентре войны – в лагерях смерти, развернутых на оккупированной территории СССР и в Европе. В основе концепции проекта была заложена идея не формально продекларированной «преемственности поколений», а живой контакт с прошлым, звучащим в голосах тех, кому есть что рассказать о пережитой ими Истории. Поэтому вышедшая к 65-й годовщине победы «“Говорящая” Книга Памяти как эхо несостоявшегося детства» (Нишневартовск, 2010) стала не просто сборником воспоминаний. Она отражает определенный научный аспект осмысления причин полномасштабного мирового апокалипсиса, трагически преломленного в «детских» воспоминаниях бывших малолетних узников на уровне устной истории. Поэтому мы предложили новый подход, включив в книгу мультимедийный модуль, который делает Книгу Памяти «говорящей».

Думается, именно такой подход позволяет осознать неискренность иных юбилейных торжеств, заставляющих задуматься: что это – урок совести, исторической справедливости или «юбилейный штрих» отчетной документации? Какие формы работы способны сделать гражданственно-патриотическую деятельность общезначимой и интересной для молодежи, наполнив ее созидательным нравственным смыслом? Вопросы непростые, равно как и процесс поиска ответов на них. Свой вариант ответа на эти вопросы мы предложили самим форматом «“Говорящей” Книги Памяти как эха несостоявшегося детства». Нельзя допустить, чтобы исчез великий российский народ. Уничтожив его национальную память и превратив россиян в манкуртов, можно получить очередное, еще более масштабное «белое пятно Истории».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: история Великой Отечественной войны в деятельности архивов и музеев

В. А. Вихорнов

Москва, Российский институт культурологии

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НА ЭКРАНЕ И В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. нашел воплощение на экране: в художественных фильмах и документальном кино. Тогда традиции оперативной хроники, публицистического репортажа особенно ярко проявились именно в документальном кинематографе. Около 260 кинооператоров работали в составе фронтовых киногрупп, снимая уникальные исторические кадры этой страшной войны.

О жизни нашей страны в первые месяцы войны рассказали такие ленты, как «Наша Москва» (режиссер М. Я. Слущкий), «Молодежь, на защиту Родины!» (режиссер О. Б. Подгорецкая), «Письмо на фронт» (режиссер И. М. Посельский), «Хлеб – Родине» (режиссер Л. И. Степанова), – все 1941 г., «День войны» (режиссер М. Я. Слущкий, снимали более 100 операторов), «Разгром немецких войск под Москвой» (режиссеры Л. В. Варламов и И. П. Копалин) – оба фильма 1942 г., «Черноморцы» (1942), «Народные мстители» (1943) – оба фильма режиссера В. И. Беляева. Летопись героической борьбы советского народа продолжали фильмы: «Ленинград в борьбе» (1942, режиссеры Р. Л. Кармен, Е. Ю. Учитель, В. М. Соловцев), «Сталинград» (1943, режиссер Л. В. Варламов), «Битва за нашу Советскую Украину» (1943) и «Победа на Правобережной Украине» (1945) – оба фильма режиссера А. П. Довженко, «Битва за Севастополь» (1944, режиссер В. И. Беляев), «Освобожденная Франция» (1944, режиссер С. И. Юткевич), «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944) и «Берлин» (1945) – оба фильма снял режиссер Ю. Я. Райзман, «Разгром Японии» (1945, режиссеры И. Е. Хей-

фиц и А. Г. Зархи) и многие другие. «Кинолетопись» Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. хранится в настоящее время в Российском государственном архиве кинофотодокументов и Госфильмофонде России.

В многообразии документальных картин значимую позицию занимает лента об окончательном крахе фашистской Германии – «Берлин» (1945, режиссеры Ю. Я. Райзман и Е. И. Свилова). С апреля 1945 г. Юлий Райзман начал готовиться к съемкам полнометражного документального фильма «Берлин», о взятии немецкой столицы советскими войсками.

Сценарный план фильма был заранее согласован с планом операции и в ходе съемки он остался почти неизменным. Съемки битвы за Берлин начались с форсирования советскими войсками Одера. Эту ленту о капитуляции Германии снимали тридцать операторов. Не все из задуманного создателями фильма удалось снять, и не весь готовый материал попал в фильм, например, подготовка к Берлинской операции, удлинняющая картину.

В ленте «Берлин» акцентировано документальное свидетельство кульминационного момента картины – подписание акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германией, с участием Г. К. Жукова, который оставил об этом историческом событии подробные воспоминания¹. В них отражена психологическая характеристика исторического момента подписания акта в 0 часов 53 минуты 8 мая 1945 г. В своих мемуарах Г. К. Жуков приводит лишь первый пункт «Акта о капитуляции». На наш взгляд, будет уместным привести этот последний документ войны целиком, т. к. он, наверняка, будет интересен читателям.

АКТ

о военной капитуляции германских вооруженных сил 8 мая 1945

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, – Верховному Главнокомандованию Красной армии и Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 г., остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие

и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений парходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, примененным к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени Германского Верховного Командования:

КЕЙТЕЛЬ. ФРИДЕБУРГ, ШТУМПФ.

В присутствии:

по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии

Маршала Советского Союза Г. ЖУКОВА,

по уполномочию Верховного Командующего

Экспедиционными силами Союзников

Главного Маршала Авиации ТЕДДЕР².

Окончание Второй мировой войны зафиксировали присутствие-вавшие при подписании в качестве свидетелей командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, главнокомандующий Французской Армией генерал Делатр де Тассиньи.

Райзман в одном из интервью сообщает об этом эпизоде из второй части фильма – «Взятие Берлина»: «...в момент подписания царил дикая сумятица, операторы и фотографы бросались снимать то Жукова, то Кейтеля, то наших союзников. В довершении всего представители генералитета, сидевшие перпендикулярно к столу Жукова, то и дело хватили меня за рукава и умоляли: “Ручку, ручку, ручку! Достань

ручку, которой подписывал Кейтель!”. “Удалось”: раздал пять или шесть ручек, которые на самом деле принадлежали журналистам. После этой свалки я ожидал, что мне достанется по первое число, поскольку генерал-полковник Калинин, член военного совета, поначалу запретил присутствие такого количества операторов (их было тридцать), но я сослался на правительственное задание, и, в конце концов, он разрешил остаться в зале и снимать всем тридцати – при условии соблюдения тишины и порядка. Я-то настоял на этом, потому что понимал, как всем им, фронтовикам, хотелось присутствовать при финальной сцене этой исторической драмы.

И вот меня вызывает Жуков. Я подхожу и пытаюсь принести извинения за тот разгром, который учинили мои подопечные. А он отвечает: “Ничего страшного. Этот акт должен быть запечатлен. Вы мне скажите, удалось это сделать или нет?” “Думаю, что удалось, товарищ командующий: снимало большое количество операторов, материала будет достаточно”. “Ну, хорошо, – говорит Жуков. – А шум и свалка в историю не войдут”»³.

О следующем эпизоде Ю. Райзман вспоминает: «...На следующее утро, 9 мая, в 4 часа вечера с отснятой за последние дни пленкой на специальном самолете я вылетел в Москву. Я был единственным пассажиром. Мы подлетаем к советской столице в 10 часов вечера. Полная тишина. И вдруг небо озарилось заревом невиданного и неслыханного салюта в честь Победы. Море разноцветных огней устремились к нам, в небо. Я метался от одного иллюминатора к другому. Не думаю, чтобы кому-нибудь посчастливилось увидеть в жизни что-нибудь подобное – Салют Победы в таком ракурсе. И через ликующую Москву, пробираясь по улицам, загруженным народом, я повез на киностудию коробки с бесценной пленкой»⁴.

Менее чем за двадцать дней полнометражный документальный фильм «Берлин» был смонтирован и впервые показан на экранах. За эту ленту, как и за фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией» Юлий Райзман в 1946 г. получил государственные премии СССР. Кроме Райзмана постановлением Совета министров СССР от 29 июня 1946 г. государственной премии СССР в области кино за 1945 г. по хроникально-документальной кинематографии первой степени были удостоены Е. Свилова, Б. Дементьев, Л. Мазрухо, И. Панов, В. Томберг, С. Стояновский за фильм «Берлин».

Полный список киноучастников фильма «Берлин», смонтированного на Центральной студии документальных фильмов в 1945 г. следующий: автор-режиссер Ю. Райзман, режиссеры монтажа Е. Свилова и И. Сеткина. Киногруппа 1-го Белорусского фронта – А. и Е. Алексеевы, И. Аронс, К. Венц, Н. Вихирев, Э. Волк, Г. Гибер, Г. Голубев,

Б. Дементьев, Л. Дульцев, Г. Епифанов, Д. Ибрагимов, Р. Кармен, И. Комаров, Н. Киселев, А. Левитан, Ф. Леонтович, В. Лезерсон, Г. Мухин, Л. Мазрухо, И. Панов, М. Посельский, С. Семенов, Г. Сенотов, В. Симхович, Б. Соколов, В. Соловьев, А. Софьин, В. Томберг, А. Усольцев, В. Фроленко, М. Шнейдеров, Н. Шпиковский. Киногруппа 1-го Украинского фронта – Г. Александров, М. Арабов, А. Богоров, К. Бровин, Н. Быков, П. Горбенко, Г. Островский, А. Погорелый, С. Шейнин. Начальники фронтовых киногрупп: Л. Саков и М. Ошурков.

Большой благодарности заслуживают Российский государственный архив кинофотодокументов в Красногорске (Московская область) и Госфильмофонд России в г. Белые столбы (Московская область), которые проводят огромную работу по восстановлению, сохранению и изучению фильмов, в том числе и о Великой Отечественной войне. Ее плодотворные результаты подтверждает проведенный 1–5 февраля 2011 г. фестиваль архивного кино «Белые Столбы. 2011», который стал 15-м, юбилейным. В рамки его работы была включена и программа, посвященная 70-летию начала Великой Отечественной войны. В немецких документальных картинах «Поход на Балканы» (1941) и «Германское вторжение в Россию» (1941) показано нападение германских войск на Югославию и на СССР. В последней картине вообще не отражено сопротивление наших войск: зафиксирована многотысячная сдача бойцов Красной армии в плен и циничные бомбежки фашистами советских населенных пунктов и военных объектов.

На этом фоне хроники «Союзкиножурналов» № 57 и 58 за 1941 г. с изображением многотысячных митингов, на которых клеймятся позором и осуждаются агрессоры, выглядят, несмотря на лозунги «Враг будет разбит! Победа будет за нами!», очень неубедительно из-за чрезмерной политизации.

Примечательно, что в цикле фильмов «Война в цвете» в немецких цветных фильмах «Артиллерия вступает в действие» (1940) и «Тревога на тропинке» (1943), а также в киножурналах «Панорама № 2», «Панорама № 3» (оба – 1943) и «Панорама № 4» (1944), немецкие кинематографисты показали как ужасы войны, так и мирную жизнь. Война, снятая на цветную пленку, была показана и в наших картинах «Трофеи великих битв» (1943) и «Парад Победы» (1945)». Перечисленные документальные ленты были представлены Российским государственным архивом кинофотодокументов.

В 2005 г. небольшим тиражом издан аннотированный каталог «Фильмы о Великой Отечественной войне»⁵, подготовленный при участии научного отдела отечественного кино Госфильмофонда России, в котором в хронологическом порядке перечислены художественные

фильмы, выпущенные в прокат с 1941 г. по 2005 г. Книга может быть полезна киноведам, историкам кино и киноманам.

Для истинных историков-архивистов, изучающих Великую Отечественную войну, настоящим подарком является подготовленная по заказу Министерства обороны Российской Федерации книга «Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии»⁶. В этом многотомном документальном издании отражена вся история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ранее эти сводки были закрыты, а теперь они доступны для многих исследователей и тем более для простых читателей. К настоящему времени в издательстве «Воениздат» (Москва) вышли все девять томов.

Том 1. Вторжение. 22 июня – 30 сентября 1941 г. (2008).

Том 2. Срыв плана молниеносной войны. 1 октября – 31 декабря 1941 г. (2008).

Том 3. Через новые испытания. 1 января – 30 июня 1942 г. (2008).

Том 4. Схватка на Юго-Западном направлении. 1 июля – 31 декабря 1942 г. (2008).

Том 5. На пути к Огненной дуге. 1 января – 30 июня 1943 г. (2008).

Том 6. Коренной перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 г. (2010).

Том 7. Прорыв к государственной границе. 1 января – 30 июня 1944 г. (2010).

Том 8. Освобождение. 1 июля – 31 декабря 1944 г. (2010).

Том 9. Великая Победа. 1 января – 24 мая 1945 г. (2010).

В заключение следует отметить, что тема Великой Отечественной войны еще долгое время будет актуальна и востребована для углубленного изучения. И в этом главную роль будет играть доступность архивных материалов о войне, будь то рассекреченный документ или документальная кинохроника.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 1960. – С. 665–667.

² Карпов В. В. Маршал Жуков. – М., 1998. – С. 428–429.

³ Первый век нашего кино: Фильмы. События. Герои. Документы: энциклопедия. – М., 2006. – С. 469.

⁴ Там же.

⁵ Фильмы о Великой Отечественной войне. – М., 2005.

⁶ Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. – М., 2008–2010.

Е. А. Поправко

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА ПРИМОРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Годы Великой Отечественной войны занимают особое место в истории нашей страны, в том числе и Приморья. Музейное дело, как и другие государственные и общественные структуры, должно было перестроиться на военные рельсы: начать выполнять новые задачи, не забывая и о традиционных функциях. Особое значение в этот период придавалось массовым формам работы. Приказы Наркомпроса № 656 и 675, вышедшие в 1941 г., требовали проведения работы вне стен музея, создания выставок-передвижек для обслуживания предприятий, колхозов, домоуправлений, госпиталей¹.

Все музеи страны отмечали сложности, связанные с тем, что не хватало опыта в комплектовании фондов и создании из этих материалов выставок и стационарных экспозиций прямо в процессе совершающегося события. Единственным пособием была книга профессора Н. М. Коробкова, общие рекомендации и инструкции содержали официальные документы². В результате во всех музеях страны тематика выставок, особенно в 1941–1942 гг., мало была связана с текущими событиями. Для ведения агитаторской работы НИИ краеведческой и музейной работы подготовил и рекомендовал к внедрению выставки «Героическое прошлое русского народа», «Били, бьем и будем бить», позволявшие включать в экспозицию любые примеры успешной борьбы с врагами³.

Находясь далеко от театра боевых действий, Приморский краевой краеведческий музей испытал все трудности при выполнении требования Наркомпроса отразить Великую Отечественную войну в своих экспозициях. Задача усложнялась тем, что в годы войны руководство музеями, пожалуй, впервые за советский период оценило важность таких принципов музейной экспозиции, как предметность и наглядность. В 1937 г. комиссия КрайОНО, требовавшая от Владивостокского краевого музея ускорить работы по открытию экспозиции «Окончательная победа социализма в СССР и сталинская Конституция», в ответ на затруднения музейных работников «Как делать эту экспозицию, если предметы отсутствуют», дала совет, вполне отражавший тогдашнее понимание роли музеев: «Начать изготовление этих предметов самим»⁴. В годы войны экспозиции, составленные из газетных материалов и схем с диаграммами, уже не соответствовали поставленным задачам.

Официальные документы Наркомпроса возлагали обязанности по руководству работой музеев (в том числе по сбору материалов о вой-

не) на местные органы народного образования, но на практике получить такую поддержку было крайне сложно. Местные органы зачастую сами не знали, что конкретно надо делать, а попытки получить помощь из центра также оказывались неудачными.

Приморский краевой краеведческий музей пытался найти поддержку и помощь у вышестоящих инстанций. В 1941 г. здесь создают выставку по Великой Отечественной войне. Выставка с момента ее открытия была ограничена только плоскостным материалом, большинство которого составляли газетные вырезки – тексты и иллюстрации. В декабре 1941 г. Музей обратился с письмом в Народный комиссариат просвещения с просьбой оказать содействие в получении для выставки трофейного оружия и обмундирования. Письмо было передано в «Институт музейной и краеведной работы». Только в июне месяце музей получил «несколько плакатов и лозунгов, а вслед за этой посылкой – письмо с указанием, что помощи никакой Институт оказать не может»⁵.

И все же выставка в музее пополнилась новыми экспонатами, причем исключительно благодаря активности сотрудников музея. Сама эта история, на наш взгляд, показывает, насколько мало внимания уделялось Приморскому музею, про него часто просто забывали (в том числе и вопреки требованиям, звучавшим в упоминавшихся выше официальных документах), отсутствовал музейный актив из числа жителей города и края. Интересно, что в соседнем Хабаровском крае ситуация была совершенно иная: уже при создании выставки «Отечественная война 1941 г.», демонстрировавшейся с 17 июля по 5 сентября в местном парке культуры и отдыха, отдел пропаганды и агитации Хабаровского Крайкома ВКП(б) оказал содействие краеведческому музею в получении копий документов, схем, портретов, плакатов, фотографий из фильмотеки конторы Главкинопроката, а Горком ВКП(б) выделил для ее обслуживания группу опытных лекторов⁶.

Полноценная выставка по Великой Отечественной войне появилась в Приморском краеведческом музее благодаря тому, что «в марте месяце (1942 г. – *Е. П.*) вернулась делегация приморцев, отвозившая подарки на ленинградский фронт и привезла трофейное оружие, обмундирование и снаряжение гитлеровской армии. Первоначально трофеи были переданы городскому дому партактива, но благодаря настояниям музейного коллектива, коллекция была передана в музей, и в связи с ее получением выставка была коренным образом перестроена». Описание в отчете явно свидетельствует, если бы не «настояния музейного коллектива», эти материалы могли не передать музею, а просто выбросить. Хотя нельзя не признать, что в дальнейшем выставка постоянно пополнялась⁷.

С этого момента «Оборонная выставка» привлекает посетителей и играет огромную роль в массовой работе Приморского музея. В 1942 г. музей разрабатывает новый тематико-экспозиционный план этой выставки. В плане за 1944 г. значится: «ежемесячно пересматривать всю экспозицию Великой Отечественной войны и обновить материал»⁸.

Своеобразным дополнением к этим материалам становится «выставка, привезенная из Японии» – часть проекта «Всемирная панорама», привезенная осенью 1941 г. Ее планировали отправить в Японию. Из документов музея не ясно, побывала эта выставка в Японии или нет. В плане 1-го полугодия 1942 г. говорится: «Развернуть выставку, *привезенную из Японии*» (выделено мною. – Е. П.), но в отчете за 1-е полугодие 1942 г., где дано описание этой выставки в стенах музея, сообщается, что она «должна *была быть развернута в Японии*» (выделено мною. – Е. П.), что подразумевает, что до места назначения она не добралась⁹.

Приморскому музею досталась та часть, которая была посвящена Советскому Союзу и отражала достижения сталинских пятилеток, рост промышленности, сельского хозяйства и культуры нашей страны. Понятно, что контраст между довоенной жизнью (несомненно, приукрашенной, но все же мирной) и войной создавал особый экспрессивный настрой и усиливал воздействие музейных предметов. Об этом свидетельствуют и отзывы посетителей (цитируя их в своем отчете, сотрудники музея обосновывали важность дальнейшего пополнения выставки и не теряли надежду, что эти отзывы помогут получить помощь от вышестоящих инстанций)¹⁰.

Одновременно разрабатывались типичные для военного времени выставки на темы героического прошлого народов нашей страны. Названия выставок вполне отражают особенности экспозиционной работы военного времени. Первые выставки по войне, как и в других музеях страны, отражали борьбу с захватчиками вообще, т. к. отсутствовал необходимый материал для создания экспозиций на темы борьбы с фашизмом: «Борьба русского народа с немецкими рыцарями», «Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием», «Богдан Хмельницкий и присоединение Украины к России», «Империалистическая война 1914–1917 гг.», «Борьба украинского народа с немецкими оккупантами в 1918 г.» и др. По мере появления такого материала менялся и характер стационарных экспозиций. К 1943 г. у Приморского краевого краеведческого музея появилось достаточно материала для организации передвижных выставок на темы Великой Отечественной войны.

При этом музей уделял внимание и тем отделам, которые появились до войны: природы, истории дореволюционного прошлого, социалистического строительства. Их экспозиции менялись с учетом требований военного времени. Так, в отделе природы появился раздел «Расовая теория», призванный разоблачать идеологию фашизма¹¹.

Экспозиционно-выставочная работа Приморского краевого краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны, несмотря на сложность условий, в которых ее приходилось вести, продемонстрировала со всей очевидностью значимость базовых принципов музейной работы: предметности, наглядности, использования подлинных материалов. Именно экспозиции, созданные с соблюдением этих принципов, вызывали наибольший отклик публики, формировали патриотический настрой.

¹ Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени (директивные и инструктивные материалы для музеев). – М., 1943. – Вып. 4. – С. 8–11.

² *Коробков Н. М.* Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны. – М., 1942; Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени (директивные и инструктивные материалы для музеев). – М., 1943. – Вып. 4. – С. 12–19.

³ Музей и власть. – М., 1991. – Ч. I. – С. 193–203.

⁴ *Рубан Н. И.* Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920–1930-е гг.). – Хабаровск, 2002. – С. 115.

⁵ Архив ПГОМ. Оп. 1. Д. 34. Л. 6 об.

⁶ *Корнева Л. В.* Просветительная и образовательная деятельность Дальневосточных музеев в формате исторического развития региона // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2005. – № 3 (7). – С. 110.

⁷ Архив ПГОМ. Оп. 1. Д. 34. Л. 6 об., 11 об., 7 об.

⁸ Там же. Д. 37. Л. 2 об.

⁹ Там же. Д. 34. Л. 2, 6–6 об.

¹⁰ Там же. Л. 7–7 об.

¹¹ Там же. Д. 32. Л. 3; Д. 34. Л. 27.

Е. В. Антропов

Новосибирск, Музей города Новосибирска

ПУБЛИКАЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА КАК ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА УСТНОЙ ИСТОРИИ

Актуальность записи устных свидетельств определяет обращение к социальному и культурному опыту современников исторических событий XX в., повышение внимания к исторической памяти отдельного человека, к личным, локальным сюжетам, наполненным подлинными эмоциями и общечеловеческими ценностями. Центральное

место в коллективной памяти современников и потомков вплоть до начала XXI в. занимает Великая Отечественная война, определившая глубинные демографические процессы на несколько поколений вперед.

Исследования исторической памяти современной городской молодежи отмечают абсолютное преобладание рассказов о героизме и мужестве предков – участников войны среди общего числа семейных преданий¹. Отмечаемые героические сюжеты родственников, чьи судьбы оказались глубоко травмированы войной, захватывают родословные молодых респондентов на протяжении от пятого до третьего поколений. Социокультурный опыт поколения, закончившего массовое крестьянское переселение за Урал и начавшего индустриализацию, освоение целинных и залежных земель, представляет уникальное материальное и духовное наследие, составляющее значительную часть идентичности граждан постсоветской России.

Вместе с тем актуализация значительной роли поколения переломной эпохи в современном российском обществе требует введения новых форм символизации и визуализации, что хорошо продемонстрировали медийные проекты празднования 65-летия Победы, успешно реализованные в федеральном масштабе. Новосибирск, потерявший в годы войны около 180 тыс. чел., но ставший опорным центром эвакуации производства, науки, образования и культурных ценностей, принявший около 70 предприятий и десятки тысяч рабочих с семьями, активно включился в поиск актуальных форм публикации материалов устного и визуального происхождения через непосредственных участников Великой Отечественной войны и свидетелей повседневной жизни Новосибирска в военные годы.

Устные и визуальные материалы имеют значительный потенциал воздействия на аудиторию, преимущество тиражирования в пространстве Интернет и распространения проектов за счет инициативы общественных организаций и отдельных граждан. В 2010–2011 гг. Музей города Новосибирска во взаимодействии с партнерами инициировал или поддержал несколько направлений работы, связанных с актуализацией мемориальных символов в городской архитектурно-пространственной среде, организацией интервьюирования ветеранов войны и старожил города и последующей публикацией устных материалов в сети Интернет, печатных изданиях, выставочном и экскурсионном проектировании.

Приоритетной деятельностью в преддверии 65-летия празднования Победы стало формирование календарного и тематического плана записи бесед с ветеранами войны, построение пофамильного списка и реализация серий интервью. Основной массив собранных свидетельств был отобран для печати в нескольких сборниках воспоминаний, а так-

же записан и растиражирован на DVD дисках «Галерея ветеранов Великой Отечественной войны» в проекте «Люди, опаленные войной» при поддержке городских общественных организаций, киностудий, журналистов и студенческих волонтерских объединений.

Последняя форма записи свидетельств, как наиболее эффективная с позиции методики устной истории, получила продолжение в стартовавшем в 2011 г. проекте «900 дней братства» – долгосрочном межрегиональном сотрудничестве, направленном на исследование и популяризацию истории блокадного Ленинграда, эвакуации культурных ценностей, наследия жителей северной столицы в Новосибирске в военные и послевоенные годы. Социокультурное влияние эвакуированных ленинградцев на повседневную жизнь сибирского города оказалось значительным и долгосрочным. К 1943 г. из северной столицы в Новосибирск было эвакуировано 16 предприятий, около 128 тыс. ленинградцев, что составило четверть населения Новосибирска. Они не только вносили огромный вклад в выпуск военной продукции, но и стараниями артистов, художников и ученых во многом определяли ритм культурной жизни сибирского города военных лет. К концу 2010 г. в городе оставалось 444 жителя блокадного Ленинграда. Именно эти люди и стали предметом пристального внимания видеокамеры и диктофона в руках журналистов, операторов и сотрудников музея.

Впервые был реализован уникальный проект централизованного доступа к информации о расположении воинских мемориалов, памятных мест, мемориальных табличек и эвакуационных госпиталей на карте города с помощью справочника «ДубльГис». Новый информационный слой справочника сразу включил в себя более двухсот мемориальных объектов Великой Отечественной войны с фотографиями и историческими справками с последующей перспективой обновления. С помощью программы можно увидеть памятники, доступ к которым невозможен, т. к. многие из них находятся на закрытых территориях заводов и учреждений.

Результаты деятельности по реконструкции пространственно-архитектурной среды города военных лет в воспоминаниях жителей Новосибирска были опубликованы также в виде специальной выставочной экспозиции, спроектированной с использованием документов, фото- и видеоматериалов из семейных архивов ветеранов и старожил, а также уличной пешеходной экскурсии «Маршрут Победы» по одной из старых площадей города. В основе проектирования маршрута также лежало заданное тематическое интервьюирование.

В ходе работы над проектами по актуализации исторической памяти, связанной с Великой Отечественной войной, Музей города Новосибирска приобрел не только бесценные записи воспоминаний, но

и наладил механизм взаимодействия с местными поисковыми ресурсами, позволяющими вести эффективную информационную работу. Это ведомственные и районные музеи, инициативные краеведческие центры на базе библиотек, творческих и профессиональных союзов, советов ветеранов и домов культуры. Практика показала, что накопленные ими свидетельства о повседневной жизни местных территориальных и производственных сообществ нуждаются в систематизации, а сами учреждения и объединения – в координации деятельности в общих интересах, что стало одной из причин открытия Центра устной истории, создающегося на базе музея и ИАЭТ СО РАН в марте 2011 г.

Основной целью деятельности Центра устной истории является создание комплексной системы сбора, хранения, систематизации и публикации исторических источников устного и визуального происхождения на основе планомерно организованной работы с очевидцами и участниками исторических событий, социальных и культурных явлений и практик городской повседневности Новосибирска. Деятельность Центра на перспективу призвана содействовать развитию социокультурного пространства города, аккумуляции традиций городского сообщества, обеспечению культурной преемственности и укорененности.

¹ *Антропов Е. В.* Устойчивость этнического самосознания современной городской молодежи (по данным анкетирования в Новосибирске) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – С. 414–418.

Н. И. Можан

Омск, Музей боевой славы

МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ им. Л. Н. ГУРТЬЕВА КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Музей боевой славы им. Л. Н. Гуртьева средней общеобразовательной школы № 96 Омска основан в 1974 г. и посвящен истории боевого пути 120-й (308-й) Гвардейской Рогачевской трижды орденосной дивизии имени Верховного Совета Белорусской ССР. Дивизия была сформирована в Омске 25 марта 1942 г. на базе Омского военно-пехотного училища под командованием его начальника полковника Леонтия Николаевича Гуртьева и прошла фронтовыми дорогами от Сталинграда до Берлина.

Создатели музея – ветераны 120-й (308-й) стрелковой дивизии и партизанского отряда «Сибиряк» – А. В. Дежурова, С. М. Пендюк, В. И. Данилова, З. А. Путилова, педагог Р. Я. Си-Се-Лу, А. М. Немира; руководили музеем в 1981–1987 гг. – А. В. Соколова; в 1995–2010 гг. – Л. Г. Сморгенко.

Началом создания музея был поход по местам боев Гуртьевской дивизии от Сталинграда до Рогачева (Белоруссия). Собрали много экспонатов. Завязалась переписка с ветеранами, присылались фотографии, документы, военные реликвии. Музей носит имя Героя Советского Союза Леонтия Николаевича Гуртьева, что подтверждено сертификатом.

В 1997 г. «Юные гуртьевцы» поставили цель – пройти по местам боев 120-й (308-й) стрелковой дивизии. В сентябре участвовали во всероссийском слете поисковых отрядов в с. Самофаловка Городнищенского района Волгоградской области. Ребята побывали на высоте 154,2 м, где 308-я стрелковая дивизия приняла первое боевое крещение. Поисковики школы встречались со старейшими жителями села, записали на аудио- и видеокассеты воспоминания о тех днях. Эта поездка послужила толчком для вступления детского объединения «Юные гуртьевцы» во Всероссийскую организацию поисковых объединений «Союз поисковых объединений». Программа была утверждена в Российском комитете по молодежной политике в Москве. Так в Омске был организован первый поисковый отряд учащихся школы в содружестве с ПТУ № 46.

Неизгладимый отпечаток в душах ребят оставили экспедиции по поиску останков защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны, экспонатов военной археологии. Сама местность напоминала 1940-е гг. Ребята увидели незаживающие раны от взрывов, остатки траншей, окопы, где до сих пор лежат незахороненные воины.

Поисковики представляли себя на месте тех солдат, которые здесь когда-то рыли окопы и траншеи. На месте поисковых работ почва каменистая, копали ее на глубину 2 м. Работали и на болоте. Перезахоронили останки в братскую могилу у хутора Селиваново Клетского района Волгоградской области. Ребята вспоминали фильм «Они сражались за Родину», который снимался именно в этой местности, где велись раскопки. В своих анкетах ребята написали, что эта экспедиция научила общению, по-иному относиться к ветеранам, что на следующий год они готовы ехать за свой счет. В фонды государственных музеев страны только за 1997–1998 гг. передано более 40 экспонатов, в том числе и в Музейный комплекс воинской славы омичей.

На базе музея за эти годы прошли семинары для руководителей школьных музеев города и области, открытые городские и областные

мероприятия совместно с другими объединениями – детским дворовым клубом, школами № 63, 133, детскими садами. Активисты музея подготовили более сотни докладов и сообщений о Великой Отечественной войне.

Музей обладает застекленными витринами, в которых расположены экспонаты – предметы амуниции, личные документы воинов, а также осколки снарядов, найденные во время раскопок поисковыми группами. В архиве музея хранятся документы, письма и воспоминания ветеранов дивизии и партизанского отряда «Сибиряк». Создана витрина подарков музею, где собраны книги, макеты, памятные значки и знаки, а также стихи, посвященные музею.

Экспонаты, письма, воспоминания, фотографии, книги безмолвно лежат на стендах и в архивах Музея боевой славы им. Л. Н. Гуртьева, пока к ним не прикоснутся ветераны, экскурсоводы, музейные сотрудники и все заинтересованные. Тогда они оживают и уносят в прошлое, вслед за героической и драматической историей нашей Родины. Школьники, объединенные в группу «Поиск», проводили и ведут активную работу по переписке с ветеранами, сбору воспоминаний.

В архиве музея сохранились письма ветеранов, и в частности письма В. С. Денисенко, в которых Владимир Степанович делится воспоминаниями о своем боевом пути в партизанском отряде «Сибиряк». На Витебской земле можно встретить много бывших партизан этого отряда. Мало где война оставила столь страшный, опустошительный след, как в Белоруссии. Тысячи братских могил остались на ее земле. За этими могилами бережно ухаживают местные жители и ребята из школ и поисковых отрядов. Многие школы носят имена героев-партизан.

В своих письмах в Музей боевой славы им. Л. Н. Гуртьева Владимир Степанович сообщает, что родился в марте 1928 г., в д. Силки Витебской области. К началу войны окончил шесть классов. Война прервала учебу. Гитлеровские войска оккупировали Белоруссию. Красная армия с тяжелыми боями отступала, но вера, что бойцы вернуться и освободят, была сильной. Чтобы помочь быстрее расправиться с гитлеровскими палачами, в тылу врага начали работать подпольные организации из числа коммунистов, комсомольцев. С первых же дней оккупации были организованы партизанские отряды. Многие взрослые мужчины, в том числе и старшие по возрасту товарищи, ушли в партизаны. В д. Силки (она находится среди лесов), размещались многие партизанские отряды, в том числе и отряд «Сибиряк».

В. С. Денисенко вспоминает, что в 1942 г. он с завистью смотрел на молодых партизан, обвешанных гранатами, патронными лентами. Они показывали трофейное немецкое оружие и даже давали иногда выстрелить из автомата или винтовки. Володя вынашивал планы

партизанить, но жаль было матери и двух сестренек. Ведь он остался самым старшим в семье, отец ушел в партизаны. В 1942–1943 гг. зимой прошли слухи, что большие карательные отряды фашистов наступают на партизан по всей Витебщине, забирают молодых людей и увозят в Германию. Эти слухи оказались верными. В январе 1943 г., на рассвете, деревня была окружена немцами и полициями. Забрали весь скот у населения, очистили хлева и забрали молодежь (от 16 до 30 лет). Несмотря на то, что подростку не было 16 лет, документов не было, доказать было нечем, парня забрали. Всех построили и погнали по целине, снег по пояс, дорог нет. В этой толпе была и мать. Сестренки остались с бабушкой. Как только вошли в лес, решил во что бы то ни стало сбежать от немцев. Для этого предложил полицию помочь гнать коров. Скотину гнали следом, по утопанному людьми снегу. Как только оказался возле коров, то сразу же шмыгнул в густую чащу и упал. Когда колонна немного удалась, и Володя почувствовал, что близко никого нет, бросился бежать в глубь леса. Бежал до тех пор, пока не выбился из сил. Дождавшись темноты, выбрался к своей деревне, узнав, что все фрицы ушли, возвратился домой. Бабушка с сестренками обрадовались, но потом стали бояться, что немцы обязательно придут, т. к. все были переписаны. На железнодорожной станции Городок, где должны были погрузить в вагоны, парня действительно не досчитались. За то, что сбежал, могли перестрелять остальных и сжечь деревню. Бабушке и сестренкам сказал, что до прихода партизан будет прятаться, а потом уйдет с ними. С января по март 1943 г. скрывался в лесу и искал партизан. И только в марте в деревню ночью прибыли разведчики из отряда «Сибиряк». Узнав об этом, Владимир от них не отстал, так и прибыл на стоянку. Командиром отряда тогда был товарищ Щурин, а комиссаром – товарищ В. А. Попов, они и приняли в отряд. Так с партизанами прошагал до июля 1944 г. по Витебской области.

В своих воспоминаниях Л. М. Лебский пишет, что ушел с завода им. Козицкого, где работал столяром, добровольцем в партизанский отряд «Сибиряк». 16 октября 1942 г. отряд под командованием старшего лейтенанта Поддубного перешел фронт в районе 1-й Белорусской бригады. Прибыли в Городокский район Витебской области, в бригаду им. ВЛКСМ комбрига Райцева. Отряд занял деревню Романово, где до него находилась полиция. Отсюда ходили на задания. Лебский в отряде был пулеметчиком и у него был немецкий трофейный МТ-34. Участвовал в трех операциях против полиции. Был участником диверсии, в ходе которой взрывали рельсы и пускали эшелоны под откос. В следующей операции при переходе железнодорожного полотна в районе деревни Высокое, дали лошадей с боеприпасами для других отрядов. Пехота перешла железную дорогу, а обоз остался, перейти не смогли из-за огня и подхода немецкого бронепоезда. Через два дня на сторону

партизан перешел легион татар – 980 чел. А еще через день немцы начали прочесывать лес. Эта карательная экспедиция продолжалась около двух недель. Остатки отряда «Сибиряк» под командованием Землякова несколько раз вступали в перестрелки и устраивали засады. После окончания карательной операции в отряде произошла переформировка партизанского отряда. Много татар из легиона и часть местных партизан составили 3-й отряд бригады Райцева. Командовать им прилетел из-за линии фронта капитан Слобода. Л. М. Лебский был награжден орденом «Красной звезды».

В воспоминаниях участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны просматриваются невероятные человеческие страдания, горе, нищета, голод, которые помогают разобраться, через какие адские муки пришлось им пройти. Пусть наша память о поколении победителей будет светлой.

О. А. Милищенко

Омск, аграрный университет

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОМГАУ (1975–2010 ГОДЫ)

В дни празднования 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне в 1975 г. руководство, партийный комитет и комсомольская организация Омского сельскохозяйственного института приняли решение о создании (а точнее воссоздании) музея истории института. Одной из главных стала экспозиция, посвященная ветеранам войны и труженикам тыла под названием «22 июня, ровно в четыре часа...», вторящая известной песне военного времени. Это самодеятельная выставка экспонатов и реликвий ветеранов и членов их семей с 1981 г. была размещена в специально выделенном аудиторном зале института, открытие которого состоялось 24 февраля. Первыми активистами по сбору материалов, освещающих боевую биографию как ветеранов, так и павших в сражениях стали заведующий заочным отделением, ветеран войны майор Владимир Николаевич Червоненко, директор музея Инна Васильевна Мишкина и лаборант кафедры защиты растений Августа Николаевна Сборовская. Все художественно-оформительские работы были выполнены выпускником и ветераном землеустроительного факультета ОмСХИ Анатолием Васильевичем Вахрамеевым. Создатели выставки получили существенную поддержку от ректората вуза, комсомольской, партийной и профсоюзной организаций, а также активистов Совета ветеранов ОмСХИ или, как они говорили, – Сibaки.

Для Сибачи война началась так. В воскресенье утром 22 июня 1941 г. спортивный студенческий отряд отправился от причала в очередной шлюпочный поход по Иртышу до Тобольска. Это мероприятие сопровождалось веселыми и задорными проводами остающихся в Омске студентов и преподавателей. В районе дачи Чернолучье, что у села Красноярка, флотилию шлюпок нагнал комсорг и видный спортсмен-велосипедист В. Ф. Степкин. Он остановил поход и сообщил, что началась война с Гитлером. Оставив шлюпки в деревне, участники похода вернулись на присланной полторке в Сибачу, где и состоялся общий многолюдный митинг протеста в связи с коварным нападением Германии. С краткой патриотической речью выступил секретарь парткома вуза С. М. Губкин. Многие студенты и преподаватели, не дожидаясь повесток, сами с митинга отправились в городской военкомат.

Более 300 студентов, аспирантов, преподавателей и выпускников ОмСХИ ушли на фронт добровольцами и по призыву. Это была сила – сила духа и интеллекта. Даже фашисты были удивлены уровнем общего образования и культуры наших бойцов¹. К этому стоит добавить, что большинство ушедших с кафедры и со студенческой скамьи ОмСХИ имели очень даже неплохую физическую и организационную подготовку. За два довоенных года они обучались в рамках сначала военного кабинета, а затем кафедры рукопашному бою и бою с использованием стрелкового оружия, немецкому языку и медицинскому делу, специальностям радиста и минера-подрывника, имели навык действий на пересеченной местности в пешем порядке и на лыжах. Многие ушли в партизанские отряды, разведывательные группы, истребительные батальоны. И враг не ожидал такого отпора².

Неверно утверждение, что война была неожиданной: были стратегические, тактические и политические просчеты, но были и самоотверженность, патриотизм, впитанный бывшими студентами и преподавателями Сибачи в предвоенное время, была вера в победу над врагом³. И пример тому – документальные свидетельства ветеранов и героев: дневники, письма, похоронки.

В годы войны оставшиеся в вузе преподаватели и студенты были объединены в три факультета. Количество кафедр сократилось. Коллектив был организован по-фронтовому: сотрудников и учащихся разбили на трудовые роты, бригады и звенья. На время войны все считались мобилизованными на работу в тылу, на оборону. После занятий проходили дежурства в госпиталях и в подшефном совхозе.

Закончилась война для Сибачи почти буднично. Население городка института за годы военного лихолетья сильно сократилось, а место возле корпусов, где трудились рабочие, эвакуированные из блокадного Ленинграда и подконвойные политзаключенные, считалось режимным и находилось под охраной стрелков ВОХР. Режим был

строгим, т. к. по соседству, на территории СибНИИСХ, располагался эвакуированный в Омск штат Народного комиссариата земледелия СССР. 5 мая 1945 г. прошел митинг у памятника С. М. Кирову, где собравшимся рабочим, преподавателям и студентам директор института А. П. Мацкевич объявил об официальном окончании войны. Пора ликования и печали наступила для сибакковцев позже, в сентябре, когда в вуз стали возвращаться немногочисленные герои-ветераны. Завод реэвакуировали поздней осенью 1945 г., но многие ленинградцы остались с семьями в Омске.

После войны многие ветераны оставили свои мемуары, письма, фотографии, которые после их смерти были переданы на хранение в музей вуза⁴. Несмотря на натиск «рыночников» с дипломами историков и предательство «перебежчиков», эти документы, связанные с исторической правдой, правдой о роли Народного комиссара обороны СССР, Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, правдой о вкладе его и его партийных соратников в Победу над фашистской Германией и милитаристской Японией до сих пор хранятся энтузиастами музейного дела, историками и ветеранами, которые знают и верят в то, что историю не переписать. Именно эти энтузиасты и напоминают о героях, о войне и о Победе.

В справочном издании «Победители. О сотрудниках ОмСХИ – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», подготовленном в 1994 г. активистами Совета ветеранов ОмСХИ-ОмГАУ (в первую очередь А. Н. Сборовской, И. В. Мишкиной, А. В. Вахрамеевым, В. Н. Червоненко, Г. П. Сапрыгиным, Н. М. Крючковым, Н. С. Ильиным, А. М. Ситниковым, Г. И. Зезиной, М. А. Соловьевой), при поддержке ректора ОмГАУ, местной партийной организации и месткома были опубликованы музеем материалы более чем о 250 участниках Великой Отечественной войны⁵. Второе издание книги при поддержке ректората ОмГАУ было подготовлено членами клуба «Ветеран» (секретарь Р. Д. Зубарева, художник А. С. Вахрамеев, фотограф В. А. Тимонин, заведующий музеем О. А. Милищенко) к 55-летию Победы⁶. Здесь были отмечены ратные подвиги и боевой путь Героев Советского Союза почетного гражданина Омска А. М. Ситникова, заведующего военной кафедрой А. П. Дмитриева, а также кавалера ордена Кутузова и Александра Невского И. Т. Обушенко, «омского Маресьева коргачинской заправки» В. И. Колпакова, известного вузовского активиста, первого председателя красного революционного студенческого клуба «Землероб», организатора и первого декана факультета механизации сельского хозяйства ОмСХИ, первого директора СибНИИЗХ, участника Финской войны И. В. Зезина, организатора партизанского движения на Западной Украине В. Д. Сытенко, белорусского партизана из Барановичей доцента Н. А. Циринского, капитана истребительного батальона

С. И. Леонтьева, рядового А. К. Адрианова, участника Финской войны Ржевской операции, окруженца профессора Г. П. Еремеева, освободителя Ропши, Нарвы, Талина М. П. Плеханова, освободителя Украины и Польши гвардии младшего сержанта Л. М. Орлова и многих других.

Среди павших за Родину и отмеченных в материалах поисковой работы музея числятся первокурсники и аспиранты, выпускники ОмСХИ и Омского ИВМ, добровольцы и военнообязанные, многие из которых были отличниками учебы и сталинскими стипендиатами. Это разведчица Зоя Макарова, десантник Петр Копырин, медсестра Вера Ивашова, лейтенант Залман Токер, рядовой Николай Дурыманов, старший лейтенант Герман Тельнов, рядовой Валерий Чепляев, снайпер Александр Столповский, рядовой Николай Глазычев, разведчик Виктор Сергиенко, рядовой Петр Седанищев и многие другие. Кроме того, в рамках программы «Никто не забыт, ничто не забыто» и подтемы «Они ушли на фронт со студенческой скамьи и не вернулись...» (автор – Р. Д. Зубарева) были собраны материалы более чем о ста тружениках тыла, об их вкладе в Победу, о работе на оборотном заводе Наркомата вооружений № 357 (завод «Прогресс»), на маслозаводе и фермах, на колхозных и совхозных полях и в опытных хозяйствах, и в госпиталях⁷. Большую помощь в составлении и сопровождении интернет-сайта музея «История Сибачи» в рамках подпрограммы «Истоки. Единение. Возрождение» музею оказывают сотрудники кафедры земледелия и растениеводства профессиональные педагоги и патриоты Сибачи Е. Н. Бондарь и Л. Н. Домченко.

Таким образом, следует отметить, что Народный музей ОмСХИ, воссозданный в 1975–1981 гг. и ныне ставший Народным музеем истории ОмГАУ, в своих архивах и на стендах хранит священную память о ветеранах Великой Отечественной войны и павших в боях против немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов. Приумножению материалов и научно-исследовательской, просветительной, воспитательной и патриотической работе способствует «Гвардия вуза» – Совет ветеранов ОмГАУ, студенты гуманитарного и аграрного факультетов, сотрудники кафедры истории и регионального развития и кафедры земледелия и растениеводства ОмГАУ.

¹ Червоненко В. Н. Очерки истории Омского сельскохозяйственного института. 1918–1993. – Омск, 1994. – С. 105–130.

² Кара-Мурза С. Г. Красная Армия – часть народа и часть народного хозяйства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 3. – С. 68, 69, 82, 86.

³ Серебрянников В. В. Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 3. – С. 47, 59, 61.

⁴ Архив Народного музея ОмГАУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.

⁵ Мишкина И. В. Победители. О сотрудниках ОмСХИ – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Омск, 1994.

⁶ Мишкина И. В. Победители. О сотрудниках ОмСХИ – участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – 2-е изд. – Омск, 2000.

⁷ Архив Народного музея ОмГАУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2.

В. И. Бельков

Кемерово, Государственный архив Кемеровской области

ЗАБОТА МОЛОДЕЖИ КУЗБАССА О ДЕТЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война принесла много горя и тяжелых испытаний. Тысячи детей лишились родного крова, потеряли связь с родителями, у многих родители были замучены фашистами. Тысячи детей были отравлены в «душегубках», расстреляны, сожжены, искалечены фашистскими извергами. Дети же – надежда и счастье народа, будущее страны. Вот почему, несмотря на все трудности военного времени, государственные и общественные организации много внимания уделяли созданию детям необходимых условий для жизни и учебы. Помощь детям в годы войны оказывали комсомольские организации промышленных предприятий, колхозов, совхозов, учреждений как прифронтовых областей, так и находящихся в глубоком тылу. Эта забота молодежи страны о детях достаточно полно была отражена в отчетах областных и краевых комитетов комсомола, центральных комитетов ЛКСМ союзных республик, которые были подготовлены по решению бюро ЦК ВЛКСМ от 23 августа 1945 г. «О предоставлении обкомами, крайкомами и ЦК ЛКСМ союзных республик отчетов о работе комсомольских организаций в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)». В протоколе бюро ЦК подчеркивалось: «...обязать бюро обкомов, крайкомов, ЦК ЛКСМ союзных республик под личную ответственность первых секретарей представить в ЦК ВЛКСМ отчеты о работе комсомольских организаций в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)». Документ был подписан секретарем ЦК ВЛКСМ Н. Михайловым¹.

15 января 1946 г. бюро Кемеровского обкома ВЛКСМ для составления «Отчета о работе комсомольской организации Кемеровской области в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)» утвердила комиссию в составе 8 чел. Возглавил комиссию первый секретарь обкома ВЛКСМ В. И. Залужный². В том же году отчет был подготовлен. Он состоял из 6 разделов: «Молодежь

Кузбасса на фронтах Великой Отечественной войны», «Молодежь Кузбасса – фронту», «Молодежь сельских комсомольских организаций за годы войны», «Забота комсомольских организаций о детях, оставшихся без родителей, о семьях фронтовиков, помощь учащимся фронту», «Военно-физкультурная работа комсомольских организаций в годы Отечественной войны», «Организационная работа комсомольских организаций за годы войны». Необходимо отметить, что по объему они далеко не одинаковы. Так, из 97 машинописных листов текста 58 листов составляют первые два раздела, оставшиеся 39 листов включают 4 последние раздела отчета.

Содержание первых двух разделов отчета и в меньшей степени третьего раздела отражены в научных и научно-популярных публикациях, остальные три раздела остаются практически неизученными. В данной статье будет рассмотрен третий раздел отчета – «Забота комсомольских организаций о детях, оставшихся без родителей, о помощи семьям фронтовиков и о помощи учащимся фронту».

В тяжелые дни 1941–1942 гг. из прифронтовых районов первыми вывозились дети. И когда в Сибирь начали прибывать эшелоны с детьми, тысячи дверей гостеприимно раскрылись перед ними. Перед комсомольскими организациями Кузбасса на первый план выдвинулась одна из главных задач – устроить детей, оставшихся без родителей, в детские дома, на патронат, окружить сирот материнской лаской и заботой.

В области в это время было 20 детских домов. Такое их количество не давало возможности разместить всех эвакуированных в Кузбасс детей. По решению правительства в области были открыты дополнительно еще 23 детских дома. Кроме этого трудящиеся области по собственной инициативе решили на свои средства организовать еще 5 детских домов. В организации и оборудовании детских домов (и это хорошо прослеживается в документе) активное участие приняли комсомольские организации.

В детские дома городскими и районными комсомольскими организациями было направлено 133 чел. лучших педагогов-комсомольцев. Для детских домов комсомольцы и молодежь готовили игрушки, собирали одежду и обувь. Юноши и девушки, посланные комсомолом в детские дома, отдавали все свои силы, знания, опыт, энергию для того, чтобы заменить детям-сиротам родителей. Они просиживали ночами у коек больных детей, вырванных у врагов из огненного кольца Ленинграда. Так, в Гурьевский детдом, как отмечено в отчете, было эвакуировано 120 детей ленинградцев, из которых 60 % находились в состоянии дистрофии. Большинство детей не могли двигаться. Благодаря правильному руководству и материнской заботе директора детского дома комсомолки Левченко и молодежного коллектива все дети были

излечены. Организацию работы этого детского дома курировал райком комсомола. Над детским домом взяла шефство комсомольская организация железнодорожного цеха Гурьевского металлургического завода³. Над всеми детскими домами области шефствовали комсомольские организации предприятий и районов. Комсомольские организации принимали активное участие в проведении месячников по оказанию помощи детским домам, проводили сбор вещей, подарков, денежных средств, организовывали починку одежды и обуви.

Истощенные, измученные бомбежками, обстрелами, долгой дорогой, недоеданием эвакуированные дети нуждались в хорошем питании, обеспечить которое в условиях военного времени было непросто. Тому препятствовали не только постоянные перебои в снабжении, но и занижение норм питания в самих детских учреждениях. Некоторые детские дома в 1941 г. ни разу не получали сахар. В Кемеровской области, в силу отмеченных причин, затраты на питание одного детдомовского ребенка в 1943 г. составляли 80 % от установленных норм. За первое полугодие 1944 г. детские дома области недополучили из централизованных фондов 100 кг мяса, 300 кг рыбы, 75 кг крупы⁴.

В сложившихся условиях детям помогали всем миром. В Кемерово только с 10 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г. в фонд помощи эвакуированным детям горожане передали 10 кг масла, 11 кг сахара, 20 кг муки, что в условиях карточной системы было совсем не мало⁵.

Отчасти обеспечение продуктами было возложено на сами детские учреждения. Практически при каждом детском доме и интернате организовывались подсобные хозяйства. В 1943 г. этим учреждениям в Кемеровской области было выделено 147 дойных коров, 247 рабочих лошадей, 195 поросят, 1000 цыплят. Воспитанники сажали и убирали овощи и картофель, заготавливали сено, ухаживали за животными. В 1944 г. в Кузбассе все 48 детских домов имели свои подсобные хозяйства общей площадью 1 696 га⁶.

За период войны в фонд помощи детям комсомольскими организациями области было перечислено 1 520 313 руб. Остро нуждающимся учащимся было выплачено 442 комсомольские стипендии на сумму 308 830 руб.⁷

Большую помощь в дни войны проделали комсомольские организации по оказанию помощи семьям фронтовиков. Комсомольцы и молодежь выявляли остро нуждающиеся семьи фронтовиков, проводили воскресники и собирали средства в фонд помощи этим семьям, помогали им в обработке земельных участков, ремонте квартир и т. д. Так, молодежь Топкинского района в 1942 г., участвуя в воскресниках, заработала и передала в фонд помощи семьям фронтовиков 17 000 руб. По договоренности с торгующими организациями для этих семей было

приобретено промышленных товаров на 4 500 руб. Комсомольской организацией Титовского района в помощь семьям фронтовиков было собрано 8 800 руб. деньгами, 28 т картофеля, 5 000 л молока. На средства комсомольцев и молодежи было приобретено для детей фронтовиков 2 800 пар валеной обуви и 726 шт. белья⁸.

Тайгинская городская комсомольская организация, как следует из отчета, проявляла заботу о семьях воинов Красной армии, оказала им большую помощь. В фонд помощи этим семьям в 1942–1944 гг. комсомольцами и молодежью было собрано наличными деньгами свыше 50 000 руб. Только в 1943 г. комсомольцы вагонного участка провели 14 воскресников и все заработанные деньги в сумме 12 000 руб. перечислили в фонд помощи семьям фронтовиков. Молодежь паровозного депо перечислила на этот счет 7 000 руб., заработанных ими во время воскресников. Ежегодно семьям фронтовиков комсомольские организации производили заготовку дров, помогали обрабатывать огороды, убирать урожай, ремонтировать дома и квартиры. Ремонтная бригада вагонного депо, где бригадиром был комсомолец Гринько, отремонтировала квартиры фронтовиков Савинцева, Ждановой и др.

Хорошую инициативу проявили в дни войны комсомольцы третьей дистанции связи, которая на своем подсобном хозяйстве обрабатывали для семей фронтовиков «комсомольские полосы», весь урожай овощей с которых распределялся между семьями фронтовиков. Инициативу связистов поддержали и другие комсомольские организации станции Тайга⁹.

В годы Великой Отечественной войны в дело разгрома врага вложили свою лепту и школьники Кузбасса. В дни войны они принимали активное участие в сборе средств на вооружение и постройку боевых машин для Красной армии, в сборе и отгрузке металлолома, работали летом на полях совхозов, колхозов и подсобных хозяйств промышленных предприятий, помогали семьям фронтовиков, шефствовали над воспитанниками детских домов и интернатов, собирали подарки для фронтовиков. С 1943 по 1945 г. силами пионеров и школьников Кузбасса было собрано около 5 млн руб. на укрепление мощи Красной армии и постройку боевых машин, более 20 000 т металлолома. Пионеры и школьники школы № 1 г. Киселевска собрали 35 000 руб. Коллектив учителей и учащихся г. Ленинск-Кузнецкого получил приветственную правительственную телеграмму, в которой их благодарили за сбор средств на постройку авиаэскадрилии имени Героя Советского Союза Ивана Черных, воспитанника одной из школ Ленинск-Кузнецкого¹⁰.

По инициативе комсомольцев и пионеров Попереченской школы Юргинского района в 1943 г. было собрано в фонд обороны более

20 000 руб. деньгами и 50 ц овощей. По просьбе комсомольцев и пионеров этой школы на собранные деньги был приобретен танк «Попереченский школьник», который был передан на фронт бывшему ученику этой же школы, участнику боев Григорию Новикову. Спустя более четверти века, в феврале 1970 г., в адрес Юргинской газеты «Свет Ильича» из Красноярска пришло письмо с фотографией. Их прислал Григорий Михайлович Новиков, бывший ученик Попереченской средней школы Юргинского района. В письме Григорий Михайлович рассказал о том, как 4 июля 1943 г., за день до начала Курской битвы, их подразделение получило новые танки Т-34, в том числе и танк «Попереченский школьник», на котором он принимал участие в этом крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны¹¹.

С большой любовью и старанием учащиеся школ Кузбасса, на что в отчете обращено особое внимание, собирали теплые вещи, шили кисеты, обвязывали носовые платки, вязали носки и рукавицы. Более 1 млн подарков было собрано и отправлено на фронт в дни войны пионерами и школьниками Кузбасса бойцам и командирам Красной армии¹².

Таким образом, молодежь Кузбасса в годы Великой Отечественной войны уделяла много внимания работе с подрастающим поколением, помощи детям фронтовиков и особенно эвакуированным детям. Это была забота о будущем своей страны, своей большой и малой Родины. Эта забота молодежи Кузбасса о детях нашла довольно полное отражение в изучаемом документе – «Отчете о работе комсомольской организации Кемеровской области в период Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)».

¹ ГУКО ГАКО. Ф. П 126. Оп. 1. Д. 59. Л. 83.

² Там же. Оп. 4. Д. 5. Л. 371.

³ Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 72.

⁴ Там же. Ф. П 75. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–5.

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 205. Л. 3.

⁶ ГУКО ГАКО. Ф. Р 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 223.

⁷ Там же. Ф. П 126. Оп. 1. Д. 65. Л. 75.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 76.

¹⁰ Там же. Л. 77.

¹¹ «Свет Ильича» [Юрга]. – 1970. – 25 февр.

¹² ГУКО ГАКО. Ф. П 126. Оп. 1. Д. 65. Л. 77–78.

Д. В. Ершовская, А. А. Коляденко, Н. В. Кулешова

Омск, государственный университет

**МАТЕРИАЛЫ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ ОБ УЧАСТНИКАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере музеев Тарского и Таврического районов
Омской области)**

Школьные музеи, являющиеся разновидностью музеев учебных заведений, хранят немало интересных, порой уникальных, документальных свидетельств о вкладе сибиряков в победу в Великой Отечественной войне. Музей Таврической средней общеобразовательной школы № 1 был создан в 1985 г. к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Инициатором создания музея и его первым руководителем была учительница Валентина Федоровна Бибина. Материал для музея собирался с 1981 г. Были созданы поисковые группы, ребята оформили альбомы о выпускниках и учителях школы за период с начала 1930-х гг. Некоторые из этих альбомов сохранились и сейчас находятся в экспозиции музея. Школьниками также была проведена операция «Войди в каждый дом», по результатам которой на каждого ветерана Великой Отечественной войны была заведена анкета, куда включались биографические данные ветерана, описание его фронтового пути. Все эти материалы дополнили тогда школьный музей, однако в настоящее время часть их утрачена.

В музее Таврической средней общеобразовательной школы № 1 хранятся две рукописи, автором которых является Константин Афанасьевич Рябинин (1916–2006 гг.). Родился К. А. Рябинин в Алтайском крае, в крестьянской семье. Отец его служил в Красной армии, участвовал в боях против Колчака, в освобождении Омска, в штурме Перекопа. До 1930 г. крестьянствовал, а в 1930 г. был раскулачен и выслан вместе с семьей. К. А. Рябинин – участник Великой Отечественной войны, учитель школы с 1938 г. и до конца 1970-х гг. Ряд лет (1948–1954 гг.) Константин Афанасьевич был директором школы.

Рукопись «К истории Таврической средней школы» содержит информацию об истории школы, ее учениках, учителях. Это машинописные листы с записями самого К. А. Рябинина, дополненные вырезками из местных газет. Вторая рукопись не озаглавлена. В ней автор пишет об учениках и учителях, ушедших на фронт. Она содержит списки части жителей Таврического района – участников Великой Отечественной войны, некоторые воспоминания об односельчанах.

В 1941 г. в Таврическое были эвакуированы многие семьи. Согласно записям К. А. Рябинина, осенью 1941 г. в школе учителями работали эвакуированные из Калуги, Ленинграда, Москвы, Эстонии, Мол-

давии. В декабре 1942 г. К. А. Рябинин был мобилизован в армию. Смоленск, Витебск, Орша, Борисов, Литва, Кенигсберг – вот фронтовой путь, отмеченный орденом Великой Отечественной войны I степени, орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Дважды Константин Афанасьевич был ранен.

Даже в суровые годы войны Константин Афанасьевич не забывал свою деятельность в школе. В рукопись К. А. Рябинина вложены сохранившиеся листы его фронтового дневника (записи сделаны карандашом, с пропусками слов). Вот запись в дневнике от 8 ноября 1943 г.: «Рассказывал соседям по палате “На дне”, землянка напоминает мне костылевскую ночлежку... А мы обитатели ночлежки. Монологи Сатина... Луки... с большим интересом... Это мои уроки... Соскучился по школе...». В экспозиции школьного музея помещены и письма К. А. Рябинина.

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне созданы 11 буклетов об участниках Великой Отечественной войны, а также мультимедийные презентации по истории школы и на темы, связанные с войной. Так, учениками школы по материалам музея была создана презентация «У войны не женское лицо» – о вкладе женщин Таврического района в победу.

Музей в средней школе с. Имшегал Тарского района Омской области был создан в октябре 1998 г. В школьном музее хранится множество папок и альбомов с воспоминаниями женщин-тружениц тыла («Хлеборобы войны»), с биографиями погибших на фронте односельчан («Они погибли за Родину», «Рядовые победы»). Ученики школы также активно собирали материал о жизни сельчан во время войны. Подобные сведения, например, содержатся в письме бывшей жительницы с. Имшегал Н. И. Уляшевой с подробными ответами на вопросы учеников. В музее находятся удостоверения к медалям и орденские книжки ветеранов войны – местных жителей. На стенде под названием «Я пишу... последнее, быть может...» размещены письма с фронта, похоронки, ответы из архивов на запросы о судьбе фронтовиков. На стендах можно увидеть сведения о количестве солдат, ушедших на войну из деревень и сел Имшегальского сельского совета, фото и краткие анкетные данные некоторых участников войны.

Школьный музей в с. Атирка Тарского района Омской области свою историю ведет с создания в Атирской средней школе историко-краеведческого кружка под руководством Елизаветы Ефимовны Белоножкиной. На заседании этого кружка осенью 1966 г. в Атирской школе решили создать музей¹. Музей также имеет экспонаты, посвященные Великой Отечественной войне. Это подлинные предметы: монеты и значки военных лет, солдатская каска, несколько бляшек от ремней, алюминиевые ложки и фляжки, которыми пользовались фрон-

товики в военные годы. В отдельной папке собраны газеты 1941–1945 гг., есть альбомы с воспоминаниями ветеранов – жителей Атирки.

Ценнейшим материалом являются биографии и воспоминания ветеранов войны. Интересна, например, военная биография Виктора Егоровича Барсукова, который был связистом. «Нам было приказано строить линию связи от границы и до Тегерана. Мы тянули два провода. ...Почва в Иране каменистая – столбы падали. Но линию мы все-таки до Тегерана довели». В. Е. Барсуков вспоминал и о том, как в Тегеране к нему подошел И. В. Сталин и спросил, работает ли с Москвой связь, на что он и его сослуживцы ответили: «Да!» Виктор Егорович участвовал в обеспечении связи и во время работы Ялтинской конференции².

Антонина Васильевна Ботвинкина (1919–2003 гг.) окончила Атирскую семилетнюю школу. В 1938 г. стала выпускницей второго выпуска Тарской школы медсестер. После начала войны ее отправили на фронт. В школьном музее имеются копии некоторых документов, в том числе копия характеристики Антонины Васильевны. Документ датирован октябрём 1945 г., в нем сказано, что А. В. Ботвинкина прослужила старшей медицинской сестрой с 25 ноября 1941 по 28 октября 1945 г.; вместе со своим хирургом сделала за это время порядка пяти тысяч операций, в результате которых ими была собрана коллекция осколков и пуль в количестве 1 636 ед. Коллекция была передана на хранение в Центральный военно-медицинский музей Вооруженных сил СССР (ныне – Федеральное государственное учреждение культуры и искусства министерства обороны РФ «Военно-медицинский музей», Санкт-Петербург). Антонина Васильевна дошла до Берлина и на стене рейхстага оставила свою подпись. После войны она работала в местной участковой больнице.

Сельские школьные музеи вносят заметный вклад в то, чтобы Великая Отечественная война с ее героями, событиями и подвигами со временем не стала «забытым прошлым». Собрания школьных музеев, связанные с Великой Отечественной войной и ее участниками, с тружениками тыла, носят однотипный характер. Наряду с предметами в коллекции входят фотографии, письма, дневники и т. п., зачастую хранящиеся в неподходящих условиях. В настоящее время актуальной задачей для школьных музеев является перенос имеющихся документальных материалов о Великой Отечественной войне на цифровые носители. Такая работа, например, начата в школьном музее с. Атирка Тарского района Омской области.

¹ Дневник Белоножкиной Елизаветы Ефимовны. Тетрадь 1. Рукопись // Архив Атирского музея.

² Школьный альбом «Ветераны Великой Отечественной войны» // Архив Атирского музея.

В. Д. Осипова, А. А. Ремизов

Омск, государственный университет

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В МАТЕРИАЛАХ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

Все дальше от современного поколения отодвигает время трагические события Великой Отечественной войны. Все меньше воспоминаний можно услышать от солдат – непосредственных свидетелей и участников кровавых боев, все реже звучат рассказы о тяжелейшей жизни в тылу, о трудовых подвигах женщин и детей. Но память о священной народной войне живет в литературе и кинофильмах, оживает в талантливых произведениях музыкального и театрального искусства, в песнях военных лет. Известно, что война коснулась многих, почти в каждой семье оставив след незабываемых до наших дней утрат, горестных воспоминаний о погибших, замученных, пропавших без вести. В семейных архивах бережно хранятся фотографии, письма-весточки с фронта, похоронки или рассказы о войне вернувшихся живыми солдат. Эти артефакты – часть нашей общей, такой уже далекой и одновременно такой еще близкой, истории 1941–1945 гг. Истории, память о которой бережно хранят вот уже несколько поколений. Да, есть в нашей действительности «отморозки», скупающие боевые ордена и медали, идущие на преступления ради наживы, разоряющие могилы, жестоко расправляющиеся с ветеранами. Но их немного. Значительно больше рядом с нами молодых и не очень молодых людей, которые становятся участниками поисковых отрядов, отыскивают забытые захоронения солдат Великой Отечественной войны, ученых-исследователей, создающих «книги памяти». Многие семьи имеют пусть небольшие, но дорогие для детей и внуков семейные архивы, благодаря которым сохранились рассказы ветеранов о боевых и будничных, с их точки зрения, событиях войны. Такие воспоминания сохранились в семье Ремизовых. Старшее поколение семьи – Григорий Леонтьевич Ремизов и Лидия Николаевна Ремизова (Корнеева) прошли всю войну. По счастью, оба вернулись живыми, в 1946 г. поженились, вырастили четверых сыновей. Приведем некоторые из военных воспоминаний, записанные их внуком, одним из авторов данной статьи, студентом ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Григорий Леонтьевич Ремизов был на войне целых семь лет: сначала он служил в армии в 1939–1941 гг.; потом его забрали на фронт на долгие четыре года – с 1941 по 1945 г. Почти всю войну (с 1942 по 1945 г.) прошла и его будущая жена Лидия Николаевна Ремизова (Корнеева). Их рассказы о пережитых военных событиях в семье зна-

ют и помнят, а их самих считают великими тружениками и настоящими героями.

Лидия Николаевна Корнеева родилась в с. Любчино (ныне Стрельниково). Росла в многодетной семье. Отец ее, известный в то время плотник и столяр, работал в колхозе, а мама была домохозяйкой, воспитывала семерых детей. Время было нелегкое, не совсем сытное. С детства дети работали в колхозе. Лидия Николаевна работала поваром, рабочей на току и штурвальной на комбайне (на «большой технике»), хотя была довольно хрупкой девушкой. Позже поехала учиться в Оконешниково в швейную мастерскую при промышленной артели. По окончании работала мастером-швеей. На фронт ее призвали, когда ей шел всего двадцать второй год.

Женщин тоже призывали на фронт. По мнению Лидии Николаевны, обойтись на войне без женщин было никак нельзя: кто лучше них наложит повязку раненому, кто по-матерински успокоит бойца, считающего после ранения свою жизнь конченной. Кроме того, многие женщины на войне были превосходными стрелками, разведчицами. Служила Лидия Николаевна в зенитном батальоне, где стала разведчиком-наблюдателем. Была такая военная профессия. Началась другая жизнь, отличная от мирной: подъем, учеба и практика на стрельбах. Хлебнула тогда молодая девушка солдатской жизни сполна: спала в землянках, стояла часовой на посту ночью и днем, училась управлять зенитными установками и ежеминутно была готова выполнить приказ командования. Ее воспоминания о военной жизни отличались интересными деталями и особой яркостью.

В марте 1942 г. Л. Н. Ремизову, совсем еще молодую девушку, отправили на фронт, на передовую. Поскольку она была разведчиком-наблюдателем, ее учили следить за движением немецких войск. Много было успехов в этой ее военной «работе». Однажды она с группой военных разведчиков пошла в разведку для взятия языка и для наблюдения за расположением и передвижением немцев. Для наблюдений использовались специальные приборы, все данные о противнике наносились на бумагу. При возвращении в часть группа разведчиков внезапно столкнулась с немецкой засадой. Вынуждены были отстреливаться, в перестрелке один из бойцов был ранен. Помогая друг другу, вся разведгруппа успешно добралась до расположения своих войск. Бывали и другие случаи, когда молодой разведчице вдвоем с напарником приходилось вести наблюдение за передвижением немецких войск на их территории – в прифронтовой полосе. Здесь приходилось «готовить» наблюдательный пункт: «Выроем окоп и оттуда наблюдаем за местностью». Сказано коротко, но надо помнить, сколько опасностей подстерегало разведчиков во время рытья окопа, да и во время самого

наблюдения. На войне не только в бою можно было проявить отвагу, показать свою храбрость, но и в, казалось бы, не столь опасной разведке на наблюдательном пункте.

Приведем еще один из военных рассказов Лидии Николаевны Ремизовой. «Однажды я и еще одна разведчица получили задание наблюдать за движением противника по большой дороге (звали ее Большаком). Мы наблюдали за местностью, просидев в засаде несколько часов. Вскоре по Большаку начали двигаться немецкие танки, которые уходили вглубь своей территории. Мы считали, записывали, зарисовывали. Моя боевая подруга говорит: “Пора менять место расположения”. Я с ней согласилась. И только мы успели уползти на другой наблюдательный пункт, как вскоре разорвался снаряд большой мощности на том самом месте, где мы только что находились. Там образовалась большая воронка. Трудно передать ужас, который мы испытали. Мы, обе в слезах, обнялись, расцеловались, было ощущение, как будто вновь родились. Шептали друг другу на ухо: “Долго, долго жить будем”».

На фронте было тяжело всем, но особенно, конечно, женщинам: мерзли, голодали, но выполняли свой долг. Был, естественно, и страх, но часто чувство долга его побеждало: не дрогнув, шли на риск, на смертельную опасность. После войны, в мирной жизни, воспоминания о пережитом долгие годы не оставляли участников войны, память хранила и радости, и горести тех трудных, суровых лет.

Григорий Леонтьевич Ремизов на войне был ранен в правое легкое. Его награды, а среди них ордена, медали и грамоты, – свидетельство того, что воевал он отважно, с честью выполнив свой воинский долг. В «Книге Памяти» и в книге «Солдаты Победы» содержатся имена и фамилии героев нашего рассказа, которыми семья Ремизовых очень гордится. Из рассказов ветеранов молодые люди узнают многое о событиях войны, о своих родственниках, стойко переносивших ее тяготы. Наверное, ни один учебник истории не может сообщить того, что становится ясным из рассказов непосредственных участников событий Великой Отечественной войны, из воспоминаний тех, кто пережил войну, кто видел ее ужасы своими глазами.

Великая Отечественная война способствовала появлению произведений искусства, которые воскрешают в памяти современных читателей, слушателей, зрителей события великие и трагические. Таково предназначение искусства, прекрасно выраженное в стихотворной строке из известной поэмы Натальи Кончаловской «Хатынская поляна»: «Пусть откликается каждое, каждое сердце на этот набат». Воспоминания о войне, пусть менее поэтичные, чем приведенная строка, сохраненные в памяти ветеранов войны или в памяти их потомков, не менее важны для формирования общей исторической памяти народа, той памяти,

которая служит делу единения, стойкости, любви к Отчизне. Далекое не случаен тот факт, что молодые люди после общения с ветеранами войны, после знакомства с архивами, в том числе с семейными, с воспоминаниями и рассказами о войне, о подвигах и трагедиях военных лет, начинают писать стихи о войне, с которой сами, по счастью, не столкнулись, сочинять песни, задумываться о смысле жизни, о собственных поступках, т. е. о вещах серьезных и важных.

Война, память о ней, произведения искусства, в том числе рассказы очевидцев, воспоминания, хранящиеся в семейных архивах, безусловно, выполняют объединяющую функцию, столь важную в современное сложное время. Прекрасно эта мысль выражена митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Иоанном в книге, полной размышлений о русской духовности, государственности, историческом пути русского народа: «Соотечественники связаны между собой одной верою, общим происхождением, языком, обычаями, законами, воспоминаниями о славе и бедствиях предков, памятью о знаменитых войнах...»¹.

¹ Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. – СПб., 1998.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: проблема искажений и фальсификации истории Великой Отечественной войны

Н. М. Щербин

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

ПРАВДА ПРОТИВ МИФОВ

В июне 2010 г. россияне отметят 70-летие со дня начала Великой Отечественной войны. Исходя и прошедших лет, уже сегодня можно предположить: поднимется новый шквал «разоблачений» относительно СССР и его роли в войне. Даже трудно представить, что это возможно, но Евросоюз, ПАСЕ за истекший период после окончания войны начали принимать заявления, по которым Советский Союз объявляется «ровно виноватым в развязывании Второй мировой войны вместе с фашистской Германией». Некоторые общественные деятели в Прибалтике и Польше предлагают даже изменить дату ее начала, передвинуть на неделю – с сентября на 23 августа 1939 г., когда был подписан пакт Молотова – Риббентропа, и полагают, что именно он явился началом войны¹.

Такие утверждения оскорбляют память миллионов погибших, выступают против истины и справедливости. Почему, вопреки истине, такие утверждения появляются? Казалось бы, времени прошло много, и все точки в освещении военных событий должны быть правильно расставлены. Однако этого не произошло: общественное сознание и в России, и за рубежом во многом мифологизировано. Произошло это потому, что советская пропаганда была сильно идеологизирована, а Сталин в первые годы после войны вообще запретил писать мемуары военачальникам, посоветовав им заниматься «делом». Поэтому весь мир узнавал историю Второй мировой войны, особенно на Восточном фронте, по мемуарам Манштейна, Гудериана и кампании, которые в постсоветской России стали считаться истиной в последней инстанции.

Именно поэтому, по мнению Виктора Сизова, последние «опросы в Польше, например, показали, что подавляющее большинство поляков убеждено, что Сталин напал на них первым, а Гитлер ему в этом лишь помогал»², хотя прекрасно знают, что фашистский план «Ост» предусматривал ликвидацию Польши, Советского Союза, уничтожение: евреев – 100 %, поляков – 80–85 %, литовцев, латышей, эстонцев – 50 %, западных украинцев – 65 %, белорусов – 75 %. Предполагалось поэтапно, в течение 25–30 лет, полностью уничтожить русский народ, но свои человеконенавистнические идеи фашисты не смогли реализовать благодаря прежде всего Советскому Союзу, его Вооруженным силам в лице советского солдата³.

Мустируется в России, в Европе и такой миф, согласно которому Советский Союз якобы готовился летом 1941 г. к наступательной войне, а Германия буквально опередила его на две недели. Однако существующие послевоенные документы Наркомата обороны СССР свидетельствуют о том, что советское руководство и не помышляло о нападении на Германию. В подтверждение можно сослаться на один из приказов наркома обороны маршала С. К. Тимошенко. Так, приказ наркома под № 0039 от 18 июня 1941 г. требует от военных советов округов немедленно развернуть строительство аэродромов широким фронтом с расчетом окончания строительства летных полей не позже 1 августа, а полного окончания строительства аэродромов не позже 1 октября 1941 г.⁴

О неготовности Красной армии к войне с Германией в тот момент свидетельствует и тот факт, что у Красной армии было меньше бомбардировщиков, необходимых в обязательном порядке для проведения наступательных операций, а больше истребителей. Более того, 82,7 % всего самолетного парка ВВС составляли самолеты устаревших типов. В истребительной авиации к числу устаревших самолетов относились И-15 бис, И-16, И-153. Хотя они в последующем и модернизировались, но к началу войны все же уступали немецким истребителям по ряду тактико-технических данных, особенно по скорости полета и вертикальному маневру.

В бомбардировочной авиации были в основном устаревшие бомбардировщики ТБ-3, ДБ-3ф, СБ. Основным типом фронтового бомбардировщика являлся принятый на вооружение в 1934–1935 гг. самолет СБ, уступавший немецкому бомбардировщику Ю-88 и Хе-111 в максимальной скорости полета примерно на 50 километров в час, а в бомбовой нагрузке и дальности полета – в 2 раза.

К началу войны было произведено только 2 739 новых самолетов: Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Пе-2, Ил-2, поэтому даже в составе ВВС западных приграничных военных округов было сформировано всего

19 авиаполков, вооруженных новыми типами самолетов, и имелось много устаревших самолетов, например, истребителей И-16 – 1 762, И-153 – 1 549⁵.

В ВВС Красной армии накануне войны было 106 истребительных авиаполков. Из них успели перевооружиться на новые типы самолетов только восемь (пять – на МиГ-3, один – на ЛаГГ-3, два – на Як-1). Остальные полки были вооружены самолетами производства начала тридцатых годов.

Из 82 ближнебомбардировочных авиаполков по состоянию на 1 июня 1941 г. (кроме того, было 29 полков авиации дальнего действия) только один полк был полностью укомплектован новыми самолетами Пе-2, два полка находились в стадии перевооружения на этот тип самолета, восемь полков были вооружены самолетами Су-2, а 71 полк – уже устаревшими к тому времени самолетами СБ.

ВВС Красной армии к середине 1941 г. имели в своем составе 53,4 % самолетов-истребителей, 41,4 % самолетов-бомбардировщиков и штурмовиков, 3,2 % самолетов-разведчиков, 2 % самолетов вспомогательной авиации. В боевом составе ВВС западных военных округов истребители составляли 59 %, бомбардировщики – 31 %.

Вот что писал 1 июля 1941 г. о советской авиации начала войны генерал-полковник Франц Гальдер, начальник генштаба сухопутных войск: «Боеспособность русской авиации значительно уступает нашей вследствие плохой обученности их летного состава. Поэтому, например, во время вчерашних воздушных боев под Двинском и Бобруйском атаковавшие нас воздушные эскадры противника были целиком или большей частью уничтожены... Во время боев последних дней на стороне русских участвовали, наряду с новейшими, машины совершенно устаревших типов»⁷.

Все это свидетельствует о том, что в такой обстановке не могло быть даже и речи о подготовке к нападению на Германию. Как можно было развязать войну с государством, более сильным в воздухе, со своими допотопными бипланами И-153, с устаревшими еще ко времени испанской войны И-16, с разведчиками Р-5, Р-10, тихоходными ТБ-3, Су-2, СБ и прочим летающим «антиквариатом».

В последние годы запущены в оборот и такие идеи, что не Советский Союз, а Соединенные Штаты Америки сыграли решающую роль в разгроме фашизма. Это противоречит исторической истине – именно советский народ, его Вооруженные силы преградили путь фашизму к мировому господству, вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и внесли решающий вклад в разгром нацистской Германии, милитаристской Японии и их союзников. В первые послевоенные годы мало кто отрицал ведущую роль СССР в разгроме агрессоров

в Европе и на Дальнем Востоке. Однако в подавляющем большинстве послевоенных изданий, предлагаемых американской историографией, борьба СССР против Германии и ее союзников трактуется как явление второстепенное, «локальное» по своему характеру. Утверждается, что роль СССР во Второй мировой войне заключалась лишь в обеспечении выигрыша времени, необходимого для развертывания огромной военной машины Соединенных Штатов, выступившей затем на арену и решившей исход борьбы. Тем не менее, итоги вооруженного противоборства на советско-германском фронте говорят сами за себя: советские Вооруженные силы нанесли сокрушительное поражение оперативно-стратегическим объединениям вермахта. На различных этапах войны были разгромлены войска групп армий «Север», «Центр», «Юг», «Дон», «Северная Украина», «Южная Украина», «А», «Б», «Висла», в состав которых входили десятки полевых, танковых армий и других объединений и соединений. Более 73 % общих потерь вермахт понес в боях и сражениях с Красной армией. Урон немецких войск на советско-германском фронте только по личному составу был в 4 раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий. Войска Красной армии в 1941–1945 гг. разгромили и взяли в плен 607 вражеских дивизий, в то время как англо-американские – около 176 дивизий.

В ходе войны после пересечения границ суверенных государств Красная армия вступала в их пределы не в качестве завоевателя, а как освободитель, оказав наибольшую помощь народам стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Около 7 млн советских воинов принимали непосредственное участие в освобождении европейских стран общей площадью 1 млн кв. км с населением 113 млн чел. Полностью или частично Вооруженные силы СССР освободили Румынию, Польшу, Болгарию, Венгрию, восточные районы Югославии, Австрии, Германии, Чехословакию, Норвегию (провинцию Финмарк), Данию (остров Борнхольм). В освобождении Северо-Восточного Китая и Северной Кореи приняли участие 1,5 млн советских воинов⁸.

Как же обстоит дело с исторической памятью россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.? Определенный свет на это проливают социологические исследования, особенно Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Свыше 90 % россиян считают Победу объектом национальной гордости, но только около 70 % из них согласны с той ценой, которую за нее заплатили. Чем дальше уходят в прошлое события войны, тем все радикальнее происходит в обществе их переоценка. Уже около 27 % граждан России разных возрастов убеждены, что поколение победителей не

сумело воспользоваться плодами Победы. Если раньше юноши и девушки буквально боготворили героев-молодогвардейцев, то сейчас 30 % из них считают их романтиками, не понимавшими, что жизнь – высшая человеческая ценность.

Историческая память о войне, особенно молодежи, как показало исследование, становится все более безликой. Почти треть молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет не помнят никого из полководцев военных лет, а более половины не смогли назвать ни одного из Героев Советского Союза, получивших это высокое звание в годы войны. Только 36 % из них знают, что И. В. Сталин был Верховным главнокомандующим СССР в годы войны, при этом 2/3 респондентов оценивают его роль в годы войны положительно, но только 1/3 опрошенных положительно оценивают его деятельность в судьбе России⁹.

Таким образом, мифы – это блеф и ложь. Тем не менее, они вносят сумятицу в восприятие истории войны, особенно молодежью. Поэтому Российскому государству надо безотлагательно создать целенаправленную систему патриотической работы с подрастающим поколением в масштабе всей страны, чтобы сохранить в их памяти героическое прошлое русского народа.

¹ Сизов В. «Эта книга стоит дивизий» // Красная Звезда. – М., 2010. – С. 3.

² Там же.

³ Гаврилов Н. К. Победа советского народа в Великой Отечественной войне в контексте современной истории // Сибиряки в Великой Отечественной войне. – Новосибирск, 2010. – С. 45.

⁴ Приказ наркома обороны СССР от 18.06.1941 г. № 0039 // Википедия. – URL: http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%9D%D0%9A%D0%9E_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%BE%D1%82_18.06.1941_%E2%84%96_0039 (дата обращения: 21.12.2010).

⁵ Щербин Н. М. Военно-воздушные силы Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки. – Новосибирск, 2009. – С. 17–20.

⁶ Там же. – С. 23, 25.

⁷ Левин Л. Война в воздухе // Красная Звезда. – 2010. – 12–18 мая.

⁸ Елисеева М. Никому не отнять эту славу // Красная Звезда. 2010. – 3–9 нояб.

⁹ Гаврилов Н. К. Победа советского народа... – С. 47.

С. В. Новиков, М. С. Новиков

*Омск, аграрный университет,
педагогический университет*

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Фальсификации истории Великой Отечественной войны уже подвергнуты анализу и критическому разбору в исследованиях ряда авторов¹. О многочисленных фальсификациях отечественной истории вообще, и истории Отечественной войны 1941–1945 гг. как таковой, заявляют представители творческой и научной интеллигенции, власти различного уровня. Создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России вызвало полемику среди политиков и озабоченность в творческой среде. В указанных условиях вступивший в силу с 15 мая 2009 г. соответствующий Указ Президента не мог как-либо повлиять на решение проблемы фальсификации истории².

В связи с вышеуказанным, на наш взгляд, целесообразна попытка классифицировать фальсификации по происхождению и видам, а также обозначить методы, применяемые при фальсификации тех или иных событий, лиц, принявших в них участие.

Анализ происхождения фальсификаций позволяет выделить их следующее происхождение:

1. Работы советских историков, непосредственно связанные с позицией руководства СССР. Примером в данном случае могут являться такие, закрепившиеся в советской и российской историографии выводы, как утверждение «о военно-техническом отставании СССР от Германии». Данное клише было призвано объяснить неудачи РККА в первый период войны, а также завуалировать последствия «большого террора» для боеспособности армии. Анализ технических данных использованных СССР и Германии видов вооружения, имеющий место в многочисленных изданиях справочного и технического характера, не подтверждает заявления советских историков³. Однако теперь озвученный в период написания многотомной «Истории Великой Отечественной войны» тезис призван для другой цели – принизить достижения социалистической экономики, ее возможности победить в соревновании военно-промышленных потенциалов, и в данном качестве он востребован определенными политическими кругами.

2. Заявления зарубежных историков и политиков, не получившие достаточного опровержения. Примером может служить Варшавское восстание и практически признанная в Российской Федерации точка зрения западных историков о том, что И. В. Сталин «решил ру-

ками немцев ликвидировать политических противников в лице Армии крайовой». Между тем исследование Т. Рипли рассказывает о том, что уже 31 июля 1944 г. советские танки вошли в восточные предместья Варшавы, Прагу откуда были выбиты дивизиями «Мертвая голова», «Викинг» и «Герман Геринг». Исследователь указывает, что советский 3-й армейский корпус избежал немецких «клещей», покинув город, что определило судьбу восстания. Не увенчались успехом попытки советских войск посредством обходного маневра севернее Варшавы соединиться с Армией крайовой⁴. Можно сделать вывод, что зарубежные исследователи не столь однозначно описывают действия различных военных и политических сил, как в ряде случаев представляется политиками, журналистами, а иногда и историками. Что касается работ, относящихся к западной историографии, то они используются выборочно, в зависимости от политической необходимости.

3. Оценки исторического прошлого, появившиеся в ходе демонстрации советской социально-экономической системы. Нельзя не констатировать, что последние зачастую не самостоятельны и базируются на недобросовестных извлечениях из работ советских историков, а также на заявлениях зарубежных историков и политиков. Помимо того, к третьей группе ошибочно относят проблемы оценки роли и значения в ходе Великой Отечественной войны таких явлений, как коллаборационизм, деятельность представителей белой эмиграции, национальное сопротивление в Прибалтике и на Украине, а также создание и деятельность РОА и близких ей подразделений. Указанные исторические явления, на наш взгляд, не следует рассматривать в качестве фальсификаций. Работы, связанные с указанными проблемами, отражают оценки той сложной и противоречивой политической и военной борьбы, которая имела место в 1941–1945 гг. на теперь уже постсоветском пространстве. Борьба эта не окончена. Данные вопросы, как мы считаем, подлежат отдельному изучению.

По видам фальсификации можно подразделить на:

- фальсификации роли личности в истории военных действий;
- фальсификации международных отношений;
- фальсификации роли НКВД в ходе Великой Отечественной войны;
- фальсификации данных о вкладе союзников в военно-экономический потенциал СССР;
- фальсификации освободительной миссии РККА.

Подобного рода фальсификации зачастую проводятся не в рамках научных исследований. Они доводятся до массового потребления посредством: исторической беллетристики, литературных произведений различного жанра, компьютерных игр, бардовских песен, анекдотов,

журналистских «расследований» и, наконец, художественных фильмов. В исследовании молодого омского ученого В. Г. Щербань, посвященном искажению образа Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., дан перечень фильмов, содержащих, с точки зрения автора, различные отклонения от исторической действительности. Среди проанализированных лент В. Г. Щербань называет:

- фильмы: «На безымянной высоте», «Сволочи», «Фартовый», «Неслужбное задание», «Свои»;
- сериалы: «Штрафбат», «Ленинград», «Смерш», «Последний бронепоезд», «Под ливнем пуль».

Автор выделяет такие моменты, как: дегероизация и «обдление» простого солдата; «протаскивание в ряды спасителей Отечества» не просто заключенных, а уголовников; частичное оправдание предателей; демонизация сотрудников НКВД и военных чекистов; введение в оборот событий, которые не имели места в конкретной истории⁵.

В свою очередь, можем отметить, что среди методов фальсификации также можно выделить: выявление иных «забытых героев», «обиженных» советской властью; тенденциозные выборки событий и фактов; подмену терминов и определений.

В заключение можно констатировать, что:

- основная часть имеющих место фальсификаций истории Великой Отечественной войны имеет отечественное, советское или российское происхождение;
- ряд фальсификаций зарубежного происхождения, зачастую опровергнутых зарубежными историками, был принят в России без критической оценки в связи с внутривластными обстоятельствами;
- основная часть фальсификаций становится доступной потребителю не посредством знакомства с научными изысканиями, а через СМИ и искусство;
- попытки борьбы с фальсификациями, к сожалению, обречены на поражение в связи с низким общекультурным и образовательным уровнем населения, а также тем, что эти фальсификации отражают точки зрения различных политических направлений, действующих в современной России.

¹ Пыхалов И. В. Великая Оболганная война. – М., 2005. – С. 312–317; Дюков А. Р. и др. Нам не за что каяться! // Великая оболганная война – 2: сб. – М., 2008. – С. 432; Исаев А. В. Антисуворов. – М., 2004; Он же. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. – М., 2004; Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: подлинная и мнимая история Второй мировой войны. – М., 1986; Мартиросян А. Б. На пути к Победе. – М., 2008; Он же. На пути к мировой войне. – М., 2008.

² Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2009. – 20 мая.

³ *Барятинский М., Дмитриев М.* Танки Второй мировой. Вермахт. – М., 2000. – С. 60; *Он же.* Танки Второй мировой. Красная Армия. – М., 2000.

⁴ *Рипли Т.* История войск СС. 1925–1945: пер. с англ. – М., 2009. – С. 194.

⁵ *Щербань В. Г.* Об искажении образа Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в современных отечественных художественных кинолентах // Вестник Омского государственного аграрного университета. – 2008. – № 2. – С. 102–105.

И. Б. Гарифуллин

Тюмень, государственный университет

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПРАВДА ПРОТИВ ЛЖИ ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ

Невозможно отрицать, что факты фальсификации исторических событий, и особенно тех из них, которые связаны с Великой Отечественной войной, имеют место. Поэтому неслучайно президентом страны Д. А. Медведевым подписан указ «О противодействии попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» и создана специальная комиссия, которая будет бороться с фальсификаторами. В условиях «коррекции» истории в угоду политической конъюнктуре нельзя ждать, когда ученые, историческая наука докопаются до истины. Пока некоторые ученые неторопливо дискутируют по той или иной проблеме войны, страдает имидж страны: слишком много вопиющих моментов подтасовки исторических фактов.

Великая Отечественная – составная и решающая часть Второй мировой войны. Для нашей страны она была освободительной и справедливой. Нанеся сокрушительное поражение врагу, советский народ и его Вооруженные силы отстаивали свободу и независимость своей Родины. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством.

Война, развязанная германским фашизмом, принесла народам огромные разрушения и человеческие жертвы. Естественно, что люди мира хотят знать правду о войне, о том, как она возникла, кто был ее зачинщиком, какие политические силы ее готовили. Это необходимо для

того, чтобы не допустить нового мирового пожара. Это тем более важно, что на Западе все время увеличивается поток литературы, в которой авторы преднамеренно фальсифицируют и грубо искажают многие факты предистории и хода минувшей войны. Военно-историческими службами вооруженных сил США, Японии, западноевропейских стран создано большое количество трудов о Второй мировой войне. Их главной составной частью является серия «Армия США во II мировой войне» (около 100 томов). В Англии основным изданием такого рода является официальная 80-томная «История II мировой войны», подготовленная исторической секцией при Кабинете министров Великобритании. В Германии издан 10-томный труд «Германский рейх и Вторая мировая война». В Японии издана 96-томная «Официальная история войны Великой Восточной Азии».

По каким направлениям в западноевропейской историографии фальсифицируется история Второй мировой войны и ее итоги? Во-первых, очевидно стремление снять с некоторых стран ответственность за развязывание войны. Давно бытует на Западе версия о том, что главным и даже единственным виновником войны был Гитлер. В другом случае некоторые историки виновником участия Италии в агрессивном фашистском блоке считают только одного Муссолини. Фальсификаторы отрицают то, что фашизм был возвращен, поставлен у власти и вооружен германским и международным капиталом. Они стремятся завуалировать тот факт, что фашизм – это диктатура наиболее реакционных кругов капитала.

Вызывает удивление очередной приступ антикоммунизма в начале июля 2009 г. Участники заседания Парламентской ассамблеи ОБСЕ, которая состоялась в Вильнюсе, приняли новую антикоммунистическую резолюцию под названием «Воссоединение разделенной Европы», в которой под предлогом борьбы с тоталитаризмом коммунизм уравнивается с нацизмом, ответственность за начало Второй мировой войны возлагается на фашистскую Германию и СССР. 23 августа 1939 г. – день подписания пакта Молотова – Риббентропа, предложено сделать днем памяти жертв сталинизма и нацизма. «Творцы» скандальной резолюции отмечают, что сталинский и гитлеровский режимы ответственны за геноцид и преступления против человечества. Это – грубая попытка переписать историю и отрицание огромного вклада Советского Союза в победу над нацизмом.

Считая главными и даже единственными виновниками в развертывании войны Германию и Советский Союз, некоторые военные службы и историки молчат о «вкладе» своих стран в начало этой трагедии. В те годы в германской промышленности работало 7,5 млн иностранных

рабочих, в военную экономику стран агрессии было вложено 90 млрд долларов. Включены были в военную мощь Германии ресурсы других европейских стран. Например, только заводы Чехословакии могли обеспечить военной техникой 50 дивизий. Фашистская армия использовала оружие, боеприпасы и снаряжение 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских, 12 английских, 6 норвежских дивизий. Американская авиационная фирма «Эйркрафт-корпорейшин» всего за 8 месяцев 1934 г. увеличила по сравнению с 1933 г. экспорт военной продукции в Германию в 6,4 раза.

И в настоящее время всем известно об участии Вооруженных сил США в военных операциях по всему миру. Об этом президент Б. Обама недавно сам уведомил членов конгресса США, выполняя требования Закона о военных полномочиях. Домыслы некоторых историков сконцентрировались в легенде о «превентивной войне» фашистской Германии против СССР. Ее усиленно пропагандировали многие гитлеровские генералы в мемуарах. Эту же легенду используют в трудах некоторые американские и японские историки. Учеными и военачальниками нашей страны много сделано для разоблачения легенды о «превентивной войне». Этому способствовали извлеченные из немецких архивов документы, раскрывающие тайную подготовку вермахтом нападения на СССР, детальную разработку плана «Барбаросса».

Вторым направлением, по которому западноевропейская пропаганда фальсифицирует историю войны и итоги победы, является преуменьшение вклада СССР в разгром фашистско-милитаристского блока и, напротив, преувеличение вклада некоторых стран антигитлеровской коалиции, прежде всего США. Иные американские авторы именуют свою страну не иначе, как «архитектором победы», «державой № 1», «старшим партнером» и т. д. При этом они уверяют, что без СССР союзники разгромили бы фашизм. Чтобы доказать решающую роль США, такие исследователи ссылаются на большой военно-промышленный потенциал, в частности на американские поставки в СССР. Конечно, такая помощь имела определенное значение. Однако в общем балансе материально-технических средств, привлеченных нашей страной в ходе войны, удельный вес ее был невелик. Из США и Англии было доставлено, например, 400 тыс. автомашин, 18,7 тыс. танков, 9,6 тыс. орудий. Это составило 4 % по отношению к общему военному производству СССР. Доля присланного союзниками зерна равнялась 1,6 % относительно отечественных заготовок. В стоимостном выражении все те поставки в СССР составляли всего 3,5 % от военных расходов США во время войны. Следовательно, поставки союзников не могли оказать и не оказали решающего влияния на уровень военных усилий СССР. Не американским и не английским оружием громила Красная армия

немецко-фашистских захватчиков, а отечественным, изготовленным советскими людьми на наших предприятиях.

Победа над Германией и ее союзниками была одержана совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции, но все-таки главную тяжесть войны с германским фашизмом вынес СССР. На советско-германском фронте враг потерял 80 % личного состава, около 70 % самолетов, до 75 % танков, артиллерийских и штурмовых орудий от общего числа потерь на всех фронтах Второй мировой войны. Урон в личном составе гитлеровской армии на Восточном фронте был в четыре раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском вместе взятых, а по числу убитых и раненых – в шесть раз. Известны слова президента США Ф. Рузвельта, сказанные еще 6 мая 1942 г.: «С точки зрения большой стратегии ... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые».

Умалению вклада СССР в победу над фашизмом служат также попытки ряда зарубежных историков принизить уровень военного искусства и морально-политического потенциала нашего государства. Широко освещая в книгах, кино, радио- и телепередачах действия английских войск в Северной Африке или американских морских пехотинцев на Тихом океане, они отодвигают на второй план события на советско-германском фронте, где решались судьбы человечества. Советское военное искусство убедительно продемонстрировало превосходство над стратегией агрессоров, имевших самую мощную военную машину того времени. Именно под Москвой противник потерпел первое крупное поражение. Здесь был развеян миф о непобедимости фашистской армии, навсегда похоронен гитлеровский план молниеносного разгрома СССР. При относительном равенстве сил и средств советские войска провели и операцию по сокружению и уничтожению 330-тысячной группировки под Сталинградом. Победа на берегах Волги явилась триумфом советского военного искусства, привела к коренному перелому во всей мировой войне, а под Курском был окончательно сломен стеновой хребет гитлеровской Германии.

Советские войска громили врага как на своей земле, так и за ее пределами. Особенно большую помощь они оказали народам Центральной и Юго-Восточной Европы. Советские войска освободили 11 стран Европы общей площадью 1 млн кв. км с населением 113 млн чел. и частично две страны Азии (Китай и Корею) общей площадью 1,5 млн кв. км с населением свыше 70 млн чел. В этих великих освободительных походах участвовало 8,5 млн наших бойцов и командиров. Эти исторические заслуги нашей армии не по нутру нынешним ястребам в США и НАТО.

В. Д. Червенчук

Тара, филиал Омского педагогического университета

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЕЛИКИХ ПОБЕД ПРОШЛОГО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДРЫВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кто контролирует распространение информации о прошлом, тот задает вектор исторического развития на будущее. Если ребенку с детства внушать, что его мать проститутка, а отец – палач, каких свет не видел, то ничего хорошего из него в будущем не получится. То же происходит и с народным самосознанием. С помощью черных мифов о прошлом народ-победитель, народ, освободивший человечество от коричневой чумы XX в., сегодня превращают в оккупанта тех же освобожденных стран и, как поверженного врага, заставляют платить за «ущерб», нанесенный его «оккупацией».

Сегодня в мире обострилась борьба за захват природных и энергетических ресурсов планеты. Но Германия этими ресурсами в достаточной мере не обладает, а наша Сибирь – мировой «холодильник» большей части всех лесных, водных, углеводородных и других сырьевых ресурсов планеты, необходимых для жизнеобеспечения народонаселения современного мира. Ведь не доллары, выпускаемые Федеральной резервной системой США, и не золото являются реальной мерой богатств, а именно эти ресурсы. Чтобы завладеть ими, прозападная историческая наука начала обелять германский фашизм и очернять историческую победу нашего народа.

Это очернительство легло на благодатную почву. После смерти Сталина к власти в СССР пришел совершенно случайный человек, чего никто из власть предержащих не ожидал. Уже на следующий день после смерти Сталина, 6 марта 1953 г., Центральный комитет партии, Совет министров и Президиум Верховного Совета СССР провели совместное заседание. Пост предсовмина достался Маленкову, его первым заместителем и министром внутренних дел стал Берия. Остальные важнейшие государственные посты заняли Булганин, Каганович, Микоян, Молотов. В руководящих органах с той же поспешностью был проведен ряд структурных преобразований. Пост первого секретаря ЦК КПСС занял Маленков, вторым лицом в государстве стал Берия. О Хрущеве прошла лишь информация, что он освобожден от обязанностей первого секретаря Московского Обкома партии «в связи с переходом на работу в ЦК КПСС».

Потом начинается нечто необъяснимое. Совершенно неожиданно и без объяснения причин 14 марта 1953 г. Маленков «по личной

просьбе» был освобожден от должности секретаря ЦК КПСС, а его место занял Хрущев. И уже в сентябре 1953 г. Хрущев стал первым секретарем ЦК. В результате интриг со стороны хрущевцев Берия был устранен руками его противников¹. Подробности тех интриг и подковверная борьбы Хрущева за власть – тема отдельного исследования. Здесь же важно отметить, что с его приходом к власти был запущен процесс очернения Сталина как государственного деятеля и, как следствие, сталинской эпохи в целом.

А ведь это была эпоха великих побед нашего народа. Если в 1927 г. СССР лишь достиг уровня развития России 1913 г. и, казалось, безнадежно отстал от всех ведущих государств капиталистического мира, то всего через десять лет Советский Союз удвоил свой товарооборот и по произведенной товарной массе вышел на второе место в мире (после США)². Об этом русском экономическом чуде, которому нет аналогов в истории, сегодня совсем ничего не слышно. А когда начинаешь об этом говорить, то у слушателей под действием синдрома сталинофобии тут же появляется контраргумент – успехи эти достигнуты в результате жестокой эксплуатации заключенных в «сталинских» ГУЛАГах.

Однако давно известно, что труд раба не только не производителен, но и убыточен. Затраты на содержание заключенного не окупаются его трудом. И все министерства СССР всеми правдами и неправдами пытались избавиться от такой рабочей силы. Только самое богатое министерство – Министерство среднего машиностроения, – которое курировал сам Л. П. Берия, могло позволить себе использование заключенных на строительстве своих объектов. Секрет экономического успеха был в ином.

Недавно было рассекречено письмо К. П. Орловского Сталину, в котором отразились особенности мировоззрения людей сталинской эпохи. К. П. Орловский явился прототипом главного героя кинофильма «Председатель», которого блестяще сыграл наш земляк Михаил Ульянов. Вся жизнь Орловского сплошной подвиг.

В Первую мировую он был командиром саперного взвода. В гражданскую – партизан в Белоруссии в тылу немецких оккупантов и белополяков. Затем учеба в Комвузе в Москве, а с 1930 по 1936 г. – работа в спецгруппе НКВД СССР по подготовке диверсионно-партизанских кадров. В 1936 г. – начальник стройучастка канала Москва – Волга. Весь 1937 г. был в командировке в Испании в качестве командира диверсионно-партизанской группы в тылу фашистских войск. 1939–1940 гг. – учеба в Чкаловском сельхозинституте. В 1941 г. находился в спецкомандировке в западном Китае, откуда по личной просьбе был направлен в Белоруссию в тыл немецких захватчиков. 17 февраля 1943 г., имея при себе 12 бойцов, Орловский совершил дерзкое нападение на обоз

генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе. Обоз сопровождали комиссар трех областей Белоруссии Фридрих Фенс, обергруппенфюрер Захариус, 10 офицеров и порядка 40–50 охранников. В результате внезапного нападения были убиты Фридрих Фенс, Захариус, 8 офицеров и 30 охранников. С нашей стороны потерь не было, но сам командир был тяжело ранен и контужен. У Орловского были ампутированы правая рука по плечо, на левой – 4 пальца, и поврежден слуховой нерв на 50–60 %. Последовала эвакуация в Москву. Но жить просто так Герой Советского Союза подполковник госбезопасности не мог, и в 1944 г. он написал письмо Сталину с просьбой сдать государству свою квартиру в Москве и уехать в недавно освобожденную от немцев и разрушенную до основания белорусскую деревню. Сталин дал распоряжение удовлетворить просьбу Орловского – он его прекрасно понимал, потому что сам был таким же. Орловский взятые на себя обязательства выполнил – его колхоз «Рассвет» был первым в СССР, получившим после войны миллионную прибыль³.

Вот такие люди и сотворили не только русское экономическое чудо, но и предрешили победу СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Прозападные же историки твердят, что в ту эпоху были уничтожены лучшие умы нации, а заправляли всем одни негодяи. По стереотипам этих историков Орловский – чекист, палач из НКВД, начальник участка системы ГУЛАГ на строительстве канала Москва – Волга. Многие из этих историков уже видимо забыли, что и великий педагог Макаренко тоже работал в системе ГУЛАГа – был начальником колонии, а потом замначальника «детского ГУЛАГа». А каких людей, какие кадры он вырастил из бывших беспризорников!

Сергей Кургинян видит причины ревизии великой победы СССР над германским фашизмом и, как следствие, дальнейшего его распада (премьер В. В. Путин назвал этот распад геополитической катастрофой) в «метафизическом падении» общественного сознания под действием информационных воздействий советологов Запада, которые буквально каждый временной интервал, каждый штрих советской истории подвергли тщательному анализу с одной лишь целью – представить эту историю в самом отвратительном и мерзком свете. Подобно тому, как Иаков путем мошенничества завладел правом первородства, Запад сумел заставить отречься народ-победитель от своей великой истории, и этот народ, подобно Исаву, променял право победителя и хозяина великой супердержавы на чечевичную похлебку западных ценностей⁴.

Борьба за обладание реальными ценностями, большая часть которых хранится в мировом «холодильнике» – Сибири, обостряется. За последние годы выпущено около 600 учебников по истории России на деньги Сороса, где напрочь отсутствует упоминание о Генералиссимусе на-

шей победы, а о самой Великой Отечественной войне сказано всего несколько строк. Это сделано для того, чтобы новые поколения россиян ничего не знали о великих победах нашего народа, воспринимали свое историческое прошлое в крайне негативном свете и, как следствие, испытывали бы ненависть к своей Родине. Такие люди будут только злорадоваться, глядя на то, как Запад потрошит ее недра, разваливает образование и науку, рушит последние остатки промышленного производства и сельского хозяйства. Люди, лишенные исторической памяти и культурного наследия, всегда представляли угрозу национальной безопасности в любой стране. Чтобы таких людей у нас не появлялось в будущем, борьба с фальсификаторами нашей истории не должна утихать, а восстановление правды о нашем героическом прошлом и недопущение ее искажений домыслами прозападных советологов должно вменяться в обязанность каждому автору учебников по истории России.

¹ *Ходжа Э. Хрущевцы: Воспоминания. Глава I. Подковерная борьба за власть после смерти Сталина // Мой мир. – URL: <http://my.mail.ru/community/ccsr/1173B4133454F499.html> (дата обращения: 24.12.2010).*

² *Червенчук В. Советско-Германскому договору о ненападении 70 лет // «Омское время». – № 33 (230) (678) от 26.08.09 // Мой мир. – URL: <http://my.mail.ru/community/ccsr/60BCC3CB5D9FB2D.html> (дата обращения: 24.12.2010).*

³ *Рязанцев К. Письмо Сталину // Завтра. – URL: <http://zavtra.ru/cgi/vveil/data/zavtra/10/859/32.html> (дата обращения: 24.12.2010).*

⁴ *Кургинян С. Суть времени: видеолекция // Видео@mail.ru. – URL: <http://video.mail.ru/mail/elena.kancedal/1132/1563.html> (дата обращения: 24.12.2010).*

А. В. Чухно

Петропавловск, Северо-Казахстанский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ «НЕУДОБНЫХ» ВОПРОСАХ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам Северного Казахстана)

В истории первых месяцев Великой Отечественной войны много труднообъяснимого, горького, несправедливого, с неоднозначной трактовкой или просто мифологизированного. Приступая к рассмотрению некоторых «неудобных» вопросов этого времени, не только испытываешь некую неловкость, но и вполне понятную боязнь, не желая оби-

деть живших, сражавшихся и просто перенесших кровавую мясорубку того времени сограждан. Я хочу сразу сказать, что принадлежу к тем историкам, которые не стремятся гнаться за надуманными «жареными фактами», считаю, что солдаты и офицеры воевали так, как умели, но при этом они в 1941 г. уже победили, сломав гитлеровские планы блицкрига. Спасибо и низкий поклон миллионам известных и пропавших без вести солдат и офицеров, партизан и работников тыла, всем тем, кто позволил нам сейчас жить и пытаться понять тех, кто погиб за нас.

Многим современникам, познакомившимся со статистикой Красной армии накануне Великой Отечественной войны, с огромными жертвами первых недель и месяцев боев, трудно понять, почему все это случилось?

Знакомясь с образовательным уровнем предвоенных призывников и «запасников» региона, наталкиваешься на довольно большую проблему. Так, например, 23 июля 1941 г. бюро Северо-Казахстанского обкома партии отмечало, что постановление ЦК КП(б) Казахстана и Совнаркома КазССР от 7.12.1940 г. «О завершении ликвидации неграмотности и обучения малограмотных в 1941 году» в районах нашей области выполнялось неудовлетворительно: «На 1 июля сего года из плана обучения неграмотных – 9 963 чел., обучено – 1 710 чел., или 17,2 %, малограмотных из плана – 21 246 чел. Обучено 2 033 чел., или 9 %. Охвачено обучением неграмотных – 53,1 % и малограмотных – 33,6 %»¹.

Особенно отстающими районами в области того времени были: Октябрьский район, где было обучено 7,2 % неграмотных и 4,7 % малограмотных; Кокшетауский район – обучено, соответственно, 8,8 % неграмотных и 2,8 % малограмотных; Булаевский район – 11,2 % неграмотных и 7 % малограмотных и т. д.²

Весьма поверхностно общий уровень руководства того времени показывает статистика директоров средних и неполных средних школ Северо-Казахстанской области. На 25 июня 1941 г. бюро обкома партии констатировало: «Из 46 директоров средних школ в настоящее время лишь 23 имеют высшее образование. В числе 165 директоров неполных средних школ имеют образование за учительский институт только 23 человека»³.

Еще одним «неудобным» вопросом того времени может быть запрет на владение радиоприемниками в годы войны. Например, 7 июля 1941 г. постановлением бюро Северо-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана «...изъяты (временно) радиоприемники из мест коллективного пользования»⁴. Для нынешних «борцов» за гласность это страш-

ный грех, но посмотрим, что пришлось по этому поводу рассматривать тому же обкому 16 августа 1941 г. в вопросе «О фактах приема и трансляции антисоветских радиопередач в Келлеровском районе» (не секрет, что в этом районе проживало большое количество немцев и поляков): «Вследствие отсутствия большевистского контроля за работой радиоузла и подбором работников со стороны органов связи и РК КП(б) Казахстана, имелся факт приема и трансляции антисоветской передачи фашистско-германских радиостанций»⁵. На войне как на войне, поэтому в подобное время попустительство в пользу врага глупо и преступно.

Задним умом мы все крепки, поэтому и бюро обкома по этому вопросу обязало: «...в пятидневный срок проверить всех работников радиоузлов, утвердить на бюро РК начальников радиоузлов и дежурных техников, отстранить от работы неблагонадежных. Для усиления контроля за радиопередачами установить на всех радиоузлах постоянное дежурство коммунистов и комсомольцев, выделяемых райкомами КП(б) Казахстана.

В трехдневный срок утвердить на заседаниях бюро ответственных за организацию коллективного радиослушания и сохранность радиоприемников»⁶.

25 августа 1941 г. (через девять дней и уже после срока, отведенного на исправление недочетов) на совместном заседании бюро обкома партии и исполкома Облсовета отмечалось, что «органы связи в должной мере не перестроили своей работы на военный лад. Охрана средств связи надлежащим порядком не обеспечивается. Объекты особой важности (радиостанция, выделенный пункт, радиоузел и др.) охраняются крайне неудовлетворительно.

Вопреки ранее данным указаниям, до сих пор не принято необходимых мер к охране телеграфных и телефонных линий. Работа по подготовке кадров для замены уходящих в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию в должной мере не развернута. Недостаточно проводится воспитательная работа среди работников связи по вопросам повышения бдительности и сохранности вверенной тайны переписки»⁷.

Еще одним из очень простых вопросов начала военной поры является процесс переселения в глубинные восточные районы СССР «спецпереселенцев». Не останавливаясь на самом факте и не давая оценку необходимости таких неоднозначных и крутых мер власти в отношении своих граждан, сделаем лишь маленькую ремарку на общеизвестных фактах истории: «светоч современной демократии» США после начала войны с Японией в декабре 1941 г. отправили своих граждан, японцев по национальности, в лагеря; многие историки в своих публикациях указывали, что «пятой колонны» в результате жестоких

мер в отношении наших сограждан некоторых национальностей в тылу советско-германского фронта гитлеровцам создать не удалось; известны факты, когда наступающие гитлеровские войска в Крыму встречали местные «авторитеты» с подносами, полными окровавленных красноармейских книжек и т. д. Я согласен, что все за одного или нескольких не отвечают, и приведенные выше слова жестоки и болезненны для тех, кто это испытал сам (или их родственники), поэтому я и не могу давать принципиальную оценку тому, что было в действительности. Меня больше покорибли другие факты и из более близкой истории, но об этом чуть ниже.

В данном случае я хочу остановиться на том, что сам процесс транспортировки был дорогостоящим для страны на примере того, как принимали и должны были размещать «спецпереселенцев» в Северном Казахстане.

Например, 5 ноября 1941 г. исполком Северо-Казахстанского облсовета принимает решение «О распределении по районам эвакуированных и немцев-переселенцев», в котором отменял «в соответствии с указанием Совнаркома КССР... все ранее вынесенные исполкомом Облсовета решения и планы распределения по районам области эвакуированных и немцев-переселенцев...» и обязывал руководство пятнадцати районов принять и разместить «...79 000 немцев-переселенцев и 35 000 эвакуированных...»⁸.

Постановлением этого же 5 ноября исполком Облсовета и бюро обкома партии утвердили «областную комиссию по размещению эвакуированных предприятий, населения и устройству на работу», которая обязывала ряд руководителей области «в течение 6 ноября отправить с эвакуационного пункта до места назначения все эвакуированное население, мобилизовав для этого весь транспорт, вне зависимости от его принадлежности, за исключением транспорта военведа»⁹. Обязывали «т. Ксенз (Зав. Облторгделов), Тарасова (Трансторгпит), Ганушенко (Облторг), Шпигельман (Директор треста буфетов ж.д. транспорта):

а) упорядочить дело с торговлей хлебом, ликвидировать всякие причины, задерживающие отпуск хлеба эвакуированному населению, для чего иметь необходимый переходящий запас хлеба;

б) организовать на платформе в летнем павильоне отпуск обедов эвакуированному населению. Обязать начальника станции и саннадзора ежедневно контролировать качество приготовляемой пищи, а также нормы закладки продуктов в котел, исходя из суммы, отпускаемой на питание эвакуированных – 6 рублей в сутки на одного человека».

«5. Обязать т.т. ...организовать дежурную комнату эвакуационного пункта при вокзале для дачи всякого рода справок по вопросам эвакуации.

6. Обязать отделы пропаганды Обкома и Горкома КП(б) К выделить 10 чел. работников для обслуживания политической работой эвакуированного населения на эвакуационном пункте.

7. Обязать тов. ... немедленно разобраться с вопросами планирования вселения эвакуированных, представив соображения по дополнительно вселению эвакуированных в город и районы области.

8. Обязать секретарей РК К КП(б) К и председателей райсоветов под их личную ответственность все прибывающее эвакуированное население немедленно доставлять до пунктов вселения и организовать устройство их на работу, обеспечив жилой площадью.

9. Обязать т. Ксенз упорядочить торговлю в пристанционных и перронных ларьках и магазине.

10. Поручить отделу кадров Обкома КП(б) К 6 ноября представить на бюро ОК и исполкома Облсовета соображения о работниках эвакуационного пункта.

11. Обязать областной и городской отделы Здравоохранения улучшить медицинское обслуживание прибывающего населения на эвакуационный пункт»¹⁰.

До этого на 7 октября 1941 г. планировалось следующее количество переселенцев и следующая смета (эти планы были отменены, но весьма наглядны):

«СМЕТА

Операционных расходов Исполкома Северо-Казахстанского Областного Совета по приему и размещению спецпереселенцев по районам Сев.-Казахстанской Области

1. Общие показатели сметы

1. Количество спецпереселенцев, подлежащих размещению в Северо-Казахстанской Области 50 800 чел.

2. Количество семей спецпереселенцев (из расчета в среднем 4 чел. на семью) 12 700 семей.

3. Операционные расходы:

а) Почтово-телеграфные расходы по 2 руб. на семью x 12 700 = 25 400 руб.

б) Санитарная обработка по 3 руб. на семью x 12 700 = 38 100 руб.

в) Расходы по командировкам из расчета 40 руб. на семью x 12 700 = 50 800 руб.

г) Расходы по доставке спецпереселенцев в места вселения 40 руб. x 12 700 = 50 800 руб.

д) Питание 20 руб. x 12 700 = 25 400 руб.

ИТОГО по смете 876 300 руб.»¹¹

При этом мы видим, что учитываются многие бытовые факторы: на питание выделялось 5 руб. на человека, тогда как на простых эвакуированных не на много больше – 6 руб. в сутки на одного человека.

В годы войны в регионе (как впрочем и по всей стране) были широко распространены сбор теплых вещей, сдача ценностей на военную технику. Люди жили в квартирах по нормам 1941 г. – 4 кв. м на 1 человека (а в 1942 г. 2,4 кв. м на 1 чел.). Были и многие другие примеры гражданского патриотизма, поэтому несколько даже неожиданным оказалась информация о том, что накануне нового года, 27 декабря 1941 г. (пусть даже и обладая на это юридическим правом, была такая статья на «соцбыт»), ряд руководящих работников облисполкома приняли решение «Оказать материальную помощь членам исполкома Облсовета», и далее приводится десять фамилий сотрудников обл и горисполкомов с суммами от 900 руб. до 400 руб. на человека¹².

Вызвала недоумение и информация о том, что при проверке работы Облздрава и рассмотрении 15 сентября 1941 г. на заседании облисполкома вопроса «О перестройке работы Облздрава в условиях военного времени» были выявлены факты больших недоработок. «Средства, отпущенные на питание больных, полностью не используются. По Приишимскому району вместо 4 руб. 01 коп. на одного больного – использовано 2 руб. 90 коп., имеет место хищение продуктов (детсанаторий).

Казмедснаб при распределении товаров не учитывает заявки больниц, засылаются товары, имеющиеся в больницах (замки, лопаты, железные кровати), Облздрав ни разу не проверил его работу»¹³.

Эта информация была приведена для того, чтобы не складывалось впечатление, что во всем и всегда виновато только центральное руководство, а внизу все и всегда великолепно, и личностный фактор влияет только на столицы, генералов и больших начальников.

При этом, какие бы проблемы не существовали в то время, наш народ все вынес и преодолел. Быть достойным лучших образцов трудового и ратного героизма наших отцов и дедов – святой долг каждого живущего!

¹ СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 969. Л. 128.

² Там же. Л. 128.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области. К 65-летию Победы: сб. – Петропавловск, 2010. – С. 15.

⁵ Там же. – С. 79.

⁶ Там же.

⁷ СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 969. Л. 146.

⁸ Там же. Д. 984. Л. 26–27.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 18–18 об.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Д. 981. Л. 43.

В. К. Клец

Днепропетровск, национальный университет

ФОЛЬКСДОЙЧЕ В ОККУПИРОВАННОЙ УКРАИНЕ: МИФЫ ИСТОРИОГРАФИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Несмотря на огромный массив имеющейся литературы, посвященной истории Великой Отечественной войны, и сегодня имеются сюжеты, которые исследователями в полной мере не освещены. Одной из таких малоисследованных проблем является положение населения на оккупированных территориях, и в частности положение этнических немцев (фольксдойче). Хотя за последние 20 лет появились уже работы российских, украинских, немецких исследователей, касающиеся различных аспектов данной проблемы (А. Айсфельда¹, А. Германа², А. Иванова и И. Иванькова³, Г. Калиничевой⁴, М. Коваля и П. Медведка⁵, В. Мартыненко⁶, А. Соловьева⁷, В. Солодовой⁸, Д. Титаренко⁹, Н. Шевчука¹⁰ и др.). Частично данные вопросы затрагиваются также и в работах, посвященных другим аспектам истории Великой Отечественной войны. Но и сейчас изучение названной темы еще далеко от завершения. Одной из главных проблем в достижении этой цели являются неточности в работах исследователей. И речь идет не о фактических неточностях (хотя их тоже хватает) или осознанных фальсификациях, а о различных оценках, как правило прямо противоположных, в освещении тех или иных процессов, связанных с историей этнических немцев в условиях оккупации.

В данной статье мы затронем только один аспект указанной проблемы – вопрос о коллаборационизме этнических немцев. Довольно распространенной является точка зрения об активном сотрудничестве этнических немцев с оккупантами. Например, известный исследователь коллаборационизма М. И. Семиряга отмечает, что «важную роль в осуществлении своей политики немецко-фашистские оккупанты отводили этническим немцам»¹¹, добавляя, что на оккупированной тер-

ритории СССР со стороны последних как раз «больше отмечалось случаев коллаборационизма с оккупантами»¹². Также он считает, что именно из немцев, как правило, вербовались старосты, переводчики, агенты полиции и гестапо¹³. О немалом количестве сотрудничавших с оккупантами указывает в своей статье В. Мартыненко¹⁴. И в то же время большинство исследователей и автор данной статьи в том числе в своих работах склоняются к мысли, что немцы СССР так и не стали для Германии ожидаемой «пятой колонной». Факты сотрудничества фольксдойче с оккупантами действительно имели место. И сотрудничали они в разных сферах: военной, административной, идеологической и т. д.

Еще до вступления германских войск на территорию СССР из венгерских этнических немцев начала формироваться 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер». Набор в немецкую армию продолжался и после вступления немецких войск на территорию СССР. И заинтересованность в этом проявляли как оккупационные власти, так и сами немцы. Как указывалось в одном из документов, оглашенном на Нюрнбергском процессе, этот «набор происходил не с целью укрепления немецкой армии, а с намерением... добиться путем привлечения этнических немцев в войну в рядах войск СС более тесного союза между этими группами этнических немцев и немецким народом»¹⁵. На местах проводились призывы. Так, в одном из документов Васильковской районной управы Днепропетровской области от 20 июня 1942 г. приводится текст объявления следующего содержания: «Местные немцы, которые докажут свою несомненную принадлежность к немецкой нации, будут приняты в Немецкую Армию. Заявления принимаются фельд- и ортскомендатурами»¹⁶. В основном они шли служить уже после эвакуации на территорию Германии, хотя и с самого начала оккупации по свидетельствам очевидцев добровольцев было немало. Так, в октябре 1942 г. в Молочной (Гальбштадте) был создан 1-й кавалерийский полк этнических немцев в составе 750–800 человек¹⁷. В 1943 г. полк прикрывал эвакуацию фольксдойче в Германию, позже вошел в состав дивизии СС «Флориан Гейер».

Привлекались фольксдойче и к агентурной работе. Например, в составе агентурно-диверсионной команды «Ягдвербанд-Ост», общая численность которой составляла более 500 чел., было две роты парашютистов по 120 чел., которые были укомплектованы исключительно из числа фольксдойче и которых готовили для заброски в тыл советских войск с целью проведения диверсионно-террористических актов¹⁸.

Довольно часто упоминается в документах и в воспоминаниях свидетелей событий служба фольксдойче в полиции. При этом среди них отмечались и рьяные служаки, которые преследовали советских

граждан, оказавшихся в оккупации. Например, об одном из них, жандарме из с. Орлово Николаевской области П. Ф. Дике, упоминается, что он «бил советских граждан и передавал советских граждан к расстрелу»¹⁹. Часто при этом преследовались не только украинцы, русские, но и этнические немцы. Так, житель Днепропетровской области Я. Ф. Вельтерлих был арестован гестапо и содержался в Днепропетровском концлагере. Он упоминает нескольких своих земляков-немцев, которые служили в 129-м штурмбатальоне, охранявшем концлагерь²⁰.

Привлекались фольксдойче к работе в местных администрациях. В основном это была работа по принуждению, но было немало случаев и добровольного сотрудничества. Понятно, что оккупационные власти отдавали предпочтение этническим немцам при назначении бургомистров, старост, работников управ. Как отмечает российский исследователь Б. Н. Ковалев, «немцы активно заигрывали с представителями национальных меньшинств... Особое место занимали фольксдойчи... Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение»²¹.

В основном назначенные на эти должности занимались налаживанием жизни на вверенной территории. Например, Х. Герлах пишет о деятельности председателя районной управы в Хортице Йозефа Эппа как о необходимой населению. При его поддержке были вновь открыты церкви и приходы, он проявлял большую заботу о том, чтобы открывались школы. Прикладывались усилия, направленные на предотвращение мародерства, очищение улиц и т. п.²²

С другой стороны зарекомендовал себя председатель городской управы Юзовки (в настоящее время Донецк) уроженец колонии Вальдорф Запорожской области А. А. Эйхман (до войны – член ВКП(б), председатель колхоза в с. Райхенфельд Запорожской области). Он показал себя добросовестным помощником оккупантов: контролировал сбор с еврейского населения контрибуции, руководил изъятием у местного населения продуктов, теплой одежды, мебели и т. д., давал указания об аресте советских активистов, евреев, нелояльно настроенных по отношению к оккупантам лиц, направлении их в концлагеря, участвовал в организации еврейского гетто, занимался обеспечением оккупационных войск. За свою деятельность А. А. Эйхман был награжден немецкой «Ост-медалью», а в августе 1943 г. – орденом²³. В то же время немало уделялось внимания и нормализации жизни в городе. Открывались коммунальные предприятия, магазины, хлебопекарни, мясокомбинат, кустарные предприятия, медицинские учреждения, театры, кинотеатры, школы, ремонтировались улицы и дороги, весной 1943 г. была возобновлена работа городского транспорта и т. д.²⁴ Правда, вторая часть его работы не смогла перевесить первую. В 1946 г. он был осужден за измену Родине и приговорен к расстрелу.

На более низком уровне представителям администрации приходилось больше внимания обращать потребностям населения. В целом можно сказать, что сотрудничество в военной и административной сфере фольксдойче и оккупационных властей не дает основания сказать о массовом коллаборационизме. Даже несмотря на довольно теплые отношения между оккупантами и этническими немцами, на их участие в вооруженной борьбе против СССР в различных формах, создать какие-либо крупные вооруженные формирования подобно РОА, казачьим, мусульманским, другим национальным частям немецкому командованию не удалось. Для этого как раз не хватало фактов массового сотрудничества. Административная же работа этнических немцев была направлена как на выполнение заданий оккупационных властей, это была добросовестная работа на благо Германии, так и на организацию мирной жизни населения, помощь населению в преодолении возникших в связи с войной трудностей. Стоит также учитывать, что в основном фольксдойче занимали административные посты либо в немецких поселениях с немецкими жителями, либо в немецких поселениях, из которых немцев выселили в начале войны, но в небольшом количестве они все же оставались. В украинских населенных пунктах обходились как правило своими собственными кадрами. При этом часто украинские руководители выполняли свои задачи более рьяно, чем этнические немцы. Работа в полиции также носила двойкий характер. Где-то это была добросовестная служба оккупантам, но нередкими были случаи использования службы в полиции для борьбы с оккупантами, как это было например с павлоградской подпольщицей К. А. Таблер-Новиковой²⁵ или партизаном, Героем Советского Союза Р. А. Клейном²⁶.

Еще в самом начале войны Германии против СССР Г. Гиммлер в приказах службе связи с немецкими национальными меньшинствами требовал «принять срочные меры в целях учета лиц немецкой национальности в оккупированной части Советского Союза для последующего выдвижения надежных из них на руководящую работу в местные органы государственного аппарата». Но, как считает исследователь коллаборационизма в годы войны Л. де Йонг, на практике из данного мероприятия почти ничего не получилось²⁷. Объяснение этому стоит искать, на наш взгляд, в том, что, как информировал генерал Лахузен, «некоторые немцы, особенно молодежь, сочувствовали коммунизму»²⁸. А в одном из официальных докладов в Берлин от октября 1941 г. говорилось, что местные немцы, даже если они не являются коммунистами, «имеют совершенно неправильные представления о взаимоотношениях внутри рейха. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации. К евреям они обычно относятся безразлично. Показательным является тот факт, что после вступления немецких войск ме-

стные немцы не принимали совершенно никаких мер против евреев, более того, они считали евреев безобидными людьми, не внушающими никаких опасений»²⁹.

Разные оценки даются исследователями и по вопросам отношения фольксдойче и евреев, материального положения этнических немцев и ряду других. Задачей историков в данной ситуации является накопление фактического материала, что позволит объективно оценивать изучаемые и описываемые события.

¹ *Айсфельд А.* Великая Отечественная война 1941–1945 // Немцы России. – М., 1999. – Т. 1: А–И. – С. 337–342; *Он же.* Немецкие этнические меньшинства в странах Средневосточной и Восточной Европы накануне и в первые месяцы Второй мировой войны в политике Третьего рейха // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг. – М., 2001. – С. 17–39; *Он же.* Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2007. – № 2. – С. 99–119.

² *Герман А. А.* Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг. – С. 257–270; *Герман А., Шульга И.* «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде»: Советские немцы на фронте и в тылу врага // Родина. Российский исторический журнал. – 2010. – № 5. – С. 28–31.

³ *Иванов О. Ф., Іваньков І. О.* Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців України // Український історичний журнал. – 2005. – № 3. – С. 83–95; *Іваньков І. О.* Окупаційна політика гітлерівської Німеччини стосовно етнічних німців у Рейхскомісаріаті «Україна»: автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ, 2007.

⁴ *Калиничева Г. И.* Депортация немецкого населения Украины в 30–40-е годы // Тоталитаризм и анти тоталитарные движения. – Харьков, 1994. – С. 309–312; *Калиничева Г. І.* Правовий статус та соціально-економічне становище етнічних німців у Рейхскомісаріаті «Україна» // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2007. – С. 227–243.

⁵ *Коваль М. В., Медведок П. В.* Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. – 1992. – № 5. – С. 15–28.

⁶ *Мартыненко В. Л.* Политика командования вермахта в отношении этнических немцев на территории военной зоны Украины (1941–1943 гг.) // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». – М., 2009. – С. 442–448.

⁷ *Соловйов О. В.* Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2002. – С. 120–132; *Соловьев А. В.* Фольксдойче и их взаимоотношения с нацистскими организациями в Рейхскомиссариате Украины // Ключевые проблемы истории российских немцев. – М., 2004. – С. 426–433.

⁸ *Солодова В. В.* Диверсионно-разведывательная деятельность Н. А. Гефта в оккупированной Одессе (1943–1944): мифы и реальность // Немцы СССР... – С. 214–222.

⁹ *Титаренко Д. Н.* А. А. Эйхман – председатель городской управы г. Юзовки (Сталино) во время немецко-фашистской оккупации // Немцы СССР... – С. 249–256.

¹⁰ *Шевчук Н. А.* Фольксдойче в Транснистрии // Немцы СССР... – С. 223–234.

¹¹ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 389.

¹² Там же. – С. 396.

¹³ *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. – М., 1991. – С. 98–99.

¹⁴ *Мартыненко В. Л.* Политика командования вермахта... – С. 447.

¹⁵ Дело главного управления СС по вопросам расы и поселений (дело № 8) // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. – М., 1966. – Т. 3. Преступления против человечности. – С. 211–212.

¹⁶ ГАДО. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 23. Л. 279.

¹⁷ *Айсфельд А.* Великая Отечественная война 1941–1945... – С. 339; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма... – С. 99; *Gerlach H.* Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs. – 3. Stark erweiterte Auflage. – Kirchheimbolanden, 1998. – S. 94, 96.

¹⁸ Протокол допроса сотрудника Истребительного соединения войск СС оберштурмфюрера СС Тоне Бруно. 11 февраля 1945 г. // Чувев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. – СПб., 2003. – Кн. II. – С. 322.

¹⁹ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 22278. Л. 2.

²⁰ Там же. Д. 43107. Л. 16.

²¹ *Ковалев Б. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. – С. 13.

²² *Gerlach H.* Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs. – S. 83.

²³ *Титаренко Д. А.* А. А. Эйхман – председатель городской управы... – С. 249–252, 254–255.

²⁴ Там же. – С. 253–255.

²⁵ ГАДО. Ф. 19. Оп. 8. Д. 43. Л. 104.

²⁶ *Клеу В. К.* Героизм советских немцев в борьбе против фашистской агрессии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы германской истории. – Днепрпетровск, 2001. – С. 69.

²⁷ *Йонг Л. де.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. – М., 1958. – С. 358.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. – С. 359.

М. Р. Москаленко

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

**ГЕНЕРАЛ А. А. ВЛАСОВ И ЕГО ПРОЕКТ
ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
(к вопросу о коллаборационизме)**

В 1990-е гг., когда происходил пересмотр истории Великой Отечественной войны, в числе одного из основных вопросов оказалась морально-этическая оценка деятельности людей, сотрудничающих с Германией, в том числе и ключевой фигуры данного движения – генерала А. А. Власова. Поскольку одна из функций истории – это давать морально-этические оценки каких-либо фактов, событий, деятельности людей, то трудно ожидать, что споры вокруг таких неоднозначных фигур, как А. А. Власов, прекратятся, т. к. каждое поколение будет переосмысливать исторические события и искать в собственной истории большие смыслы, формирующие мировоззрение и задающие позитивные ориентиры личности и обществу.

С точки зрения исторической альтернативистики вопрос «Что было бы, если бы...» оставляет простор для мысленного моделирования и анализа исторического опыта, и ответ на него (какая альтернатива была выбрана – лучшая или худшая) во многом определяет мировоззренческие критерии оценки исторического прошлого, осознания страны как исторически успешной или неуспешной и задает позитивные или негативные стереотипы массовому сознанию. Поэтому вопрос «Что было бы, начни реализовываться проект “Новой России” А. А. Власова?», по-прежнему остается актуальным в истории изучения Великой Отечественной.

Четкого проекта будущего государства у генерала А. А. Власова не было, и об его замыслах мы можем судить только из его писем и листовок.

Так, в открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» А. А. Власов пишет следующее: «В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной Армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье. И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил»¹. Далее говорилось, что русский народ в союзе и сотрудничестве с Германией должен построить новую счастливую родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы. При этом использовалась революционная риторика: «Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России – Родины нашего великого народа»².

Как видим, в подобных высказываниях генерала нет четкого и конкретного проекта, а лишь популистские, пропагандистские высказывания об отказе от большевистской идеологии и союзе с Германией, сопровождаемые революционной риторикой, которая свойственна модерну вообще.

Другой интересный источник – Манифест Комитета Освобождения Народов России³ – организации, созданной в 1944 г., во главе которой стоял А. А. Власов. В данном документе провозглашалось равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность. В п. 2 говорилось об утверждении национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации. Предполагалась ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, ликвидация колхозов и безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Провозглашалась неприкосновенность частной трудовой собственности, восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны. Говорилось об уничтожении режима террора и насилия, ликвидации насильственных переселений и массовых ссылок, введении действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Заявлялись гарантии неприкосновенности личности, имущества и жилища, равенство всех перед законом, независимость и гласность суда, предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

Предусматривалось освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Провозглашалось равноправие женщины, государственное обеспечение инвалидов войны и их семей, введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости, социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации.

В данном проекте ничего не говорилось о политическом и государственном устройстве будущей России, в нем идеологически причудливо сочетались национализм, антикоммунизм, либерализм, идеи социального государства. Совершенно непонятно, на какие социальные силы он мог опереться. Все это говорит об утопичности данного проекта.

Немецкому руководству, естественно, не нужна была сильная Россия, ставшая социальным государством (отметим, что обещанных в Манифесте социальных благ и гарантий тогда не было даже в самых развитых странах). Как пишет историк Л. Млечин, руководитель СС Г. Гиммлер отмечал: «...опасно делать из идеи славянина большую

политическую программу, которая в конечном счете может обернуться против нас самих»⁴.

Другой автор, Д. Чегин, отмечает, что в случае поражения СССР и создания «Новой России» Власова данному государственному образованию было бы позволено иметь лишь очень небольшие вооруженные силы с очень слабым техническим оснащением⁵. Эти военные формирования должны будут вести борьбу с партизанскими силами просоветски настроенных граждан, а также с различными национальными бандами внутри страны и по ее периметру. Также самые боеспособные части этих войск должны будут оказывать помощь вермахту в его продолжающейся борьбе с союзниками, осуществляя роль вспомогательных и охранных сил в ходе операций против Индии (например, охрана коммуникаций в Афганистане) и на Ближнем Востоке.

Как полагает Д. Чегин, в «Новой России» сформировались бы административно-территориальные образования с высокой степенью сепаратизма, а многочисленные богатые разными полезными ископаемыми или продовольствием земли были бы объявлены экстерриториальными, на которых хозяйствование и управление осуществляется германским или японским командованием. Таким образом, в итоге гипотетической победы Германии над СССР и реализации проекта А. А. Власова было бы создано неполноценное государство, с постоянно подвергаемым сомнению суверенитетом, находящееся под частичной иностранной оккупацией, со слабой армией, которая вынуждена вести военные действия в интересах своих «союзников». Внутренняя организация этого государства аморфна и представляет собой конгломерат территорий, контролирующихся национальными и сословными сепаратистами, и районов, находящихся под личной властью местных «князьков», практически независимых от центра⁶.

Таким образом, историческая альтернатива развития русской государственности как «Новой России» А. А. Власова является «мнимой». Положение страны в реализовавшемся *Rex Germania* было бы гораздо хуже, чем, скажем, положение России после поражения в «холодной войне» в 1990-е гг. в современном *Rex Americana*. Попытка ее реализации была бы чревата новым Смутным временем и быстрым истощением цивилизационных ресурсов страны.

¹ Почему я стал на путь борьбы с большевизмом (открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова) // Генерал Власов. Книги. Статьи. Документы. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/general-vlasov/9.htm>.

² Там же.

³ Манифест Комитета Освобождения Народов России. 11 ноября 1944 г. // Генерал Власов. Книги. Статьи. Документы. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/general-vlasov/8.htm>.

⁴ Млечин Л. Генерал Власов. Плен. Предательство. Казнь // Вечерняя Москва. Портал городских новостей. – URL: <http://www.vmdaily.ru/article/19481.html>.

⁵ Чегин Д. Элементарная логика против «патриотизма» генерала Власова // Русский обозреватель. – URL: <http://www.rus-obr.ru/day-comment/4078>.

⁶ Там же.

Г. М. Набиуллина

Уфа, Башкирский педагогический университет

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Развитие культуры советского народа нашло воплощение в достижениях профессионального искусства и художественной литературы, ставших частью духовного богатства. Произведения талантливых мастеров слов сыграли огромную роль в нравственном и эстетическом воспитании народа. Особо надо отметить произведения о Великой Отечественной войне, где описывается судьба народа в условиях суровой и жестокой войны. Хотя со времени их создания прошло больше чем полвека, до сих пор эти стихи и поэмы, рассказы и повести, очерки и романы являются лучшими произведениями прошлого века, основанными на реальных фактах.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием не только для советской системы, но и для нашей многонациональной литературы. С первых дней войны вместе с народом поднялись писатели и поэты, которые призывали всех на защиту Родины. Любовь к отечеству и сплоченность народов, проживающих на территории бывшего СССР, нашли яркое воплощение в произведениях писателей-фронтовиков, таких как Ю. Бондарев, В. Быков, А. Ананьев, В. Карпов, В. Богомолов, М. Карим и др.

Башкирская литература, как и литература советская, прошла это испытание героически. 23 июня 1941 г. писатели Башкортостана организовали митинг. Многие писатели и поэты в первые дни войны добровольно ушли на фронт. На полях сражения погибли такие молодые талантливые поэты, как М. Хай, М. Харис, Х. Кунакбай, Н. Карип, С. Мифтахов, Г. Юсупов, Т. Мурат, Б. Мукамай, М. Абдуллин, А. Шакири, а С. Кудуш, Р. Нигмати, Б. Бикбай, С. Агиш, Г. Гумер работали в тылу. Литературе военного времени характерны прежде всего суровый реализм и вера в победу. Основная тема всех жанров – защита Родины.

В авангарде была публицистика и поэзия, в публицистике усиливался гражданский пафос, в лирике углублялись общественные мотивы, писатели стали обращаться к героическому прошлому. Появились

агитационные стихи «За Родину» Р. Нигмати, «Песня гнева» Х. Карима, «Смерть фашизму» Б. Бикбая, «Разгромим врага» М. Карима. Возрождались древние воинские традиции в стихах и поэмах. Центральными образами становились храбрые батыры, их матери, жены и возлюбленные, главными были темы верности, героизма, любви к отчизне и ненависти к врагам. Создавалась коллективная поэма, посвященная воинам башкирской кавалерийской дивизии, популярной стала в эти годы форма стихотворных посланий, например, поэтическое письмо «Слово Башкортостана» Р. Нигмати.

Писатели Башкортостана адресовали письмо своим землякам – Башкирской кавалерийской дивизии. М. Карим обратился со стихотворением «Ответное письмо башкирскому народу». Описывается внутренний мир бойцов, побеждавших в кровавых битвах с врагом. Появились песни, поэмы и баллады, например: «Мой односельчанин» С. Кудаша, «Песня декабря», «Ульямсабай» М. Карима, «Солдат Файзулла» Г. Гумера, «Урал батыр» М. Тажи, «Зоя» Г. Рамазанова, «Гата Идельбаева» А. Вали, в которых отражался героизм башкирских воинов через судьбы сильных людей. Поэтического слово Б. Бикбая, Р. Нигмати, Х. Карима, С. Кулибая, К. Даяна, Т. Амири, М. Хая, А. Вали, М. Хариса, М. Сундюкле стало метким и проникновенным в годы войны. Воспевались любовь и дружба, героизм и мужество в поэзии военных лет, отражалась братская дружба народов страны в стихах С. Кудаша, С. Кулибая, Г. Рамазанова. Усиливается внимание к фольклору. В 1942 г. издается кубаир «Отечественная война» М. Бурангулова, в 1943 г. – его книга «Эпос о батырах», поэма «Убей, сын мой, фашиста!» (1942), «Письмо твоей невесты» (1943) Р. Нигмати.

В прозе преобладали малые жанры: рассказ, очерк, публицистические статьи, – для которых были характерны две особенности – документальность и публицистическая острота. Раскрывались социально-психологические корни героизма в произведениях С. Агиша, Б. Бикбая, Б. Дима, К. Мергена, К. Даяна, Х. Карима, А. Карная, А. Чаныша. Сблизился биографический очерк с документальной повестью: «Зубей Утягулов» Ж. Киекбаева, «Арслан» Б. Бикбая. Появились книги: «В степях Дона» («Дон далаларында», 1942) С. Кудаша, «Для фронта» («Фронт осэн», 1943) С. Агиша, «Башкиры» («Башкорттар», 1943), «Джигиты» («Егеттэр», 1944) К. Мергена. В рассказах «Всадник Илмурза», «Мои три месяца» С. Агиша преобладала документальная основа. Отражаются фронтовые будни башкирских конников в путевых записках С. Кудаша, С. Агиша.

Характерной чертой для первых пьес были патриотические порывы простых людей: «Родина зовет» (1941), «Дети одной семьи» (1944) Б. Бикбая, «В одной семье» (1941) К. Мергена, «Одна семья»

(1941) С. Агиша. Героическая борьба партизан раскрывается в пьесе «Лес шумит» (1943) Р. Нигмати; обращение к теме исторического прошлого башкирского народа: «Салават» (1941), «Кахым турэ» (1942), Б. Бикбая, «Башкирская свадьба» (1941), «Пастух» (1944), «Идегей и Мурадлым» (1945) М. Бурангулова.

Творчество народного поэта Башкортостана, Героя Социалистического Труда Мустая Карима стало духовным достоянием и национальной гордостью республики. Лучшие образцы поэзии и драматургии Карима вошли в золотой фонд советской литературы¹. Талантливый прозаик, драматург, философ Мустай Карим еще в 1938 г. написал свое знаменитое стихотворение «Смерть друга», герой которого погиб от вражеской пули, попавшей в сердце через комсомольский билет. В августе 1942 г. под Орлом М. Карим получил тяжелое ранение, в точности повторяя судьбу героя своего стихотворения. Была небольшая разница: вражеский снаряд попал в легкие поэта, пробив комсомольский билет.

Видный ученый-филолог, академик АН РБ Гайса Хусаинов писал: «Поэтический талант Мустая Карима по-настоящему раскрылся в пору Великой Отечественной войны. Поэт, находившийся все военные годы на фронте, сумел передать мысли и чувства советских людей в ярких, глубоко лирических картинах»².

Стихотворения и поэмы военных лет Мустая Карима проникнуты гуманизмом. Он и после войны описывал только светлые стороны жизни. Именем России он всегда дорожил.

«Заслуга нашей литературы минувшего полувека – в подлинно художественном и безошибочно точном осмыслении событий Великой Отечественной войны. Произведений такого уровня правды об этой шекспировской по трагедийности странице мировой истории нет, пожалуй, ни в одной литературе мира»³. Действительно, такое глубокое чувство патриотизма редко встретишь и в современной литературе.

Какими бы тяжелыми ни были судьбы писателей, они не пали духом. Наперекор судьбе жили, творили во благо своего отечества, потому что в XX в. люди верили в нравственность, гуманизм.

¹ Хусаинов Г. Б. Литература и наука. – Уфа, 1998. – С. 308.

² Там же. – С. 309.

³ Соловей В. Русская история: новое прочтение // Литературная газета. – 2007. – № 44.

Н. С. Булатова, А. В. Чухно

*Омск, Институт ветеринарной медицины аграрного университета,
Петропавловск, Северо-Казахстанский государственный университет*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Нынешний год сопряжен с 70-летием начала Великой Отечественной войны. Не случайно военной тематике уделяется большое внимание в научной и повседневной жизни. Старшему поколению людей, прошедшему военное лихолетье или хорошо его знавшему по своему детству, воспоминаниям членов их семей, на смену приходит молодежь, мало знакомая с более чем полувековой историей некогда единой страны.

В последние годы началось «переосмысление» нашего исторического прошлого, в частности истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Идет изощренная, хорошо оплачиваемая война за умы молодежи. Об этом мы уже вели речь¹. Прошло 3 года. Что изменилось в мировоззрении наших студентов? Приведенные ниже данные не претендуют на глобальность выводов, но в определенной мере являются показательными.

Студентам негуманитарных специальностей ИВМ ОмГАУ и СКГУ было предложено несколько вопросов. Результаты данного опроса приводятся ниже (см. табл.).

Знание студентами основных событий Второй мировой и Великой Отечественной войн

<i>Полученные ответы</i>	<i>Год и место проведения опроса, количество ответов, %</i>		
	<i>ИВМ ОмГАУ, 2008 г.</i>	<i>ИВМ ОмГАУ, 2010 г.</i>	<i>СКГУ, 2010 г.</i>
Дата начала и окончания Второй мировой войны			
1939–1945 гг.	57,2	55,8	61,7
1941–1945 гг.	19,9	21,4	2,6
Не ответили	19,9	17,1	35,7
Другие даты	3,0	5,7	
Дата начала и окончания Великой Отечественной войны			
1941–1945 гг.	76,6	98,6	94,3
Не ответили	6,8	1,4	5,7
Другие даты	16,6	Не названы	

Полученные ответы	Год и место проведения опроса, количество ответов, %		
	ИВМ ОмГАУ, 2008 г.	ИВМ ОмГАУ, 2010 г.	СКГУ, 2010 г.
Кого из военачальников, внесших вклад в победу в Великой Отечественной войне, вы знаете			
Г. К. Жуков	86,6	60	76,5
Другие военачальники, в том числе:	53,3	–	–
И. В. Сталин	3,6	28,5	12,6
И. В. Панфилов	Не назван	Не назван	50,4
К. Е. Ворошилов	6,4	5,7	1,3
Д. М. Карбышев	3,6	5,7	Не назван
К. К. Рокоссовский	21,6	22,8	12,2
И. С. Конев	12,0	2,8	3,9
С. М. Буденный	1,5	2,8	0,9
Не ответили	13,0	11,4	5,2
Назвали фамилии дру- гих военачальников	10,0	20,0	24,28
Какие сражения Великой Отечественной войны вы знаете			
Сталинградская битва	63,3	51,4	63,0
Битва за Москву	40,0	11,4	32,6
Оборона Ленинграда	13,3	14,2	46
Курская дуга	Нет данных	45,7	28,3
Оборона Брестской крепости	Не названа	22,8	6,5
Оборона Севастополя	Нет данных	5,7	2,6
Битва за Смоленск	Не названа	5,7	1,7
Битва за Берлин	Не названа	Не названа	12,2
Битва за Калининград	Не названа	Не названа	1,7
Другие сражения	Не названы	11,4	6,9
Назвали несущест- вующие сражения	3,3	5,7	Нет данных
Затруднились ответить	13,3	25,7	9,1
Кто являлся союзником СССР			
Франция	46,6	28,5	28,7
Англия	36,6	40,0	51,3
США	33,3	42,8	57,0
Япония	3,3	Не названа	4,3
Украина	Нет данных	Не названа	10,0
Белоруссия	Не названа	8,6	3,4
Казахстан	Не назван	5,7	13,5
Италия	Не названа	Не названа	1,7
Испания	Не названа	11,4	1,7

Полученные ответы	Год и место проведения опроса, количество ответов, %		
	ИВМ ОмГАУ, 2008 г.	ИВМ ОмГАУ, 2010 г.	СКГУ, 2010 г.
Грузия	Не названа	Не названа	0,4
Страны Прибалтики	Не названы	Не названы	1,3
Югославия	Не названа	Не названа	0,4
Иран	Не назван	Не назван	0,4
Монголия	Не названа	Не названа	0,9
Куба	Не названа	Не названа	0,9
Польша	Нет данных	Не названа	10,0
Кто являлся союзником Германии			
Франция	30,0	11,4	6,09
Англия	26,6	8,6	0,9
США	3,3	5,7	10,4
Япония	33,3	37,7	52,6
Италия	Нет данных	37,1	54,8
Испания	Нет данных	Не названа	6,9
Финляндия	Не названа	Не названа	3,9
Венгрия	Нет данных	Не названа	3,5
Польша	Не названа	Не названа	2,6
Китай	Нет данных	Не назван	2,2
Румыния	Нет данных	5,7	0,9
Австрия	Не названа	14,2	10,0
Затрудились ответить	0	20,0	Нет данных

В результате обработки анкет и их анализа выявлено, что большинство студентов имеют правильное представление о хронологических рамках Второй мировой и Великой Отечественной войн. Более того, количество студентов, правильно назвавших годы Великой Отечественной войны к 2010 г. увеличилось, а студентов ИВМ ОмГАУ, указавших неверную датировку, не стало вообще.

Ответ на вопрос «Кого из военачальников, внесших вклад в победу в Великой Отечественной войне, вы знаете?» выявил бесспорное доминирование Г. К. Жукова, хотя количество студентов ИВМ, назвавших его, несколько уменьшилось, зато резко увеличилось количество назвавших И. В. Сталина. Также интересно отметить, что студенты показали знание военачальников, имеющих отношение к их региону. Омские студенты отметили Д. М. Карбышева, не назвав И. В. Панфилова, тогда как студенты из Казахстана его называли, не упомянув Д. М. Карбышева. К сожалению, увеличилось число студентов, назвавших фамилии, не имеющие отношения к Великой Отечественной

войне. Если в 2008 г. преобладали имена Кутузова и Суворова, то сейчас к ним добавились Троцкий, Петр I, Николай I, Потемкин, Киров. Студенты СКГУ, отвечая на этот вопрос, назвали имена Кутузова, Суворова, Чапаева, Македонского. Это свидетельствует как минимум о невнимательности респондентов, как максимум – об отсутствии представления, кем они были на самом деле.

Среди названных сражений Великой Отечественной войны бесспорно лидирует Сталинградская битва. Отрадно отметить, что студенты стали знать большее количество сражений, но количество названных сражений, не имеющих отношения к Великой Отечественной войне или несуществующих, у студентов ИВМ также увеличилось. У студентов СКГУ процент подобных ответов составил 6,9 %. К битвам Великой Отечественной войны были отнесены Полтавское сражение, Куликовская и Невская битвы и даже Кровавое воскресенье.

Наиболее поразительные результаты были получены при ответе на вопросы о союзниках СССР и Германии. Самый большой процент студентов ИВМ и СКГУ назвали США и Англию. Интересно отметить, что студенты ИВМ в 2008 г. не называли республики СССР в качестве союзников, т. е. СССР представлялся им единым государством. В 2010 г. студенты обоих вузов, отвечая на этот вопрос, назвали Белоруссию, Казахстан, Украину и др. К 2010 г. студенты ИВМ перестали называть Японию союзницей СССР, тогда как 4,3 % студентов СКГУ ответили именно так.

Подводя итоги исследования, проведенного в Петропавловске и в Омске, можно отметить, что многие молодые люди, обучающиеся в вузе и претендующие на диплом о высшем образовании, весьма поверхностно знают историю Второй мировой и Великой Отечественной войн, а значит историю своей страны. Хочется задать вечный вопрос: «Кто виноват?» Как нам кажется, на него нельзя найти однозначный ответ.

Посмотрев школьную программу, мы увидим, что на изучение Великой Отечественной войны отводится мизерное количество времени. Да и изучается она в основном по учебникам, изданным с благословения Сороса, откуда следует определенная направленность излагаемого материала. По новым, «инновационным» проектам, истории не будет места среди обязательных предметов. Вуз, по тем же причинам, не может решить эту проблему.

Справедливости ради нужно отметить, что в последнее время в России стала издаваться методическая литература по патриотическому воспитанию для детей дошкольного и школьного возраста. В школах проводятся Дни мужества и Дни памяти. Но если заглянуть на соответствующие сайты в интернете, можно прочитать отзывы школьников об

этих мероприятиях. Самый безобидный из них: «Ураа!!! Не будет физики! Отдохнем на встрече с ветераном!» Откуда подобный цинизм?

Дело в том, что не семья, школа или высшее учебное заведение в большей степени формируют мировоззрение молодежи, а глобальная культура коммуникаций, созданная для глобального контроля людей, в том числе и в духовной сфере, через интернет, кинематограф. Специалисты в этой области И. В. Смирнов и Е. В. Бизносюк отмечают, что «чрезвычайно важной проблемой в наше время стала перенасыщенность информацией психологического пространства человека и общества в целом, достигшая критического уровня, за которым становится реальным управление и манипулирование самочувствием, настроением, поведением и всей картиной мира человека»².

Прошло время, когда о войне узнавали от отцов и дедов, вернувшихся с войны. В средствах массовой информации муссируется «переосмысление» «новых» фактов и «нового» видения итогов и хода войны. Большой вклад в это «переосмысление» внесла издаваемая массовым тиражом литература, начиная с книг общеизвестного Резуна-Суворова и его «соратника» по «переосмыслению» Владимира Бешанова, заканчивая менее известными авторами серии «Великая отечественная: Неизвестная война». В рамках «переосмысления» и поисков «правды» Марк Солонин вообще предлагает: «Никаких книг, никаких статей. В школьном учебнике – краткое уведомление о том, что в стране действует мораторий. И только тогда, когда воспоминания об этом состоявшемся Апокалипсисе перестанут быть кровоточащей раной в сердце народа, когда уйдут последние ветераны, когда прах неизвестных солдат станет, как в песне сказано, “просто землей и травой” – вот тогда рассекречиваем ВСЕ архивы для ВСЕХ желающих в них работать и работаем. Создаем общими усилиями правдивую, на документах основанную, историю Великой войны»³. К сожалению, сам Солонин изменил своей мечте, наступил на горло собственной песне и успешно создает «исторические бестселлеры». К счастью, в последнее время вышел целый ряд честных, умных книг, посвященных Великой Отечественной, в частности, воспоминаний простых тружеников войны – солдат и младших командиров.

Гораздо большее влияние, чем книги, на формирование мировоззрения молодежи по развенчанию истинных победителей оказывают политтехнологии, основанные на кино- и телефильмах. Старые фильмы о войне, честные и трагические, снимали те, кто знал о войне не понаслышке. Что знают о войне снимавшие «Бронепоезд», «Сволочей», «Штрафбат», названный «Золотой серией России», и другие? И бесполезно доказывать, взывая к фактам и разуму, что авторы понятия не имели, что такое штрафбат, что автор «Сволочей» лгал, утверждая,

что фильм снят на документальной основе. Напрасны возмущенные выступления оставшихся в живых ветеранов войны. Их голосов никто не слышит. Показателем того, что именно кино является наиболее значимым фактором, влияющим на мировоззрение, служит тот факт, что после выхода фильма «Брестская крепость», битву за нее упомянули 22,8 % омских студентов, тогда как в 2008 г. о ней не вспомнил никто.

Еще одним средством манипулирования сознанием молодежи являются компьютерные игры, посвященные Второй мировой и Великой Отечественной войнам. По опросам, в них играет более 20 % студентов ИВМ. Естественно, что почти все игры иностранного производства и соответственной направленности. В игре «Call of Duty» битву за Сталинград ведут американцы, доблестно гоня фашистов до Берлина. В игре «Medal of Honor» вам опять предоставляют возможность играть за американцев. В игре «Блицкриг» («Пылающий горизонт») из 18 миссий на стороне русских вы можете воевать только в 2 сражениях. В игре «День победы» вам предоставлена возможность играть за любое государство, но по условиям игры вы с трудом выигрываете сражение на стороне советских войск, даже если имеете перевес сил в 2–3 раза. 100 % опрошенных игроков утверждает, что проще всего выиграть, играя за американцев. Кто-то оплачивает издание именно этих книг, съемки именно этих фильмов, ведет покупку и разработку именно этих игр. Значит, это кому-то нужно?

В конце этой статьи приведем высказывание ветерана Великой Отечественной войны Якова Борисова: «Хочется верить, что народ наш стряхнет оцепенение, вспомнит звание народа-победителя, обретет былое достоинство и твердость и как в 41-м стеной встанет против навязываемой ему психологии корысти, насилия, бездуховности. Народ испокон веков был поборником гуманизма и справедливости. А справедливость не может умереть, ибо это извечная мечта человека. И хочется дожить, когда вновь, как в 45-м, придет к нам светлая весна Победы»⁴.

¹ Булатова Н. С. Великая Отечественная война глазами современной молодежи // Катанаевские чтения. – Омск, 2008. – С. 187–190.

² Смирнов И. В., Безносюк Е. В. Манипулирование сознанием и феномен «открытой личности» // Российский медицинский журнал. – 1995. – № 1. – С. 31.

³ Солонин М. С. 22 июня. Анатомия катастрофы. – М., 2009. – С. 5.

⁴ Борисов Я. И. Знак судьбы. – Омск, 1995. – С. 92.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ПГОМ	– Архив Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева
Архив ЯНЦ СО РАН	– Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
АУФСБОО	– Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Омской области
БВФ	– Беломорская военная флотилия
БУ ИсаОО	– Бюджетное учреждение «Исторический архив Омской области»
ВОХР	– вневедомственная вооруженная охрана объектов оборонного назначения
ГАДО	– Государственный архив Днепропетровской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАХМАО	– Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа
ГКО	– Государственный Комитет Оборона
Главсевморпуть	– Главное управление Северного морского пути
ГУКО ГАКО	– Государственное учреждение Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области»
ГУПВИ	– Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ГУТО ГАТО	– Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
КрайОНО	– краевой отдел народного образования
КРС	– крупный рогатый скот
МТС	– машинно-тракторная станция
НАРБ	– Национальный архив Республики Бурятия

НАТО	– Организация Североатлантического договора
НИИЦ	– научно-исследовательский и проектный центр
ОбЛОНО	– областной отдел народного образования
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОмГАУ	– Омский государственный аграрный университет
ОмГПУ	– Омский государственный педагогический университет
ОмГТУ	– Омский государственный технический университет
ОмГУ	– Омский государственный университет
Омкстат	– территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области
ОмСХИ	– Ордена Ленина Омский сельскохозяйственный институт им. С. М. Кирова
ОФ ОИИФФ СО РАН	– Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук
ПАСЕ	– Парламентская ассамблея Совета Европы
ПНС	– Партия народной свободы
РГАКФД	– Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РГВА	– Российский государственный военный архив
РОА	– Русская освободительная армия
Сибака	– Сибирская сельскохозяйственная академия
СибВО	– Сибирский военный округ
СибНИИЗХ	– Сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства
СибНИИСХ	– Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
СКГА	– Северо-Казахстанский государственный архив
СКГУ	– Северо-Казахстанский государственный университет (Петропавловск)
СНК	– Совет народных комиссаров
СНХ	– Совет народного хозяйства
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук

СПП	– Союз польских патриотов в СССР
СФ РИК	– Сибирский филиал Российского института культурологии
УПВ	– Управление по делам военнопленных
УПВИ	– Управление по делам военнопленных и интернированных
ФНА РС(Я)	– Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия)
ФРС США	– Федеральная резервная система Соединенных Штатов Америки
ХМНО	– Ханты-Мансийский национальный округ
ЦАМО	– Центральный архив Министерства обороны
ЦДНИ	– Центр документации новейшей истории
ЦДОСО	– Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦХАФ АК	– Центр хранения архивных фондов Алтайского края

СОДЕРЖАНИЕ

[Обращение губернатора Омской области Л. К. Полежаева к участникам V Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»].....	3
<i>Томилов Н. А., Жигунова М. А., Томилова В. С.</i> Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне»	5
Литература о всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» (Э. Р. Ахунова, Н. А. Томилов).....	25
ФРОНТ: сибиряки и сибирские воинские формирования в боях за Родину	
<i>Шиловский М. В.</i> Сибирские гвардейские формирования в боях от Ельни до Праги (1941–1945 годы)	29
<i>Алисов Д. А.</i> Омичи и омские формирования на фронтах Великой Отечественной войны	34
<i>Широбоков Ю. Н., Попов И. А.</i> Омские соединения и части в битве за Ленинград	36
<i>Ярков А. П., Зайцев Г. С., Зубков К. И.</i> О первых страницах истории малоизвестной войны на севере Сибири	40
<i>Терещенко Л. М.</i> Памяти славных воинов 30-й отдельной стрелковой лыжной бригады посвящается	45
<i>Ярославцев К. В.</i> Слава и трагедия 586-го стрелкового полка. 1941 год....	50
<i>Евтугова А. А.</i> Роль особых отделов НКВД в формировании омских дивизий.....	55
<i>Павлов А. А.</i> Воины-ученые на фронтах Великой Отечественной войны	58
<i>Федоров А. Э.</i> Подготовка в Омске пополнения для действующей армии в годы Великой Отечественной войны.....	63
<i>Федяева С. А.</i> Вклад Омского пехотного училища в подготовку командного состава и формирование воинских частей в годы Великой Отечественной войны	67
<i>Саврушева М. И.</i> Героический архетип в годы Великой Отечественной войны и в постсоветский период	69
<i>Перхавко В. Б.</i> Народные ополчения в России X–XX веков	71

ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ: социально-экономический потенциал Сибири в годы Великой Отечественной войны

<i>Братченко Т. М., Сенявский А. С.</i> Мобилизационные механизмы восстановления экономики на освобожденных от оккупации территориях РСФСР в условиях войны (1941–1945 годы)	76
<i>Запарий В. В.</i> Вклад металлургического комплекса Урала в победу в Великой Отечественной войне.....	83
<i>Долголюк А. А.</i> Восстановление в Сибири эвакуированных предприятий ...	87
<i>Савицкий И. М.</i> Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны	91
<i>Серазетдинов Б. У.</i> Становление и развитие оборонной промышленности в Западной Сибири в начале войны. 1941 год	95
<i>Южаков В. П.</i> Социально-экономический потенциал Тюмени в годы Великой Отечественной войны	100
<i>Иванюта А. И.</i> Оборонная промышленность Алтайского края в годы Великой Отечественной войны.....	103
<i>Тимошенко А. И.</i> Стратегия создания сибирского тыла в советской государственной политике в 1930-е годы	106
<i>Мотревич В. П.</i> Вклад сельского хозяйства республик СССР и регионов России в победу в Великой Отечественной войне	110
<i>Ильиных В. А.</i> Налогово-податное обложение сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны.....	115
<i>Зайцева Л. А.</i> Мобилизационная политика в отношении деревни в условиях военного времени (на материалах Бурятии)	119
<i>Алексеева Л. В.</i> Сельскохозяйственное производство (земледелие) в Ханты-Мансийском национальном округе Омской области в годы Великой Отечественной войны	123
<i>Андреевков С. Н.</i> Сельскохозяйственное производство в Сибири в 1941–1945 годах: условия и динамика развития	126
<i>Захаров В. П.</i> «Джугджурзолото» и перевозка грузов в Аллах-Юнь в 1941–1945 годах.....	131
<i>Чухно А. В.</i> Северный Казахстан и североказахстанцы в первые полгода Великой Отечественной войны.....	134
<i>Садовникова А. А.</i> В те суровые 1941–1945 годы на Колыме	138
<i>Шумилов А. И.</i> Проблема численности эвакуированных в годы Великой Отечественной войны предприятий в Сибирь в исторической литературе.....	142

ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ: повседневность и социальная история

- Никитина С. Е.* История повседневности глубокого тыла
Великой Отечественной: трудовой фронт Ленского района Якутии ... 146
- Васютина Н. Н.* Великий трудовой подвиг детей Кузбасса в годы
Великой Отечественной войны 152
- Ермачкова Е. П.* Деятельность детских домов юга Тюменской области
в годы Великой Отечественной войны 154
- Васенин Д. В., Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н.* Жизнь в тылу в годы
Великой Отечественной войны по детским воспоминаниям 158
- Орлов М. А.* Иностранцы военнопленные в Тюменской области
(1943–1948 годы) 161
- Журавлев Е. Н.* Польские спецпереселенцы-осадники
на территории Омской области в предвоенный период и годы
Великой Отечественной войны 166
- Ракова А. П.* Союз польских патриотов в истории Омской области 171
- Талатин А. Н.* Политика в отношении военнопленных двух мировых войн
в России и Сибири 175
- Сизов С. Г.* Повседневная жизнь Омска первых послевоенных лет
(1945–1953) 179
- Сапожникова Н. В.* «Эхо несостоявшегося детства»: история малолетнего
уничтожения в фашистских концлагерях. К постановке проблемы 183

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: история Великой Отечественной войны в деятельности архивов и музеев

- Вихорнов В. А.* Великая Отечественная война на экране и в архивных
документах 188
- Поправко Е. А.* Экспозиционно-выставочная работа Приморского краевого
краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны 194
- Антропов Е. В.* Публикация воспоминаний из фондов Музея города
Новосибирска как вид деятельности Центра устной истории 197
- Можан Н. И.* Музей боевой славы им. Л. Н. Гуртьева как средство
сохранения и передачи исторической памяти 200
- Милиценко О. А.* Память о Великой Отечественной войне в деятель-
ности Народного музея истории ОмГАУ (1975–2010 годы) 204
- Бельков В. И.* Забота молодежи Кузбасса о детях в годы Великой
Отечественной войны 208

<i>Ерошевская Д. В., Коляденко А. А., Кулешова Н. В.</i> Материалы школьных музеев об участниках Великой Отечественной войны (на примере музеев Тарского и Таврического районов Омской области)	213
<i>Осипова В. Д., Ремизов А. А.</i> Великая Отечественная война в материалах семейных архивов	216

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: проблема искажений и фальсификации истории Великой Отечественной войны

<i>Щербин Н. М.</i> Правда против мифов.....	220
<i>Новиков С. В., Новиков М. С.</i> К вопросу о классификации фальсификаций истории Великой Отечественной войны	225
<i>Гарифуллин И. Б.</i> Великая Отечественная: правда против лжи глазами участника войны.....	228
<i>Червенчук В. Д.</i> Фальсификация великих побед прошлого как инструмент подрыва национальной безопасности	232
<i>Чухно А. В.</i> О некоторых «неудобных» вопросах начала Великой Отечественной войны (по материалам Северного Казахстана).....	235
<i>Клец В. К.</i> Фольксдойче в оккупированной Украине: мифы историографии и реальность	241
<i>Москаленко М. Р.</i> Генерал А. А. Власов и его проект общественного устройства (к вопросу о коллаборационизме).....	247
<i>Набиуллина Г. М.</i> Великая Отечественная война в башкирской литературе	250
<i>Булатова Н. С., Чухно А. В.</i> Исторические представления современных студентов о Второй мировой войне	253
Список сокращений	259

Научное издание

**СИБИРЬ: ВКЛАД В ПОБЕДУ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

*Сборник материалов V Всероссийской научной конференции
(Омск, 5–6 мая 2011 г.)*

Редакторы: *И. И. Лепешинская, Н. А. Машина*
Технический редактор *Д. В. Пискарев*

Подписано в печать 22.04.2011. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 16,7. Уч.-изд. л. 20,8.
Тираж 350 экз. Заказ П-690.

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93